

Тезисы выступлений на научной сессии СПбИИ РАН 2025 г.

Отдел древней истории России

Абеленцева Ольга Алексеевна

Оформление поручных записей в делопроизводстве Успенского Тихвинского монастыря

Поручные записи широко применялись в повседневной жизни локального сообщества Успенского Тихвинского монастыря. Необходимость в них возникала при заключении порядной для поступления в посадские люди, бобыли или крестьяне. Также поручные записи использовались в дисциплинарных целях — для обеспечения явки в суд или во избежание ситуаций, когда член локального сообщества не обеспечивал уплату налогов и исполнение натуральных повинностей. Ранее поручные из монастырского архива исследовала К. Н. Сербина в рамках изучения истории Тихвинского посада и обретения им статуса города. Исследовательницей была высказана концепция об отражении в формуляре поручных записей развития крепостнических отношений в XVII в. и усилении феодального гнета в Тихвинской вотчине. Однако, на наш взгляд, концептуальные установки в отечественной историографии второй четверти XX в. не позволили К. Н. Сербиной в полной мере раскрыть информационный потенциал данных источников. Значительная часть поручных была оформлена в качестве превентивных мер к правонарушителям для предотвращения незаконного производства хмельных напитков и торговли ими, воровства, применения насилия. Анализ поручных из архива Успенского Тихвинского монастыря показал отсутствие унификации используемой терминологии и ее изменение на протяжении 1620–1660-х гг., нехватку единого подхода к аутентификации этих документов, разную степень детализации содержания сходных по смыслу клаузул. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что формулировки обязательств в поручных относительно уплаты податей и исполнения натуральных повинностей в основном не содержат конкретной информации и не могут быть использованы для оценки степени усиления или ослабления налогового бремени.

Бащин Никита Викторович

Опись Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г.: кодикологические изыскания

10 февраля 1668 г. по грамоте патриарха Московского и всея Руси Иоасафа и указу архиепископа Вологодского и Белозерского Симона архимандрит Спасо-Каменного монастыря Ефросин провел описание Кирилло-Белозерского монастыря, после чего обитель возглавил архимандрит Никита и строитель старец Ефрем Потемкин.

В результате деятельности комиссии переписчиков появилось два экземпляра описи строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря с вотчинной частью, имеющие равную юридическую силу; оба сохранились: 1) ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q.IV.393. Рукопись в 4^о (15,8 × 20,4), 1166 л.; 2) РГАДА. Ф. 1441. Оп. 7. Ед. хр. 11. Рукопись в 4^о (15,8 × 20,4), 1134 л.

Документ, хранящийся в РГАДА, происходит из монастырского архива, имеет оригинальный сохранившийся переплет XVII в., переплетался один раз после составления документа. Документ, хранящийся в ОР РНБ, происходит из архива Вологодского архиерейского дома Св. Софии, переплет XVII в. утрачен, переплетался два раза, при повторном переплете нарушен порядок расположения листов и тетрадей в рукописи. При подготовке к изданию этого документа для восстановления последовательности текста было проведено кодикологическое исследование, благодаря потетрадной нумерации и содержанию описи эта задача была выполнена, а рукопись из РГАДА была привлечена для верификации выводов.

Фрагмент кодикологической структуры описи Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г. (рукопись из ОР РНБ)

Количество листов в тетради	Листы	Потетрадная нумерация
8	182–189	кг
10	210–219	кд
8	202–209	ке
3	190–192	–
9	193–201	кс
8	220–227	кз

Источник: ОР РНБ. Ф 550 (ОСРК). Q.IV.393.

Введенский Антон Михайлович

Сколько было списков летописей в домонгольской Руси?

Последнее время в исследованиях русского летописания домонгольского периода наметилась явная тенденция к уменьшению количества реконструируемых специалистами летописных сводов. В XI в., как предполагает большинство ученых, летописание велось лишь в Киеве и за это время было создано три свода, где каждый последующий перерабатывал текст предыдущего. В начале XII в. были созданы, скорее всего, две редакции ПВЛ, т. е. два списка, один из которых попал во Владимир, а второй остался в Киеве. Список ПВЛ первой редакции был пополнен, а далее во Владимире около 1165 г. создали свод Андрея Боголюбского. Он также был продолжен, вполне вероятно до статьи 1197 г., после чего появился новый свод 1197 г., выписки из которого были использованы составителем киевского свода 1199/1200 г. После ПВЛ в Киеве велись летописные записи, но создавался ли новый список до появления свода 1199/1200 г. или ведение летописи шло вслед за текстом ПВЛ второй редакции остается спорным. В Новгороде в начале XII в. при Мстиславе Всеволодовиче появляется новгородская летопись, в основе которой лежал текст киевского свода XI в. В середине XII в. в Новгороде были написаны два свода – «1167 г.» и летопись Юрьева монастыря. В дальнейшем они оба пополнялись, но новая рукопись появляется, видимо, только в конце XIII в. В начале XIII в. в северо-восточной Руси на основе свода 1197 г. создан свод 1205 г. — протограф Радзивилловской и Академической летописи, а в 1216 г. — летописец Переяславля Суздальского. Таким образом, можно предположить, что в домонгольское время, рукописей, содержащих летописный текст, ведущий свое повествование с событий IX в., было как минимум 13. Три киевских свода XI в., три новгородских XII в., два владимирских XII в., три киевских XII в. и два северо-восточной Руси начала XIII в.

Вовина Варвара Гелиевна

**Материалы Топецкой гари как источник
по истории подвинских крестьян сер. XVIII в.**

Данный сюжет напрямую относится к моей плановой монографии, цель которой состоит в написании истории одной из дворцовых волостей Русского Севера — Кургомени — на протяжении нескольких столетий, начиная с сер. XVII в. По этой волости, как и по большинству соседних, сохранилось не так много актового материала, поэтому мы вынуждены иметь дело в основном с материалами государственных описаний. Случаи, когда возможно проверить их сведения данными другого происхождения, редки, как и события, в результате которых Кургомень и Подвинская четверть в целом оказывались в центре внимания в Архангельске, не говоря уже о Москве, а позднее — о Петербурге. Одно из таких событий — Топецкая гарь 1746 г. Это единственный случай прямого сопротивления власти со стороны части крестьян-староверов Кургомени, соседней Топсы и некоторых других волостей. Материалы следствия по этому делу сохранились в РГИА и РГАДА. По большей части они

совпадают, хотя дело, которое хранится в РГИА, более полно. Топецкая гарь была одним из эпизодов волны массовых самосожжений, которые прокатились по верхнему и среднему Подвинью в первые годы царствования имп. Елизаветы Петровны. Она совпала с очередным ревизским описанием данной местности и отчасти, видимо, была им спровоцирована. Как и в других случаях власти не сумели, несмотря на приказы свыше, предотвратить самосожжение около ста крестьян. Все этапы их действий, как и действий запершихся в срубе староверов подробно освещаются материалами дела.

Эти документы были известны исследователям массовых самосожжений Е. В. Романовой и М. В. Пулькину. Однако для них топецкий эпизод не представлял отдельного интереса, поскольку не вносил чего-то принципиально нового, что было бы неизвестно по другим эпизодам крестьянских самосожжений этого времени. Но для истории Кургомени и окрестных мест он дает возможность существенно увеличить знания об истории крестьянских семей в сер. XVIII в., в том числе проверить сведения третьей ревизии 1762 г., хранящиеся в РГАДА. Поскольку эти данные не противоречат друг другу, это косвенно свидетельствует об адекватном отражении в ревизской переписи состава крестьян Кургомениской волости. К сожалению, данный вывод ослабляется отсутствием аналогичных материалов ревизии по Топсе (откуда была родом большая часть сгоревших крестьян).

Отдельный интерес представляют описания в материалах следствия мотиваций крестьян, последовательности их действий и того, как уже запершиеся в срубе крестьяне разговаривали с присланными к ним переговорщиками, как они описывали свою веру и свои представления о вере никониан. В частности, крестьяне обнаружили свое знакомство с Кирилловой книгой — сборником анти-еретических полемических сочинений, изданной в Москве в 1644 г. Эти данные открывают возможность увидеть дополнительные нюансы, ускользавшие ранее от внимания историков старообрядчества.

Павлов Андрей Павлович

Особенности пополнения состава Государева Двора в царствования Михаила Федоровича (на примере чина стряпчих)

После Смуты происходило значительное возрастание численности стряпчих, как и других московских чинов Государева двора, за счет новых служилых родов, выходцев из уездного дворянства.

К началу Смуты в стряпчих служили около 40 человек, в 1611 г. их численность составляла около 60 чел., в 1632 г. — около 110 чел., а в 1644/45 г. — около 220 чел. Таким образом, за время царствования Михаила Федоровича численность стряпчих возросла примерно в 3,6 раза.

С возрастанием численности стряпчих происходили изменения их генеалогического состава. Всего за годы царствования Михаила Федоровича прослеживается служба около 580 стряпчих, представителей 253 фамилий. Из них к княжеско-боярской знати принадлежало только 62 человека (10,67%), тогда как до Смуты на долю княжеско-боярских родов приходилось около 60% стряпчих.

Однако, несмотря на свой относительно худородный состав, стряпчие времени царствования Михаила Федоровича были людьми отнюдь не случайными при дворе. Как правило, они не были выходцами непосредственно из городских дворян, а в подавляющем своем большинстве являлись представителями родов, которые, благодаря активным службам в годы Смуты и в послесмутное время, утвердились в составе московского дворянства.

Будучи людьми в основном молодыми, стряпчие являлись резервом для пополнения состава других, более высоких, московских чинов. Из 164 стряпчих, служивших в период с 1613 по 1626 гг., только 19 чел. завершили свою придворную карьеру при царе Михаиле Федоровиче в данном чине; большинство же стряпчих были переведены в стольники (76 чел.) и в дворяне московские (65 чел.).

Некоторые из стряпчих были приближены к особе царя Михаила Федоровича и состояли при нем в качестве «комнатных стряпчих» (Василий Иванович Стрешнев, Степан Яковлевич Милюков, Иван Афанасьевич Плещеев, Федор Михайлович Толочанов, Богдан Матвеевич Хитрово).

Через службу в стряпчих царя Михаила дальнейшую карьеру при дворе сделал целый ряд лиц, ставших думными людьми – кн. Федор Федорович Волконский, Артемон Сергеевич Матвеев, Григорий Гаврилович Пушкин, Федор Михайлович Ртищев, Богдан Матвеевич Хитрово, Иван Максимович Языков и др.

На примере чина стряпчих мы видим, что активное пополнение состава Государева двора после Смуты выходами из новых провинциальных служилых родов не привело к принципиальным изменениям самой системы отношений при дворе. Оказавшиеся в составе Государева двора выходцы из новых родов утрачивали связи с прежней «дворянской» средой и прочно закреплялись, благодаря родственным и личным связям, в новой придворной среде.

Сазонова Татьяна Викторовна

«...От блудного дела была чревата»: к вопросу о судьбах монахинь, нарушивших иноческий обет в Горицком монастыре XVII в.

Монастырь в России XVII в., в том числе и женский, представлял собой открытую социальную систему, готовую к взаимодействию с социумом и являвшуюся при этом ее неотъемлемой частью. Насельницы женских монастырей нередко принимали постриг не по своей воле. В результате оказывались возможными ситуации, далеко отстоявшие от норм, предписанных монашествующим, в том числе беременность насельниц и последующее рождение у них детей. Судьбы провинившихся складывались по-разному.

Так, например, в 1689 г. монахиня Марфа Моложенинова, прожившая в монастыре 15 лет, забеременела, по ее словам, из-за насилия со стороны черного священника Кирилло-Белозерского монастыря. Она была изгнана из монастырской общины и скиталась два месяца в окрестностях монастыря и умерла, родив мертвого ребенка; в назидание другим ее тело зарыли в берег реки Шексны без церковного отпевания и внесения ее имени в монастырский синодик.

Не столь трагичен случай крылошанки Еликоницы, родившей ребенка в 1682 г. от связи с бобылем соседней деревни. Оба повинились и в наказание были биты плетьюми и обязаны заплатить штраф, а родившийся ребенок был отдан родственникам в деревню, причем бобыль должен был обеспечить ребенка, купив корову.

Еще один случай относится к 1650-м гг. Старица Горицкого монастыря Феокиста Тимофеева донесла архиепископу Симону на свою родную сестру Февронью, перечислив ее различные прегрешения, в том числе что она со священником «плутовством знается» и, выехав из монастыря, родила ребенка, передав его знакомой просфирне. Несмотря на это и другие несправедливые поступки, Февронья Тимофеева осталась в числе соборных стариц и впоследствии выполняла важные поручения.

Как показывают эти и другие случаи, в Горицком монастыре не было единого наказания за нарушение иноческого обета. Возможно, что на это могли влиять положение монахини в монастыре, ее личностные качества, происхождение, занимаемая должность, сопутствующие обстоятельства, а также личность человека, проводившего расследование.

Седов Павел Владимирович

Демонстративность поведения людей Московского государства XVII века как способ выразить себя

Многочисленные судебные дела XVII в. содержат сведения о конфликтах представителей разных чинов: от бояр до крестьян и холопов, в том числе детальные описания драк, ругательств и других проявлений агрессивного поведения.

Анализ такого рода дел о ссорах и драках представляет известную трудность, поскольку исковые челобитные участников конфликтов и их расспросные речи представляют тенденциозное изложение событий с целью оправдать свои слова и поступки и выставить противную сторону в невыгодном свете.

Однако в этих тенденциозных судебных показаниях находим такие обстоятельства, о которых участники конфликтов упоминали вне связи с оправданием своих действий. Внимание автора привлекла повторяющаяся склонность свидетелей отмечать демонстративность поведения конфликтующих сторон.

В местнических делах находим многочисленные факты специфической брани между служилыми людьми «по отечеству». Родословные люди позволяли себе называть своих «местников» «сынишками боярскими», «небылишными князьями» и могли заявить: «у меня на конюшне служат лучше тебя». Такие оскорбления в адрес людей с многовековой родословной носили преувеличенно демонстративный характер и были обращены не только к противной стороне, но и к свидетелям ссоры.

Люди простых чинов и званий в ссорах и драках тоже держали себя нарочито вызывающе: угрожали своим врагам убийством при многочисленных свидетелях. Они не скрывали от посторонних глаз и ушей своих агрессивных намерений, но чаще всего эти угрозы оставались лишь словами.

Мотивы подобного показного, демонстративного поведения русских людей XVII в. составляют предмет анализа данного доклада.

Сиренов Алексей Владимирович

Две легенды о происхождении Торопецкой иконы Богоматери

Одна из почитаемых богородичных икон средневековой России, Торопецкая икона Богоматери, по легенде, связана с деятельностью святой Евфросинии Полоцкой. Ее отождествляют с Эфесской иконой Богоматери, в середине XII в. принесенной из малоазийского города Эфеса в Полоцк по просьбе полоцкой княжны, принявшей монашество с именем Евфросинии и впоследствии канонизированной. Образ Эфесской Богоматери впоследствии был утрачен, и поздняя традиция доносит историческое предание, что эта икона оказалась в Торопце и с XVII в. получила известность как Корсунская икона Богоматери. О перемещении иконы из Полоцка в Торопец повествуют две легенды.

Наиболее ранней из них является торопецкая легенда. Ее изложение содержится в рукописном повествовании о Торопецкой иконе Богоматери, которое в настоящее время известно в единственном списке середины XVIII в. РНБ. Ф. 359 (Н. Я. Колобов) 143¹.

Легенда о Торопецкой иконе Богоматери изложена в подборке выписок из Степенной книги о Евфросинии Полоцкой, о женитьбе Александра Невского и др. К тексту выписок автор компиляции прибавлял отдельные фразы, из которых следовало, что невеста Александра Невского привезла в Торопец из Полоцка икону Эфесской Богоматери, которую некогда прислали ее дальней родственнице Евфросинии Полоцкой из Византии. Нам удалось обнаружить список Степенной книги, который явился источником выписок — РНБ, собр. Санкт-Петербургской духовной академии А-1/91, датируемая 1720 г. и бытовавшая в Торопце. Можно считать доказанным, что уникальные подробности рукописи Колобов. 143 являются плодом вымысла ее составителя. Таким образом, Торопецкую легенду следует датировать временем создания содержащего ее текст рукописного сборника, т. е. серединой XVIII в.²

Собственно, суть торопецкой легенды заключается в попытке отождествить Торопецкую икону Богоматери с Эфесской. Иными словами, речь идет об атрибуции

¹ Романова А. А. Чудо о иконе Богоматери Корсунской Торопецкой // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т—Я. Дополнения. С. 264–265.

² Сиренов А. В. Легенда о Торопецкой иконе Богоматери // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2009. Вып. 1. С. 3–11.

Торопецкой иконы. Такой подход необоснованной атрибуции довольно часто встречается при изучении и других русских древностей. В XIX в. точно так же без какой-либо аргументации атрибутировали самые разные древнерусские артефакты: в Оружейной палате шлем — Александру Невскому, саблю — Владимиру Мономаху, в Переяславле-Залесском потир — Юрию Долгорукому, во Владимире две лиможские эмали — Андрею Боголюбскому. Этот ряд можно продолжить. Здесь же важно подчеркнуть, что ложная атрибуция Торопецкой иконы в XVIII в. вполне характерна для начального этапа изучения отечественных древностей.

Вторая версия происхождения Торопецкой иконы была впервые изложена К. С. Сербиновичем в 1841 г., который на страницах своей книги, посвященной Евфросинии Полоцкой пересказал некое «белорусское предание»: «Ефесская икона была вынесена из Полоцка в Торопец; присовокупляют, что сие последовало пред самым нашествием польского короля Стефана Батория, и что монахини Спасской обители вынесли ее, опасаясь, что он у них не отнял ее»³. Несомненно, К. С. Сербинович был знаком с текстом Сказания о Торопецкой иконе, поскольку ниже его цитирует и отдает предпочтение версии Сказания, что Эфесскую икону в Торопец принесла невеста Александра Невского. При этом он как уроженец Полоцка и выпускник Полоцкого коллегиума наверняка был осведомлен о местных исторических преданиях. В XVII в. жители Полоцка были уверены, что знаменитая икона Эфесской Богоматери находится в Софийском соборе Полоцка. Так об этой иконе писал, например, Симеон Полоцкий. И только после ее попадания в Россию стало очевидно, что к Эфесской иконе она отношения не имеет, а была вложена в полоцкий Софийский собор дочерью Ивана III великой литовской княгиней Еленой Ивановной в конце XV в. Таким образом, уже в XVII в. в Полоцке не существовало воспоминаний об обстоятельствах пропажи иконы Эфесской Богоматери. В XVIII в. в польской исторической литературе появилась версия, согласно которой икону из Полоцка в XIII в. увез в Бельз галицкий князь Лев Данилович по просьбе бежавших из Спасского монастыря монахинь⁴. В труде униатского историка Игнатия Кульчинского изложена другая легенда: икону захватили русские и вывезли из Полоцка в Смоленск. Пересказывая последнюю версию, К. С. Сербинович делает это не совсем точно: «россияне во время войны с Польшей перенесли ее в Смоленск»⁵. В то время как у Кульчинского написано только, что московиты захватили ее силой и перенесли в Смоленск («Polocensem vero non ita pridem Moscici per vim asseperere, et Smocenscum asportavere»⁶).

В послереволюционное время Торопецкая икона поступила в Русский музей, где в 1960-е годы была отреставрирована, расчищена и исследована оптическими методами. Согласно проведенным исследованиям, икону оказалось возможным датировать XIV в. и отнести к псковской школе иконописи. В 1995 г. обстоятельную статью Торопецкой иконе посвятила И. А. Шалина. Исследовательница полагает, что легенда о перенесении иконы из Полоцка в Торопец невестой Александра Невского недостоверна, потому что Торопецкая икона — двухсторонняя, т.е. выносная, и поэтому не могла быть венчальной. А информации о перенесении иконы из Полоцка в Торопец в 1579 г. И. А. Шалина склонна доверять. Отсюда ее предположение, что Торопецкая икона является копией Эфесской, происходит из Полоцка и попала в Торопец в XVI в.

В 2009 г. по решению Министерства культуры Российской Федерации Торопецкую икону изъяли из хранения Русского музея и поместили в храм Александра Невского в

³ *Сербинович К. С.* Исторические сведения о жизни преподобной Евфросинии княжны Полоцкой, с описанием и изображением креста, принесенного ею в дар полоцкой Спасской обители. СПб., 1841. С. 11.

⁴ *Stebelski I.* Żywot śś. Eufrozyny i Praszewii. Wilno, 1781. S. 113–114.

⁵ *Сербинович К. С.* Исторические сведения о жизни преподобной Евфросинии княжны Полоцкой... С. 11.

⁶ *Kulczyński I.* Specimen ecclesiae Ruthenicae ab origine susceptae fidei ad nostra usque tempora in suis capitibus seu primatibus Russiae cum S. Sede Apostolica Romana. Roma, 1733. P. 93.

подмосковном коттеджном поселке Княжье озеро — по всей видимости, только на том основании, что икона связана с Александром Невским⁷. В 2024 г. в Торопце поставлен памятник Александру Невскому⁸. На этом монументе изображена и жена князя, которая протягивает ему образ Торопецкой Богоматери. Так торопецкая легенда оказалась запечатлена и в монументальной скульптуре.

Как ни парадоксально, но приходится констатировать, что в наше время на официальном уровне отдается предпочтение совершенно недостоверной информации. Обе легенды о происхождении Торопецкой иконы Богоматери, о ее перенесении в Торопец в 1239 г. невестой Александра Невского или в 1579 г. полоцкими монахинями, одинаково недостоверны. Об этой иконе мы знаем только то, что она, по крайней мере, с начала XVII в. пребывала в Торопце. Именно так ее и следует воспринимать — как древнюю торопецкую икону.

Отдел Новой истории России

Андреева Татьяна Васильевна

М. М. Сперанский и проблема Комитета министров в первой трети XIX века

Неопределенность положения Комитета министров в государственной системе Российской империи определяла проблему его институционального статуса и правительственных полномочий в продолжение всей первой трети XIX века. Комитет министров, созданный как временный орган, без законодательного и организационного закрепления в Манифесте 8 сентября 1802 г. его полномочий, являлся высшим государственным учреждением, дублирующим законосовещательные полномочия Государственного совета, управленческие прерогативы министерств и судебные функции Сената. В силу этого отношение М. М. Сперанского, считавшего, что «отдельный образ бытия Комитета министров как мера временная, был необходим», но как «установление постоянное» он создает неудобства и бесполезное разделение государственных дел в разных высших государственных учреждениях, эволюционировало в продолжение царствования Александра I и начале правления Николая I. Отношение Сперанского к институциональному статусу Комитета министров, его роли в российской государственности менялось в зависимости от позиции императора, стратегической цели и конкретных задач реформаторской программы, а также внутри- и внешнеполитической ситуации. В течение первой трети XIX века взгляды М. М. Сперанского эволюционировали — от признания определенной роли Комитета министров в государственном управлении через идею его упразднения в царствование Александра I до положения о преобразовании и соединении с предполагаемым Правительствующим Сенатом в начале правления Николая I. При всех особенностях и отличительных чертах тактики прослеживается безусловное сходство в преобразовательной политике двух царствований. Нашедшая отражение в проектах и записках М. М. Сперанского, посвященных проблеме Комитета министров, она основывалась на преемственности существующих государственных институтов, их обогащении и совершенствовании.

Васильев Ярослав Анатольевич

Занятия женщин Новгородской и Псковской губерний (по результатам всеобщей переписи 1897 года)

⁷ См., напр.: Древнюю икону тайно перевезли из музея в коттеджный поселок <https://lenta.ru/news/2009/12/03/icon/> (дата обращения: 10.11.2024).

⁸ См.: Опубликованы первые снимки памятника Александру Невскому в Торопце <https://tverigrad.ru/publication/opublikovany-pervye-snimki-pamiatnika-aleksandru-nevskomu-v-toropce/> (дата обращения 10.11.2024).

Первая Всероссийская перепись населения, проведенная в 1897 году, до сих пор является важнейшим источником по истории России конца XIX – начала XX века. Сведениями переписи пользуются исследователи социально-экономической истории России конца XIX – начала XX в. Это относится и к Новгородской губернии. Однако глубокого анализа собранных данных, в том числе в сравнении с Псковской губернией, не проводилось.

Часть населения считалась временно отсутствующей, хотя и зарегистрированной по месту жительства в связи с занятием отхожими промыслами, службой в других городах и губерниях, извозом и проч. Характерно, что число временно отсутствующих женщин было сравнимо с числом мужчин: в Новгородской – 20 798 жен. и 50 764 муж. (2,89% и 7,57% от общего числа) и 13 940 жен. и 25 194 муж. (2,38% и 4,57%) в Псковской. В одном только Санкт-Петербурге по результатам переписи оказалось 68 490 новгородцев – 30 059 мужчин и 38 431 женщина (третье место после Тверской, Ярославской и Петербургской губерний).

Основной отраслью производства, в которой были заняты женщины обеих губерний, конечно, было сельское, а точнее – крестьянское, хозяйство (более 90%). Количество женщин, заявивших о себе как о самостоятельных хозяевах, было, конечно, меньше, чем мужчин (в Новгородской – в 6,5 раз, 15%, в Псковской – в 6,8 раз, 14,6%), но, тем не менее, значительно. Характерно, что большинство из них относится именно к сельским жителям.

Следующей после земледелия по занятости сферой деятельности женщин Новгородской и Псковской губерний являлась поденная работа: 19 259 и 10 777 человек соответственно, значительно превышая участие мужчин: 9523 и 6096 человек. Данное превышение неудивительно, так как это, прежде всего, традиционная работа по дому (уборка, приготовление пищи), труд прачек, кормилиц и нянь всегда был востребован.

Второй сферой, в которой занятость женщин превышала мужскую, была «обработка волокон», то есть, прядение и ткачество, а также обработка льна: 1713 и 875 женщин против 910 и 875 мужчин в Новгородской и Псковской губерниях соответственно. А вот пошив одежды оказался по преимуществу мужским делом 5912 и 3819 мужчин против 2680 и 1482 женщин. Однако материалы переписи не выделяют отдельно белошвеек и мастериц, изготавливавших постельное белье. Абсолютно превышают по занятости женщины мужчин в сфере «чистота и гигиена тела», под которой подразумевалось, в основном, стирка белья, так как прачками традиционно были женщины, они же к концу XIX становятся и хозяйками или арендаторами прачечных 732 и 456 женщин против 66 и 86 мужчин.

Достаточно много женщин занималось торговлей, хотя еще не могло составить серьезную конкуренцию мужчинам, наилучшие показатели относятся только к торговле продуктами сельского хозяйства, разносной торговле и торговле алкоголем («питейной»), а также там, где женщины указали торговлю просто как род занятий, без детализации. Тем не менее, в Новгородской губернии это 25% от числа торговцев-мужчин (1311 против 5235) и 24,6% (1072 против 4345) в Псковской. Впрочем, на деле этот показатель мог быть и выше, так как неизвестно, какое количество женщин занималось торговлей неофициально, не регистрируясь и не выписывая патент. Не все занимались ей самостоятельно, кто-то помогал мужьям и отцам, кто-то торговал от их имени.

Растет участие женщин в медицине и санитарном деле: в Новгородской губернии – 822 мужчины и 364 женщины и в Псковской губернии – 431 мужчина и 330 женщин. Большие размеры Новгородской губернии обусловили то, что половина медиков-мужчин и две трети женщин (480 и 208) трудились в сельской местности – до городов было далеко и трудно добираться. В более компактной Псковской губернии на селе работали 165 мужчин и 119 женщин.

Заметно увеличение числа женщин в сфере образования и воспитания, количество их активно догоняло мужчин, прежде всего, за счет возможности получить диплом домашней учительницы. Постепенно начинают практиковать и преподавательницы с

высшим образованием (правда, как правило, с заграничными дипломами), хотя, еще в единичных случаях – в Псковской губернии менее 0,3% [7, с. 110–111]. Немалую часть из них занимали сельские учительницы: 548 в Новгородской и 307 в Псковской губернии.

Появляются женщины и на железных дорогах: 97 в Новгородской и 74 в Псковской губ., и в извозном промысле: 60 и 7 соответственно.

Традиционно много женщин относили себя к «Богослужению православного вероисповедания», в их отношении – монашество – 2436 человек (мужчин белого и черного духовенства – 2565 человек). Женщин неправославного вероисповедания перепись не зафиксировала.

Достаточно много женщин (7001 чел.) жило на средства от доходов с капитала, недвижимого имущества, родителей и родственников. Мужчин, существовавших на такие средства, насчитывалось вполтину меньше – 3773 чел. В сельской местности их проживало 4569 женщин и 2667 мужчин. В Псковской губернии живших на эти средства женщин насчитывалось 4103, мужчин – 2911 (на селе – 2491 и 1907, соответственно).

Еще больше женщин зафиксированы в материалах переписи как проживавшие на средства казны, общественных учреждений и частных лиц – 9567 (7987 мужчин), подавляющее большинство – в сельской местности 8469 женщин и 6393 мужчин. Прежде всего, это относилось к обитателям богаделен и детских приютов.

Не женским тогда считалось производство керамических изделий (как на заводах, так и у гончаров-ремесленников). Керамическое производство в данных переписи объединяло и ремесленников-гончаров и рабочих заводов огнеупоров, где мужчины значительно превышают женщин в связи тяжелыми условиями труда – 4621 и 773 в Новгородской и 197 и 20 человек в Псковской губернии.

Совсем не было женщин в строительстве, ремонте и содержании жилья, а также в изготовлении судов и экипажей. Естественно, что в дореволюционный период их не было и в администрации, суде и полиции, общественной и сословной службе, частной юридической деятельности, вооруженных силах. Тем не менее, были зафиксированы женщины как самостоятельные хозяйки: в «обработке дерева» – 204 чел. в Новгородской и 7 в Псковской, «производства химические и связанные с ними» – 864 и 17, «табак и изделия из него» – 13 и 1, «полиграфические производства и изделия из бумаги» – 13 и 14, «инструменты физические, оптические, хирургические, часы, игрушки» – 5 и 1, «ювелирное дело, живопись, предметы культа, роскоши и т. д.» – 7 и 2, «почта, телеграф и телефон» – 5 и 3, «кредитные и общественные коммерческие учреждения» – 15 и 10, проституция – 35 и 60.

Основные занятия лиц не русской национальности, зафиксированных в Новгородской губернии распределялись следующим образом (с членами семей, без вооруженных сил): земледелие: латыши – 5097 (из них женщин – 2540, из которых 124 самостоятельные хозяйки), немцы – 1919 (из них женщин – 944, из которых 24 самостоятельные хозяйки), карелы – 9185 (из них женщин – 4694, из которых 241 самостоятельные хозяйки); частная служба и деятельность, прислуга, поденная работа: немцы – 306 (из них женщин – 176, из которых 84 самостоятельные хозяйки), поляки – 160 (из них женщин – 80, из которых 50 самостоятельные хозяйки); керамическое производство: немцы – 404 (из них женщин – 188, из которых 7 самостоятельные хозяйки); «обработка растительных и животных питательных продуктов»: немцы – 254 (из них женщин – 115, из которых 4 самостоятельные хозяйки); изготовление одежды: евреи – 686 (из них женщин – 328, из которых 58 самостоятельные хозяйки); медицина: поляки – 52.

Таким образом, материалы переписи являются важнейшим источником по истории дореволюционной России, дают яркий срез социально-экономического состояния страны конца XIX – начала XX века до I мировой войны и революций 1917 года (хотя определенные коррективы внесла русско-японская война и первая русская революция 1905–1907 гг.). Данные переписи нуждаются в дальнейшем анализе и изучении и будут

востребованы исследователями, в том числе, как женского вопроса, так и истории женской занятости в России.

Жуковская Татьяна Николаевна

«Академический республиканизм» и практики университетского самоуправления в России 1800-1830-х гг. (на примере университетских выборов)

Самоуправление университетов в Средние века и раннее Новое время было близко римской модели республиканизма, определяющей не форму правления, не степень участия гражданина в политике, а рамки «общего дела» и общего мира. Университетские корпорации были достаточно изолированы в социальном и территориальном смысле, и в то же время наделены подтвержденными властью привилегиями, главными из которых были: экстерриториальность, право самоуправления, самопополнения, лицензирования, свободы преподавания, свободы обучения, корпоративного суда, относительной налоговой свободы, а также право сессии (отделения части корпорации), переноса деятельности университета в другой город и пр.

При этом личная сфера универсанта не подпадала под эти нормы, он наделялся привилегиями лишь как член сообщества. В дореволюционной России многие вышедшие на пенсию профессора перестают участвовать в делах сообщества даже как эксперты, их архивы и рукописи научных трудов мало интересуют университет, верные ученики разбегаются.

Немногочисленные в России академические сообщества получили по уставам 1803–1804 гг. уникальную в сословном авторитарном государстве возможность самоорганизации, начали выстраивать «снизу» научные, педагогические, кадровые, экспертные, экономические и иные отношения. Университеты стали не только объектом, но и субъектом администрирования, осуществляя надзор и управление в отношении средних и начальных училищ своего учебного округа, выстраивали систему выдачи дипломов чиновникам, присвоения ученых степеней. Инициатива в перемене читаемых курсов, оставлении лучших выпускников на кафедрах, заключении подрядов, приобретении книг и коллекций принадлежала профессорской коллегии, ее предложения формулировались и заносились в «журналы» Совета профессоров, рассматривались и санкционировались попечителем учебного округа и уже от его имени представлялись министру народного просвещения.

Пределы университетской автономии были очерчены максимально широко, в частности, потому, что в основу уставов начала XIX в. были положены принципы, предложенные профессорами Дерптского университета в первые месяцы реформ Александра I и принятые на фоне личного расположения императора к ректору университета Г.Ф. Парроту. Эти принципы были поддержаны и проработаны реформаторским составом Главного правления училищ, экспертного органа министерства.

Некоторые формы университетской автономии выглядели архаичными для XIX в. Провозглашенная уставами юрисдикция университета над своими членами применялась очень ограниченно. Государственное управление и финансирование, идеологический контроль деятельности университетов плохо уживались с представлениями о «республике ученых». Конфликт принципа регламентации и принципа коллегиальности пронизывает всю историю российских университетов XIX века. Для самих профессоров пафос служения науке и делу «воспитания юношества» сосуществовал с выгодами принадлежности к классу государственных чиновников, встроженных в систему чинов, наград и пенсионных выплат.

Представления о преподавании и науке как «общем деле» сформировались у профессоров под влиянием нескольких факторов: идей Просвещения, традиций обучения в немецких университетах, перенесенных в Россию, самими формами учебной и научной деятельности, мало менявшимися за столетия. Эти представления поддерживались и воспроизводились в немногочисленных, достаточно замкнутых в социальном отношении

ученых сообществах, существовавших в университетских городах в режиме экстерриториальности. Профессора осознавали себя также представителями интересов студентов («младших членов» единой «семьи»), а до середины 1830-х гг. и прямо осуществляли функции университетской инспекции. В риторике инспекторских донесений и отчасти в мемуаристике того времени повторяется образ «общей семьи», чему способствовало проживание казенных студентов и некоторых профессоров в университетских зданиях.

Эти понятия были усвоены европейски ориентированным поколением профессоров 1810–1820-х гг., которое включало не только приглашенных ученых-иностранцев (а это половина состава преподавателей не только Петербургского, но и Казанского, и Харьковского университетов), но и тех российских уроженцев, что прошли подготовку к профессуре в Европе.

Европейский опыт и система понятий о свободе преподавания и исследования вступали в конфликт с практиками государственного регулирования и надзора за высшей школой, которые окончательно оформились уставом 1835 г. Отсюда – конфликты между академической корпорацией (или коалициями внутри нее) и властью, которые проявлялись в ситуациях выборов ректора и деканов, замещения кафедр, ревизии читаемых курсов, дисциплинарных казусах. Эти конфликты отражаются в делопроизводственных и мемуарных источниках.

Риторика «общего дела», «общей пользы» прочитывается в документах обсуждений любых университетских проблем: от перемен в расписании, до выборов на должности. Ее повторяют и обращения попечителей учебных округов в адрес министерства, поскольку попечители, за немногими исключениями, мыслили себя проводниками интересов подведомственных университетов.

Ярким проявлением «академического республиканизма» как локализованной в ученом сообществе культуры самоуправления являлись университетские выборы. В описании данной процедуры уставы 1804 и 1835 гг. мало различаются, отсылая к римской республиканской традиции, дополненной опытом национальных парламентов Нового времени: с равными правами кандидатов, всеобщим тайным голосованием для членов Совета из числа ординарных профессоров. Теоретически любой член Совета мог претендовать на должность ректора, а любой, «известный своей ученостью» соискатель кафедры – на данную вакансию. Выбор Совета не был предрешен и заставлял волноваться как администраторов, так и самого кандидата, о чем, например, сообщает в своем дневнике А.В. Никитенко, в 1830 г. претендовавший на должность адъюнкта по кафедре политической экономии. Тонкости выборной процедуры соблюдались, отклонения от нее, например, нарушения кворума, правил подачи особых «мнений», или заочного голосования, как и явное протезирование начальства кому-то из кандидатов, вызывали протестации, и, как итог, пересмотр результатов выборов.

Результат голосования не был предсказуем как при избрании кандидата на вакантную кафедру, так и, к примеру, при переизбрании и продлении права преподавать по истечении 25-летнего срока службы. Начальство не могло продвинуть своего кандидата и даже рекомендовать кого бы то ни было в обход процедуры выборов. Так, в 1846 г. накануне отставки заслуженного профессора химии М.Ф. Соловьева попечитель М.Н. Мусин-Пушкин представлял министру о возможности замещения кафедры учеником Соловьева химиком-органиком А.А. Воскресенским, «для пользы науки и заведения». На полях документа министр С.С. Уваров заметил карандашом: «Если выберет Совет»⁹. Сам Соловьев, уже имея статус заслуженного профессора, в 1844 г. вынужден был пройти процедуру перевыборов, хотя до полной отставки ему оставалось менее двух лет. Его прошение о простом продлении права преподавать не было удовлетворено.

⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 24. Д. 87. Л. 37

При выборах ректора члены Совета с избирательным голосом поочередно голосовали в первом туре за всех кандидатов, а во втором – за двух, набравших наибольшее количество «избирательных» голосов. Влияние ведомственных и государственных интересов на итог выборов, конечно, имело место, что не мешало профессорской коллегии проводить своего кандидата, если он имел признанные научные, педагогические, административные заслуги и «нравственные достоинства». Академические выборы как форма самопополнения корпорации и условие сохранения ее единства и высокого научного уровня оставались процедурой демократичной и единственной в своем роде в дореформенной России.

Хроники выборов ректора, происходивших вначале ежегодно, затем раз в трехлетие, а с 1835 г. раз в четыре года, отражаются в университетском делопроизводстве, журналах и «мемориях» университетских советов, в их переписке с попечителями учебных округов. Административное вмешательство в выборы и корректировка их итогов все же имели место, как случилось при выборах ректора в 1819 г. в Петербургском университете. Ректорство было уже фактически отдано голосованием профессору всеобщей истории Э.-Б. Раупаху, но по настоянию министра народного просвещения А.Н. Голицына были организованы перевыборы, и ректором стал М.А. Балугьянский.

Общеуниверситетский устав 1835 г. расширил власть попечителя, но сохранил все элементы выборной процедуры. Однако не исключалось не прямое административное давление на профессоров, чем объясняется отказ от должности избранного кандидата в пользу следующего в «рейтинге», как это сделал в 1835 г. профессор математики Д.С. Чижов в пользу влиятельного и близкого ко двору И.П. Шульгина.

В 1842 г. при выборах на кафедру химии коллеги предпочли своего старого товарища М.Ф. Соловьева, 25 лет отдавшего университету, а не более молодого и именитого, но постороннего для них академика Г.И. Гесса, который получил всего 4 избирательных голоса, а Соловьев – 16 из 22-х¹⁰.

Бюрократическая рамка, в которой существовал университетский «республиканизм» порождала конфликты, как в период действия первых университетских уставов, так и после 1835 г. В 1819 г. корректируется либеральный устав Дерптского университета и одновременно отвергается представленный С.С. Уваровым проект устава для С.-Петербургского университета, охарактеризованный его критиками как «сколок с устройства германских университетов», и идейный подкоп под «благополучие государств». Реформируется университетская инспекция, напрямую подчиняясь попечителю и министру, усиливается контроль за содержанием лекций и учебных пособий. Однако практика замещения университетских должностей по выбору корпорации была, как видим, сохранена в уставе 1835 г. Благодаря кадровой реформе К.А. Ливена и С.С. Уварова и успешной подготовке плеяды русских профессоров в Дерптском Профессорском институте, в Европе и в Главном педагогическом институте, сложилась и реальная научная конкуренция при замещении кафедр. В 1849 г. происходит отмена выборов ректора и замена их прямым назначением, в прямой связи с европейскими революциями и политическими фобиями Николая I.

Друзин Михаил Викторович

Князь С. С. Абамелек-Лазарев о предпринимательских и политических инструментах представительства интересов в конце XIX – начале XX века

Князь Семен Семенович Абамелек-Лазарев (1857–1916), один из богатейших людей России к началу Первой мировой войны, удивительным образом сочетал в себе несколько ипостасей: знатного аристократа, ученого-историка, крупного промышленника и предпринимателя, писателя-экономиста, фотографа-любителя, мецената, государственного и общественного деятеля. Пробовал себя князь и на ниве политической мысли.

¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 24. Д. 87. Л. 13-13об.

Невозможно составить исчерпывающее представление о человеке, изучая лишь одно направление его деятельности, в том числе нельзя объективно оценить само это направление, сконцентрировав внимание лишь на нем одном. Обнаруженные новые архивные документы скорректировали наше прежнее представление о князе как о предпринимателе и как о человеке. Касаются они высказанных Абамелек-Лазаревым мыслей относительно институтов представительства интересов горнопромышленников и о новых политических правах и свободах, которые принес в Россию 1905 год.

Поняв, что Съезд горнопромышленников Урала не готов поддерживать все ходатайства Абамелек-Лазарева, Семен Семенович начал дистанцироваться от этой организации. Он отказывался участвовать в ее финансировании, публично обосновывая малоэффективность съезда тем, что Урал настолько разнообразен по своим условиям, что невозможно учесть и объединить интересы промышленников из разных его регионов. Спорным, на его взгляд, являлось равное право голоса для мелкого и крупного промышленника: «Зная вперед, что он (мелкий промышленник – М. Д.) в расходах не будет участвовать, что их уплатят крупные горнопромышленники, такой фиктивный горнопромышленник ничем не стеснен в своих порывах к утопиям и фантазиям. Поэтому необходимо, чтобы правом голоса пользовался каждый пропорционально размерам своего производства». Нежелание участвовать в корпоративных связях Абамелек-Лазарев проявил и в отношении другого представительного учреждения промышленников – Постоянной совещательной конторы железозаводчиков. А когда Бюро представителей частновладельческих горнозаводских округов Урала обсуждало законопроект об окончательном поземельном устройстве горнозаводского населения, Семен Семенович на обороте проекта написал следующее распоряжение своему главному управляющему:

«Надо объявить членам Бюро, что я не согласен с их проектом резолюции. Если заинтересуются почему, можно частным образом, не подписывая ничего решительно, дать им копии с этого проекта с моими замечаниями на полях, но отнюдь не помечая, что это мои пометки. Если их интересует, то дать им же копии с моей записки с помеченными на них поправками.

Другими словами, факт передачи Вами частным образом моих замечаний и записки должен быть как бы неизвестным и ничем меня не связывать (курсив наш. – М. Д.).

Если же в Бюро есть люди беспристрастные, то мои взгляды могут принести пользу, дать конечно членам не крайних мнений и признающих право собственности».

Как видим, князь живо интересовался делами, проблемами и вопросами, которые обсуждались в представительных организациях горнопромышленников. Однако он предпочитал быть серым кардиналом: не участвуя прямо в деятельности, тем не менее влиять на предпринимаемые шаги. Таким образом он уходил от ответственности принимаемых решений, сохраняя полную самостоятельность и независимость от корпоративных обязательств.

Революция 1905 г. и волна освободительного движения вызвали резкий протест со стороны С. С. Абамелек-Лазарева. Он составил многостраничную записку, адресованную императору, о политическом положении и революционном движении, в которой обвинял правительство и, по сути, самого Николая II в излишнем потворстве либерализму, слабости и коллапсе политической воли, которые и вызвали революцию. Записка выявила крайнюю реакционность взглядов князя, его антисемитизм и предпринимательский эгоизм. Так, он вопрошал, зачем ограничивать рабочее время определенным количеством часов? Зачем запрещать человеку работать? «Разве свободой сходов, слова, печати можно помочь укреплению экономических наших недугов? Ведь в этой области деятельность общественной мысли не стеснялась и прежде, а много ли пользы эта свобода внесла в дела?» — риторически спрашивал князь. Преодолеть политический и экономический кризис, по мнению Абамелек-Лазарева, можно было только сильной рукой неограниченного самодержца при незыблемом праве частной собственности. Характерно, что вскоре после написания этой записки С. С. Абамелек-Лазарев получил от министра

земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова предупреждении о недопустимости заниматься чиновнику политической деятельностью. Каких-либо помет императора или кого-то другого на записке не содержится. Но, очевидно, она вызвала явное неудовольствие Николая II.

Удивительно, как в одном из самых успешных предпринимателей начала XX в. из среды аристократии сочетались современный взгляд на вопросы устройства производства и экономических отношений и махровый реакционный монархизм в политической сфере и социальных отношениях. Однако неготовность князя интегрироваться в корпорацию горнопромышленников, поступаться частью своих интересов во имя общего успеха показывают, что и на ниве предпринимательства князь не смог полностью перестроиться.

Ильин Павел Владимирович

Дневниковые записи А.И. Сулакадзева о событиях 14 декабря 1825 г.

Дневниковые записи А.И. Сулакадзева (1771–1830) о событиях 14 декабря 1825 г. в Петербурге представляют интерес в силу их принадлежности коллекционеру, исследователю, публикатору памятников древнерусской истории и культуры, снискавшему неоднозначную репутацию историка-любителя, нередко фальсифицирующего документальный материал. Вместе с тем, свойственное автору живое внимание к историческим событиям, историческим деятелям, к свидетельствам времени (в виде документов, рассказов участников и очевидцев событий и т.д.) нашло отражение в специфических особенностях дневников, что выделяет их среди других свидетельств современников воцарения Николая I, придавая им определенную ценность как историческому источнику. В свою «хронику» (или, согласно авторскому заглавию – «Летописец») А.И. Сулакадзев включал официальные документы и правительственные сообщения, дневниковые записи обнаруживают особое внимание автора к устным рассказам, многочисленным и разнообразным слухам, которые распространялись в петербургском обществе после 14 декабря 1825 г. Автор записей собирал данные о поведении нового императора в день вступления на престол, обстоятельствах смертельного ранения М.А. Милорадовича, о других ключевых эпизодах восстания. Летописец событий проявил обостренный интерес к составу участников заговора и выступления на Сенатской площади, к отдельным персоналиям заговорщиков. Он тщательно выписывал имена ставших ему известных лиц, причастных к антиправительственному движению, следуя иногда непроверенным слухам и анекдотам. Некоторые имена обращают на себя внимание. Так, в числе литераторов, которые, по собранным А.И. Сулакадзевым данным, имели отношение к раскрытому заговору, он заносит в свой дневник А.С. Пушкина, А.А. Дельвига, Ф.В. Булгарина. В ряду государственных деятелей и генералов, которые, по данным автора записей, оказались причастными к тайным обществам, приводятся М.С. Воронцов, П.Д. Киселев, И.С. Лаваль, Н.С. Мордвинов, Н.Н. Раевский, А.Г. Щербатов. Отраженные в записях исторические детали, рассказы современников, записи слухов наделяют дневниковые записи особой ценностью, как источник, отражающий реакцию столичного чиновничества на политические события. Эти сведения, в совокупности со свидетельствами самого А.И. Сулакадзева – очевидца событий, произошедших в декабре 1825 г. – первой половине 1826 г., образуют свод данных различной степени достоверности: от показаний «самовидцев» до неосновательных домыслов, получивших распространение в петербургском обществе. Записи А.И. Сулакадзева о событиях восстания декабристов впервые вводятся в научный оборот в полном виде в сопровождении вступительной статьи и комментариев. Публикация дневниковых записей расширяет источниковую базу изучения темы «Восстание декабристов и современное русское общество».

Куликов Сергей Викторович

Дискуссия о самодержавии и подготовка Основных законов 1906 года

После издания Манифеста 17 октября 1905 г. вопрос о том, что такое «самодержавие» и как оно соотносится с «абсолютизмом», т.е. «неограниченностью», оказался в центре внимания Николая II и представителей бюрократической элиты Российской империи. Однако, происходившая в конце 1905 – начале 1906 г. во власти и в прессе дискуссия о самодержавии и воздействие, оказанное этой дискуссией на создание и содержание Основных законов 1906 г., не попадали в поля зрения историков. Предметом дискуссии стала статья 1 главы I («О существе верховной самодержавной власти») раздела первого («О священных правах и преимуществах верховной самодержавной власти») Основных законов 1892 г. Эта статья постановляла: «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает».

К декабрю 1905 г. в распоряжении Николая II были три проекта новых Основных законов. Первый проект составил по повелению монарха заместитель государственного секретаря П.А. Харитонов при участии сенатора Н.П. Гарина, второй – директор Александровского лицея А.П. Саломон, третий – начальник Военно-походной канцелярии царя граф А.Ф. Гейден при участии Саломона. Статья 5 проекта П.А. Харитонова гласила: «Верховная власть в Российской империи принадлежит Государю Императору», а статья 18 указывала, что постановления прежних Основных законов о титуле царя («Самодержец Всероссийский») «сохраняют свою силу». Статья 1 проекта А.П. Саломона утверждала: «Император и Самодержец Всероссийский есть монарх Божиею милостью. Повиноваться верховной Его власти не токмо за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает». Статья 1 проекта А.Ф. Гейдена объявляла: «Император Всероссийский есть Монарх Самодержавный. Повиноваться верховной Его власти не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает». Итак, Харитонов, Саломон и Гейден ввели в свои проекты постановления прежних Основных законов о царском титуле. Харитонов и Саломон, отказываясь от вековой российской традиции, не применили по отношению к монарху прилагательные «неограниченный» и «самодержавный».

Мотивируя необходимость устранения термина «неограниченный», А.П. Саломон писал в «Предисловии» к своему проекту, что этот термин «несовместим с предрешенным Манифестом 17 октября участием Государственной думы в осуществлении законодательной власти». Сложнее обстояло дело с термином «самодержавный», который, не будучи синонимом термина «неограниченный», имел, по мнению Саломона, «иной характер», указывая «скорее на источник верховной власти, чем на образ действия ее», однако, «во избежание недоразумений», термин «самодержавный» в новые Основные законы он советовал не вводить. Наоборот, понятие «самодержец», полагал Саломон, «неприменно должно быть сохранено, как драгоценное наследие исторического прошлого России и неотъемлемая принадлежность императорского титула». Принимая во внимание отмеченное Саломоном отсутствие тождества между прилагательными «неограниченный» и «самодержавный», Гейден убрал только первое из них. Несомненно, что тем самым он отразил не только свои, но и царские представления.

Николай II возложил общее руководство подготовкой новых Основных законов на председателя Государственного совета графа Д.М. Сольского и около 9 января 1906 г. повелел ему передать проект П.А. Харитонова, как главный, и два других проекта государственному секретарю барону Ю.А. Икскулю фон Гильденбандту для обсуждения их под председательством барона и при участии Харитонова и Н.П. Гарина в Совещании высших чинов Государственной канцелярии. В связи с этим и для определения того, что же такое «самодержавие», появилась так называемая «Справка», которая, согласно помете на ней Харитонова, была «составлена в Отделении Свода законов Государственной канцелярии», а позднее – издана на правах рукописи. «Справка», составленная младшим делопроизводителем 7-го кл. упомянутого Отделения надворным советником Г.В. Севериным, насчитывает 183 страницы, представляет собой компилятивный сборник и состоит из трех частей. В первой части («История») приведены цитаты из работ русских

историков и исторических источников, начиная с царствования Ивана III. Во второй части («Закон») помещены тексты всех статей из всех томов Свода законов Российской империи, в которых упоминается самодержавие и производные от него слова. В третьей части («Юридическая конструкция») содержатся цитаты из работ отечественных государствоведов. Главная тенденция, проходящая красной нитью через всю «Справку», заключается в том, что «самодержавие» не тождественно «неограниченности», т.е. абсолютизму. Сохранился экземпляр «Справки» с пометами Ю.А. Иксуля, который, видимо, после ее прочтения вставил в статью 5 проекта П.А. Харитонова слово «самодержавная» между словами «Верховная» и «власть», однако эта правка оказалась востребованной позднее, в марте 1906 г.

Совещание высших чинов Государственной канцелярии происходило 14 января 1906 г. на служебной квартире Ю.А. Иксуля. В статью 5 проекта П.А. Харитонова, который после Совещания получил известность как проект Государственной канцелярии, его члены вставили из проекта А.П. Саломона выражение «Самодержцу Всероссийскому». В результате эта статья стала выглядеть так: «Государю Императору, Самодержцу Всероссийскому, принадлежит верховная в государстве власть». Очевидно, что данная вставка не означала восстановления неограниченности царской власти, поскольку сам Саломон рассматривал вставленное выражение как титул.

Буквально на следующий день после Совещания высших чинов Государственной канцелярии, 15 января 1906 г., официальное Петербургское телеграфное агентство, несомненно – по инициативе Ю.А. Иксуля, распространило следующую телеграмму: «В настоящее время спешно идут работы по полному согласованию Основных законов Империи и Положения о Государственной думы по закону 6 августа с Манифестом 17 октября». На телеграмму ПТА мгновенно среагировал один из лидеров черносотенного движения, редактор «Московских ведомостей» В.А. Грингмут, который уже 16 января писал, что «в России никто не признан изменять Основные законы Российской империи, в особенности же Основной закон о существовании самодержавной власти». «Государь, - утверждал консервативный публицист, - волен лично Сам отказаться от возложенной на Него Господом Богом самодержавной власти, передав ее Своему законному преемнику, - но умалять эту священную власть Он не властен». Таким образом, Грингмут оказывался роялистом более, чем сам король.

Между тем, 17 января 1906 г. в официозном «Новом времени» появилась анонимная статья, в которой, в частности, сообщалось, что, согласно проекту новых Основных законов, «понятие неограниченности власти монарха будет уничтожено, как вообще будет уничтожена вся первая статья Свода законов». «Титул монарха, - информировал читателей осведомленный аноним, - не будет подвергнут никаким изменениям; как известно, этот титул говорит только о самодержавии и не упоминает о неограниченности. Таким образом, понятие о самодержавии будет впредь толковаться исключительно в смысле международной независимости (суверенитет)». Информация «Нового времени» полностью соответствовала действительности, что дает основания для предположения об инспирировании и ее Ю.А. Иксулем.

В тот же день, 17 января, о содержании нововременской статьи узнал по телефону В.А. Грингмут, который, подчеркивая, что «существование самодержавной власти заключается именно в ее неограниченности», приходил к выводу: «Раз власть эта будет ограничена – она перестанет быть самодержавною». И снова Грингмут оказывался святее папы Римского, поскольку не знал, что подготовка новых Основных законов была инициирована не кем иным, как Николаем II еще в начале ноября 1905 г. Более того, 22 января 1906 г. Ю.А. Иксуль представил проект Государственной канцелярии Д.М. Сольскому, а он 12 февраля – Николаю II.

Царь попытался разъяснить публично, что он понимает под самодержавием после Манифеста 17 октября, т.е. после того, как он перестал быть «неограниченным». Принимая 16 февраля 1906 г. депутацию Иваново-Вознесенской самодержавно-

монархической партии, Николай II сказал: «Передайте всем, уполномочившим вас, что реформы, которые Мною возведены Манифестом 17 октября, будут осуществлены неизменно, и права, которые Мною даны одинаково всему населению, неотъемлемы. Самодержавие же Мое останется таким, каким оно было встарь». В данном случае Николай II разводил «самодержавие» и абсолютизм» и подразумевал возвращение «самодержавию» старомосковского смысла и возрождение общения царя и народа, но теперь уже – в рамках Государственной думы, а не Земского собора. Представления Николая II соотносятся с резолюцией, которая решала вопрос о соотношении понятий «конституция» и «самодержавие» и была принята Соединенным совещанием Петербургского и Московского отделений Союза 17 октября. Это совещание лидеров праволиберальной партии заседало в Москве 8 и 9 января 1906 г. и пришло к выводу, что «самодержавие» не тождественное «неограниченности», о чем сообщила октябристская газета «Слово».

Явно полемизируя с монархом и правыми либералами, лепту в дискуссию о самодержавии внесла и еженедельная газета «Право», орган леволиберальной Конституционно-демократической партии. Автор ее анонимной передовой статьи от 19 февраля, судя по всему – В.М. Гессен, утверждал, что смысл у слова «самодержавие» один – оно «обозначает неограниченность власти государя, и никакой другой смысл, вроде международного суверенитета, с этим словом не соединяется, да и соединяться не должен», а потому – «самодержавие» и производные от него слова из конституционного законодательства необходимо устранить. Итак, по вопросу о значении «самодержавия» крайние либералы сходились с крайними консерваторами, которые не оставляли надежды нейтрализовать намерение Николая II устранить из Основных законов прилагательного «неограниченный». Тем не менее, царь 4 марта 1906 г. повелел кабинету графа С.Ю. Витте рассмотреть именно проект Государственной канцелярии.

Решению вопроса о том, сохранился ли после Манифеста 17 октября 1905 г. за императором титул «самодержец», и вообще – о соотношении «самодержавия» и «неограниченности», премьер-министр придавал первостепенное значение. Для освещения данного вопроса «под углом исторического зрения» С.Ю. Витте обратился к В.О. Ключевскому, который выставил вместо себя своего ученика С.А. Князькова – он и написал соответствующий трактат, изданный на правах рукописи. Указав на то, что манифесты 6 августа и 17 октября 1905 г. «ни в каком противоречии с древними основами русской государственности» «не стоят», Князьков доказывал, самодержавие «при конституционной форме правления» означает «во вне: независимость государя и государства, а во внутренних отношениях – державные права и самостоятельность монарха, властвующего по собственному праву, унаследованному от предков, и олицетворяющего идею верховной власти в стране». Таким образом, перестав быть неограниченным после 17 октября 1905 г., император отнюдь не перестал быть самодержавным.

Аргументы записки С.А. Князькова, подчеркивал Б.Б. Глинский, фактотум С.Ю. Витте, были признаны «заслуживающими внимания», несмотря на то что «не все представители власти были согласны с ходом развития изложенных в ней мыслей». К заседанию кабинета 18 марта 1906 г. статья 4 проекта Совета министров гласила: «Император Всероссийский есть монарх самодержавный. Повиноваться верховной Его власти, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает». Однако в итоге прилагательное «самодержавный» было отделено от императора, обезличено и присоединено, согласно отмеченной выше правке Ю.А. Иксуля, к «верховой власти», которая и стала «самодержавной». В окончательной редакции статьи 4, принятой в заседании Совета министров 19 марта 1906 г., как и в проекте Государственной канцелярии, прилагательное «неограниченный» отсутствовало. «Императору Всероссийскому, - постановляла эта статья, - принадлежит верховная самодержавная

власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает». Проект Совета министров С.Ю. Витте представил Николаю II 20 марта 1906 г.

Союзником премьера оказался профессор Юридического факультета Киевского университета О.О. Эйхельман, адресовавший 24 марта царю «Соображения», в которых подробно остановился на вопросе о соотношении «самодержавия» и «неограниченности». Анализируя статью 1 старых Основных законов, профессор писал, что в сохранении выражения «монарх самодержавный и неограниченный» «при полном охранении принципа монархии и сохранении титула “самодержец” нет, собственно, какой-либо непреложной надобности». Мотивация в пользу разведения «самодержавия» и «неограниченности» приобрела большую актуальность на Совещании под председательством Николая II по пересмотру Основных законов, заседавшем 7, 9, 11 и 12 апреля.

Во втором заседании Совещания, 9 апреля, царь, подразумевая статью 4, сказал: «В ней заключается главнейший вопрос во всем этом деле. В записке П.А. Харитонова, который исполнял обязанности делопроизводителя Совещания, сообщается: «По произнесении Государем Императором приведенных слов И.Л. Горемыкин высказал, что было бы осторожнее не менять 1 статью Основных государственных законов и вообще не производить общего их пересмотра, предоставив это будущему. Возражения против такого заявления были высказаны последовательно: гр[афом] С.Ю. Витте, гр. К.И. Паленом, М.Г. Акимовым, А.А. Сабуровым, гр. Д.М. Сольским, Э.В. Фришем, великим князем Николаем Николаевичем, великим князем Владимиром Александровичем, П.Н. Дурново и князем Алексеем Оболенским. После объявленного затем Государем Императором краткого перерыва заседания оно возобновилось заявлением А.С. Стишинского о том, что он разделяет мысли, высказанные И.Л. Горемыкиным. Заявление это не вызвало прений и, по повелению Его Императорского Величества, Совещание перешло к дальнейшему рассмотрению проекта Основных законов». Иными словами, Николай II прекратил обструкцию консервативных сановников.

Свое окончательное решение царь объявил 12 апреля, в самом конце последнего заседания, когда, читаем у П.А. Харитонова, «гр[аф] Д.М. Сольский обратился к Государю Императору с вопросом: “Какое решение Е[го] И[мператорскому] В[еличеству] угодно принять относительно статьи 1 Основных законов; следует ли сохранить в них слово: «неограниченный»”. Его Величество изволил отозваться, что Он решил оставить статью 4 проекта Совета министров в этом отношении без изменений». Таким образом, император согласился на удаление пресловутого слова.

Во время работы Совещания кадетские газеты «Речь» и «Право» опубликовали проект Совета министров и подвергли его резкой критике. По просьбе дворцового коменданта генерала Д.Ф. Трепова, действовавшего, очевидно, с ведома Николая II через В.И. Ковалевского, оппозиционные правоведы составили контрпроект, представленный генералом императору 18 апреля. Хотя в контрпроекте некоторые статьи новых Основных законов были существенно исправлены и даже удалены, статья 4 осталась в неизменном виде и по-прежнему гласила: «Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает». Это означало, что такая формулировка была вполне приемлема для лидеров Конституционно-демократической партии.

Дискуссия о самодержавии, которая происходила в конце 1905 – начале 1906 г. на вершине власти и на страницах консервативной и либеральной прессы, оказала заметное воздействие на создание новых Основных законов и их содержание. В результате дискуссии, благодаря позиции, сознательно занятой Николаем II, возобладало мнение о том, что «самодержавие» и производные от него слова («самодержавный» и «самодержец») не тождественны «неограниченности» и «абсолютизму». В то же время, в статье 4 Основных законов самодержавность была обезличена, будучи отделена от императора и присоединена к верховной власти, чем подчеркивалась ее неограниченность

сущность как бы безотносительно к тому, кому принадлежит верховная власть – монарху или народу.

Латин Владимир Викентьевич

КРЕПОСТЬ – ОПЛОТ И ОСТРОГ (В технологическом и символическом измерении)

В своем бытовании творения рук человеческих окружены культурной оболочкой, состоящей из ассоциаций, суеверий, представлений об их гендерной, возрастной и социальной принадлежности, о материальной ценности, культурной значимости и т.д.). Редкая вещь не находит упоминания в авторских сочинениях и в фольклоре, а многие неодушевленные предметы «наделяются душой» даже в сообществах, основательно изживших язычество.

Выход из употребления по причине физического или морального старения автоматически аннулирует весь культурный шлейф, который тянется за ранее широко распространенным инструментом, материалом или предметом обихода. В ряде случаев предмет, имевший конкретное предназначение и ставший ненужным, не уничтожается, а начинает исполнять иные функции с применением свойств, оказавшихся востребованными для решения новых задач. Что позволяет совершить такой функциональный переход, какие формы он принимает, что происходит в культурной атмосфере этого предмета? Варианты ответов на эти вопросы предлагаются при рассмотрении процесса превращения крепости в тюрьму.

Превращение крепости в тюрьму требует минимальных затрат, поскольку по организации своего пространства и архитектуре обе нацелены на пресечение неконтролируемого проникновения соответственно внутрь и наружу через их периметр.

Фортификационные сооружения уже по причине своей долговременности, порождали нескончаемую надобность в усовершенствованиях под давлением новшеств в военном деле. При этом они были очень удобным местом для использования бесплатного, тяжелого и неквалифицированного труда заключенных, без которых не обходилось строительство большинства твердынь. Российское «Уложение о наказаниях 1845 года за прямо предусматривало «работы в крепостях», которые считались менее тяжелой карой чем рудники, но более тяжелой, чем заводы.

В каждой крепости имелась гауптвахта, помещение для арестантов, место, постоянно готовое сыграть роль зерна, из которого могло «прорасти» пенитенциарное учреждение. Практически все «твердыни» Российской империи видели в своих стенах лиц, осужденных или подозреваемых - Бобруйск, Выборг, Динамюнде, Копорье, Нарва, Новогоргиевск, Бомарсунд, Раненбург, Тобольск, Усть-Каменогорск и т.д.

Крепости имели большое военно-символическое значение. Для обеих противоборствующих сторон и для всех за этим противоборством наблюдающими, взятие твердыни или ее безуспешная осада (штурм) являлись бесспорным показателем большого ратного успеха.

Лишение свободы является одним из важнейших реальных и символических проявлений власти. В этом смысле тюрьма – важнейший государственный институт. Во всем мире крепости, превращенные в узилища, имели столь важное символическое значение (Бастилия, Петропавловская крепость, Тауэр, Шлиссельбург и т.д.).

Символическое изображение фортификационных сооружений было весьма комплиментарным элементом в геральдической композиции.

В оппозициях «хорошее-плохое» крепость определенно относится к первому, а в ряде случаев это дополняется соответствующей оппозицией «светлое-темное». За Москвой закрепилось название Белокаменная. Главная причина известности и устойчивости этого выражения – сакрализация столицы как центра православия, совмещения в одном слове символов прочности и святости. «Белокаменность» Москвы очень органично связывается

с претензиями России на религиозно-мистические функции истинного христианского царства, хранителя веры, отсылает к белым одеяниям праведников.

Героический культурный шлейф не являлся существенным препятствием для превращения крепости в тюрьму, поскольку твердыня и узилище в равной степени являются символами государства, которое для своей устойчивости нуждается в глорификации и требует почитания своих символов.

Лебедев Сергей Константинович

Санкт-Петербургский арбитраж по Гентскому договору в дневнике М. М. Сперанского

В дневнике периода «второго взлёта», после возвращения в круг близких сотрудников императора, М. М. Сперанский не только фиксировал события службы, личной жизни и ход государственных дел, но и комментировал важнейшие решения, в том числе в сфере внешней политики империи в Европе, Азии, Америке. Это хорошо видно, в частности, на примере урегулирования отношений Северо-Американских Соединенных Штатов и Великобритании после «войны 1812 года». Император Александр I, в конечном счете, был признан обеими сторонами арбитром, а разбирательство по толкованию статьи 1-й Гентского договора (24.12.1814 н. ст.) проходило в столице Российской империи в 1821 г.

На арбитражное решение Александра I от 22 апреля 1822 г., как и на договоры Российской и Британской империй по разграничению владений в Северной Америке (1821 и 1825 гг.) оказывали влияние не только финансовые отношения обеих стран (займы второй половины XVIII века и британские субсидии во время Наполеоновских войн). Свою роль не могли не играть и личные отношения фрейлины двора императрицы-матери Елизаветы, дочери М. М. Сперанского, и его самого (а он не только готовил реформы начала 1820-х гг., но и выступал в роли советника Александра I по вопросам внешней политики) с послом Великобританского двора в С.-Петербурге Чарльзом Багготом и его влиятельной супругой Мэри Баггот, блиставшей в высшем обществе как Лондона (где она была подругой Байрона и других денди периода регентства), так и Вашингтона и С.-Петербурга. Более того, русская императорская чета тепло принимала Багготов в Зимнем дворце, Александр I неоднократно бывал в доме английского посла на Миллионной, 34, и стал крёстным отцом родившегося в России сына Багготов Александра (названного в честь императора).

Сложная дипломатическая игра вокруг компенсаций Великобритании Соединенным Штатам по Гентскому договору, впрочем, продолжалась и после смерти Александра I в 1825 г. Подлежит дальнейшему изучению и использование примера и клаузул Гентского договора для выработки решения держав Священного союза о независимости Греции от Порты. М. М. Сперанский предлагал это императору и вел неоднократные беседы о том же с министром иностранных дел графом Нессельроде и греческим политиком Каподистрия во время его пребывания на русской службе.

Лукоянов Игорь Владимирович

После Витте: политика России на Дальнем Востоке и судьба Русско-Китайского банка (1905-1917 гг.)

Уже при учреждении в 1895 г. банк, формально призванный обсуживать китайский заём 1895 г., рассматривался С.Ю. Витте в том числе и как средство упрочить «русское экономическое влияние в Китае в противовес тому огромному значению, которое успели приобрести здесь англичане». Банк был наделён широчайшим кругом полномочий, никак не связанных с обычной банковской деятельностью: приобретение товаров, страхование, получение концессий на сооружение железных дорог, приобретение недвижимости, эмиссия собственных денежных знаков.

С самого начала попытки привлечь к деятельности банка русских предпринимателей в регионе не увенчались успехом, поэтому Синорус оперировал преимущественно на казённые средства. В первой половине 1896 г. банк становится главным посредником между правительством и Обществом КВЖД за счёт средств Государственного банка.

Считается, что большую часть уставного капитала банка внесли французские (5/8) держатели его акций, однако пропорция голосов в собрании акционеров была иной. Основной капитал банка в 6 млн руб. золотом был поделен на 48 тыс. акций по 125 руб. каждая. Из общей суммы 289 голосов всех акционеров на физические лица, обладавшие 7745 акциями (чуть более 16% от общего количества), приходилось 135 голосов (почти 47%). В результате мелкие держатели получали значительное влияние на собраниях акционеров. Мои примерные подсчёты: русские акционеры имели примерно 125 голосов, французы - около 100, остальные (около 60) – немцы. Но уже в 1896 г. казначейство купило 2609 акций за 648 500 франков. Эмиссия 12 тыс. акций в июне 1898 г., которые приобрело Министерство финансов, означало, что Петербург получил уже не относительное, а абсолютное большинство голосов.

Синорус обладал рядом характеристик, характерных для колониальных банков других стран в Китае: действовал в интересах российского правительства, пользовался кредитной поддержкой казначейства. Вместе с тем, он слишком сильно зависел от казённых ресурсов, как следствие – мало заботился о привлечении частного клиента, практически не использовал заёмный капитал (что было характерно, например, для Гонконг-Шанхайского банка). Однако благодаря настойчивым усилиям А. Ротштейна, ориентировавшего банк на получение прибыли, дивиденды на акции банка уже с 1898 г. превышали 10%.

С 1898 г., после захвата Порт-Артура и аренды Россией Ляодунского полуострова у Китая Русско-Китайский банк резко расширил свои функции: начал покупать долговые обязательства железных дорог, стал играть роль филиала казначейства в Порт-Артуре, где пользовался своим монопольным положением. С 1900 г. начались политические займы китайским губернаторам в Маньчжурии (цзянь-цзюням), претензии на роль эмиссионного учреждения и скупка концессий в Северном Китае. Это всё более отрывало банк от рынка и частного клиента. Следствие – появились явные элементы кризиса в его деятельности (крупные банкротства клиентов, низкая квалификация сотрудников).

В марте 1906 г. Министерство финансов отказалось от использования банка в качестве инструмента для реализации своих политических целей на Дальнем Востоке. Ведомство решило продать пакет акций банка, находившийся в распоряжении казначейства (33 346 акций на номинальную сумму в 6 233 625 руб.). Первым покупателем стал Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк, которому 11 марта 1906 г. было «уступлено» 12 тыс. акций по льготной цене в 260 руб. за штуку. Открытые коммерческие продажи проходили с 24 марта по 4 мая 1906 г., на них разными партиями (от 100 до 3750) реализовали 21 146 акций. В руках правительства сохранились лишь выпущенные позже серебряные акции на сумму 2 000 000 лан. Контроль над Русско-Китайским банком перешёл в руки французов.

Уход из банка казённых денег вызвал его сильный кризис, его мало задействовали в политических целях (продолжалось лишь обслуживание КВЖД). В 1906-1907 гг. общий ущерб отделений только в Харбине, Владивостоке и Шанхае составил 7 млн руб. Французы пошли по пути оптимизации структуры: закрыли часть отделений в Китае (Гириин, Мукден) и Монголии (Калган), сократили операции в остальных. Однако политика банка в отношении предпринимателей не изменилась: высокий ссудный процент (10-11%, для сравнения – у Гонконг-Шанхайского банка 6-7%). В результате монопольное положение Русско-Китайского банка в Маньчжурии быстро сошло на нет. Первенствующие роли перешли к Гонконг-Шанхайскому банку и французскому «Индокитаю», подтягивались Немецкий азиатский банк и Иокогама специе банк, Синорус оказался пятым.

Модель тогдашнего преуспевающего колониального банка в Китае предусматривала его коммерческую основу, т.е. операции за счёт собственных капиталов, а также средств клиентов без прямой поддержки правительства. Синорус не имел первого и лишился второго, что вызвало затяжной кризис. Банк прекратил многие проекты, в том числе поддержку русских мукомолов в Харбине, у него остались преимущественно курсовые операции.

Русско-Китайский банк уцелел в основном благодаря монопольному обслуживанию КВЖД, которая постепенно начала давать доход. Кроме того, Петербург продолжал рассматривать Синорус как политический инструмент, однако в несоизмеримо скромных масштабах (финансирование далай-ламы или монгольских нойонов). Он выжил благодаря реструктурированию в 1912 г. (Русско-Азиатский банк) и принципиальному изменению географии его операций (перенесли в Россию и Европу).

Миловидов Борис Павлович

Бюрократ как реформатор: судьба проектов М. М. Сперанского второй половины 1820-х – 1830-х годов

Пережив ссылку, пробыв несколько лет сибирским генерал-губернатором, Сперанский вернулся в Петербург и был вновь вовлечен в процесс разработки преобразований. После воцарения Николая I он оказался на бюрократическом Олимпе империи, занимая высокие государственные посты, пользовался поддержкой монарха и обладал значительным влиянием.

Тем не менее, целый ряд, можно сказать, большинство предложений Сперанского, касавшихся преобразований государственных учреждений и изменения сословного строя остались нереализованными. Не была осуществлена реформа Сената, восходившая в своих основных чертах еще к началу 1810-х гг. и предполагавшая разделение этого высшего органа империи на Правительствующий и Судебный. Не нашел поддержки рассматривавшийся в Комитете 6 декабря 1826 г. проект Учреждения об управлении губерний; он подвергся резкой критике со стороны А. А. Закревского и Е. Ф. Канкрин, видевших в идеях Сперанского возрождение коллежской системы. Такая же судьба, и, видимо, по тем же соображениям постигла более поздний проект о придании самостоятельной роли губернскому правлению. Не был реализован проект изменений в структуре управления Министерства юстиции, предполагавший повышение роли товарища министра, который становился некоторым противовесом министру. Одобренный в Комитете 6 декабря проект дополнительного закона о состояниях, предусматривавший важные шаги в направлении формирования третьего сословия и реформы государственной службы, не получил поддержки монарха, как считается по причине сопротивления великих князей. Институт совестных судов, сторонником которых был Сперанский, на протяжении Николаевского царствования последовательно деградировал. Не была реализована реформа полиции. Наконец, проведенная финансовая реформа существенно отличалась от предложений Сперанского, высказанных в его последней записке, она была проведена так, как это виделось Канкрину и монарху.

Таким образом, собственные предложения Сперанского по реформированию ключевых институтов государственной власти были отвергнуты или существенным образом изменены. Более того, его ближайшие сотрудники предпочитали не акцентировать внимание на некоторых ранних проектах Сперанского. Даже М. А. Корф, составляя свою биографию Михаила Михайловича, предпочел умолчать о проекте 1809 г., дабы не «воскрешать» «утопические» конституционные планы. Во всем этом видится ограниченность роли и влияния бюрократа, даже высшего уровня, на процесс государственных преобразований. Ограничителями в данном случае была не только воля монарха, но и в целом «расклад» сил в высших слоях управленческой элиты.

В этой связи закономерна постановка вопроса, в чем выразилось реальное влияние Сперанского на российский реформаторский процесс. В качестве предположения, можно

сказать, что его стоит связывать с институциональными реформами иного рода — созданием Полного собрания и Свода законов, Училища правоведения, с формированием вокруг Сперанского и под его началом новой бюрократической школы, с влиянием Сперанского и его идей на формирование т. н. либеральной бюрократии последующего царствования.

Проничева Карина Вадимовна

Всемирная выставка 1876 г. в Филадельфии: «и я тоже».

Русский художественный отдел

В Америке первая выставка под названием «всемирная» состоялась в 1853 г. На ее проведение группу американских дельцов вдохновил коммерческий успех Всемирной выставки 1851 г. в Лондоне. Однако, в отличие от британской, американская выставка, прошедшая в Нью-Йорке, была делом не государственным, а частным. Россия также получила приглашение принять в ней участие, но отказалась, отчасти потому что выставка в Нью-Йорке «есть предприятие частных лиц», отчасти в связи с невозможностью прислать экспонаты в срок, а отчасти «что вообще от посылки образцовых произведений наших в Нью-Йорк не предвидится существенной пользы для Российской торговли и промышленности».

Двадцать лет спустя Россия получает приглашение принять участие в новой американской выставке — «Международной выставке искусств, промышленных изделий и продуктов почв и шахт» в городе Филадельфия, на восточном побережье. На этот раз выставка находится под патронажем правительства, ее цель и план утверждены Конгрессом, а сама она является частью торжеств по случаю столетия провозглашения независимости США (4 июля 1776 г.), отсюда и ее более ходовое название «Centennial Exhibition». Однако, как отметил товарищ министра финансов в докладе императору, правительство США «не имеет никакой власти относительно управления ею и отнюдь не принимает на себя ответственности ни за сопряженные с ней расходы, ни за ее результаты», поручив организацию выставки специально созданному для этого акционерному обществу. А потому, по причинам, схожим с отказом от участия в нью-йоркской выставке, Россия отклонила и это приглашение. Однако летом 1875 г. в Петербург прибыл посланник США и убедил чиновников российского МИДа, что в настоящее время всемирная выставка в Филадельфии получила значение «обширного национального предприятия». Поскольку, помимо промышленного значения, выставка в Филадельфии «приобретает значение политическое», и все европейские страны согласились принять в ней участие, то, по мнению министра иностранных дел, отказ России от участия в американском национальном празднестве «нисколько не согласовался бы с теми постоянно дружественными отношениями, которые существуют между обоими Правительствами». Министр финансов согласился с доводами МИДа, и 22 сентября 1875 г., когда до выставки оставалось около семи месяцев, началась подготовка русского отдела. Высочайше учрежденная Комиссия по участию России в выставке спешно запросила экспонаты у разных министерств и учреждений, в том числе у Академии художеств.

В докладе рассматриваются оценки Филадельфийской выставки очевидцами из Старого Света, то место, которое они в конечном итоге отвели этой «младшей сестре» европейских выставок, а также участие в ней русских художников, которые — впервые на всемирной выставке — погнались не за европейским признанием, а за возможностью выгодно продать свои работы. Подготовлен на основе материалов РГИА, АВПРИ и периодической печати.

Сафонов Михаил Михайлович

Как преподавать «восстание декабристов»

Прежде всего, следует не употреблять термин «восстание декабристов», ибо выступление тайного общества 14 декабря 1825 г. восстанием не являлось.

Демонстративный отказ трех гвардейских полков присягать одному из претендентов на престол представлял собой кульминацию междуцарствия, а оно в свою очередь было порождено польской политикой Александра I. Поэтому надо объяснить, в чем состояла эта политика и почему именно она привела к возникновению декабристкой конспирации. Необходимо показать, что царь для создания кордона против Запада стремился восстановить Речь Посполитую в прежних ее пределах как самостоятельное государство и поставить во главе его цесаревича Константина. Для этого требовалась вернуть Польше территории, отошедшие к России в ходе разделов. При этом следовало отменить на этих землях крепостное право. Такое преобразование ущемляло интересы дворян. Они должны были лишиться земель, полученных в ходе разделов и потерять крестьян, их населяющих. В России не было легального механизма разрешения противоречий между верховной властью и первенствующим сословием, польский же вопрос стал наиболее острым в отношениях между ними. Это привело к возникновению декабристкой конспирации, просуществовавшей 10 лет. Необходимо подчеркнуть: вовсе не стремление отменить крепостное право и ввести конституцию, к чему стремился сам император, породили тайное общество декабристов. Но прежде всего желание не допустить реализации польского плана Александра I. Чтобы это стало очевидным, необходимо на конкретных примерах показать: главным средством воздействия тайного общества на царя было муссирование слухов о якобы подготовлявшихся конкретных проектах царевубийства, уничтожения императорской фамилии, введения республики. Существовал механизм, посредством которого сведения об этих угрозах доводились до царя и удерживали его от совершения шагов, считавшихся лидерами конспирации неприемлемыми. Несмотря на самые тщательные разыскания Следственная комиссия так и не сумела выявить ни одного факта практической подготовки царевубийства.

Важно объяснить, как сложился миф о декабристах. В самом первом сочинении о декабристах в середине XIX в. М.А. Корф представил междуцарствие как благородное самопожертвование братьев Александра I, не желавших принимать корону. Но их благородством воспользовалась кучка честолюбцев из тайного общества. А.И. Герцен перелицовал этот миф, объявив декабристов «рыцарями, кованными из чистой стали», ценою жизни выступившими против самодержавия и крепостного права. Необходимо четко сказать о том, что менее всего «лондонского изгнанника» интересовала историческая истина. Ему был нужен яркий образ героев мучеников, который можно было использовать для борьбы с самодержавием. Созданный им миф, видоизменяясь, просуществовал до перестройки. В основе советского мифа лежало высказывание Ленина о том, что «в 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма». Марксистскую концепцию движения декабристов создал академик М.В. Нечкина. Высказывания Ленина и Сталина о первых русских революционерах она вписала в пятичленную теорию развития общественно-экономических формаций, изложенную в «Кратком курсе истории ВКП (б)». В этой системе координат выступление тайного общества могло быть только восстанием, а самими декабристами стали борцами за новый прогрессивный капиталистический строй. Из отрывков следственных показаний М. В. Нечкина сконструировала план восстания 14 декабря, в действительности не отраженный как единое целое ни в одном документе. Согласно созданному таким образом плану отказавшиеся присягать Николаю войска должны были собраться на площади перед Сенатом до того, как этот орган принесет присягу новому императору и заставить сенаторов объявить манифест, которым провозглашалось уничтожение самодержавия, ликвидация крепостного права, созыв депутатов. При этом один из отрядов восставших должен был занять Зимний дворец и арестовать царя и его семью. Но царь сумел опередить инсургентов. Сенат присягнул и издал манифест о воцарении Николая до того, как восставшие собрались на площади. «Диктатор» же С.П. Трубецкой, под руководством которого должно было занять царскую резиденцию, предал восстание и на площадь не явился. [

Для того, чтобы показать несостоятельность этой советской концепции восстания 14 декабря, достаточно сказать, что присяга войск осуществлялась на основании манифеста о воцарении монарха. Поэтому поднять войска и привести их к Сенату декабристы не могли до того, как этот документ был бы издан. Следует упомянуть и о радикализации этой концепции писателем Я.А. Гординым. Он поставил на первое место «штурм» Зимнего, а на второе захват - Сената. Поражение же инсургентов писатель объяснил предательством А.И. Якубовича, отказавшегося вести матросов на штурм Зимнего дворца и тем самым провалившего восстание. Следует акцентировать внимание на термине «штурм Зимнего», заменившим «занятие» дворца в концепции М.В. Нечкиной. Очевидно, стремление писателя сблизить события 14 декабря с перипетиями Октября 1917 г., во время которых, как теперь известно, никакого «штурма Зимнего» не было. Показав, что эта модернизированная концепция также несостоятельна, как и построение М.В. Нечкиной, надо объяснить: тактика тайного общества состояла в том, чтобы создать вакуум власти. Не присягнувшие войска должны были побудить Николая отказаться от вступления на престол и при содействии Сената создать Временное правительство, которое созвала бы депутатов от губерний и решило бы вопрос о государственном устройстве. Надо особо подчеркнуть: обнаруженный в бумагах Трубецкого проект манифеста, вовсе не являлся программным документом выступления 14 декабря. Таковым был одобренный К.Ф. Рылевым манифест В.И. Штейнгеля, который вовсе не провозглашал отмену крепостного права и ликвидацию самодержавия. Более того рассматривался вариант перехода верховной власти на основании закона о престолонаследии к малолетнему сыну Николая в.кн. Александру при регенте из ближайших родственников. Следует сделать упор: причина неудачи выступления заключалась в том, что тайному обществу не удалось вывести на площадь достаточное количество войск, которое побудило бы Николая отказаться от власти, и побудить Сенат содействовать победителям. Сознание невозможности такими малыми силами осуществить задуманное породило разговоры о необходимости занять Зимний дворец или даже убить Николая. Но исполнителей столь радикальных планов, порожденных сознанием невозможности совершить ранее задуманное, не нашлось. Однако надо отметить, что до смертельного ранения М.А. Милорадовича, державшего в руках весь столичный гарнизон и ведшего себя двусмысленно, чаша весов колебалась. Но после выхода его из игры, уже присягнувшие части, не спешившие поддержать Николая, стали одна за другой переходить на сторону нового императора. Это в свою очередь предопределило, что день 14 декабря закончился картечью. Завершить следует выводом: ленинская фраза о том, что в 1825 г. Россия впервые увидела революционное движение, может служить яркой иллюстрацией того, как марксизм искажал историю, превращая ее в служанку политики.

Фомин Антон Юрьевич

Между службой и убеждениями: о сочувствии чинов военной администрации революционному движению

В 1905 – 1907 гг. в Россию пришла массовая политика. Волна политизации прокатилась по российскому обществу, вовлекая различные группы населения в политическую борьбу и полемику о будущем страны. Этот процесс в определенной степени затронул и тех, кто по своим служебным обязанностям должен был надзирать за порядком и бороться с революционными выступлениями, никак не проявляя собственные политические симпатии. Полная аполитичность и лояльность бюрократического аппарата являлись непременным условием успешного функционирования монархической системы. Особые требования в этом отношении предъявлялись к армии и офицерскому корпусу – последнему оплоту власти в условиях революционного кризиса.

Официально в военной среде культивировались дисциплина и субординация, не подразумевавшие возможности наличия у офицеров (не говоря о нижних чинах)

собственного мнения по политическим вопросам. Дарование населению ограниченных политических прав и свобод в результате революции формально никак не коснулось военных. Они не получили права участвовать в выборах в новые представительные учреждения, приказ № 804 по военному ведомству категорически запрещал офицерам вступать в политические организации, клубы и союзы, даже присутствовать на каких-либо собраниях в ходе обсуждения политических вопросов. Эти запреты распространялись и на участие офицеров в деятельности организаций право-монархического толка. Однако на практике строгие законодательные ограничения не могли работать в полной мере. Офицерство являлось частью российского общества и, следовательно, не могло не подвергаться влиянию главных тенденций времени.

В предлагаемом докладе основное внимание будет уделено рассмотрению случаев намеренного попустительства деятельности антиправительственных политических сил со стороны чинов местной военной администрации среднего уровня, а также реакции на их обнаружившуюся служебную халатность и «политическую неблагонадежность» со стороны органов политической полиции и вышестоящего военного начальства. По архивным документам известны случаи участия местных военных начальников (в полковничьих и генеральских чинах) в распространении нелегальной литературы, организации политических сходов и публичных демонстраций. Фиксировались случаи разглашения офицерами революционерам планов полиции по разгону сходов с привлечением войск, публичной критики полиции чинами военной администрации, их личного участия в судьбе подвергшихся преследованию революционеров и т.д. Насколько позволяют судить источники, подобное поведение некоторых военных объяснялось их идейными симпатиями антиправительственному движению, а также личными (иногда семейными) связями с революционерами.

Это явление не носило массового характера. В ходе Первой русской революции армия в целом осталась верна престолу и служила послушным инструментом подавления беспорядков. Однако подобные казусы явно свидетельствуют о постепенной эрозии в военной среде традиционной монархической лояльности, вовлечении военных, от которых требовалась слепая преданность престолу, в политические конфликты эпохи. «Помощники» революционеров и прямые участники революционного движения достаточно редко встречались среди кадровых военных и являлись своего рода маргиналами. Однако на каждого попавшего в поле зрения полиции военного приходилось множество более умеренных или осторожных офицеров, которые могли не иметь четких политических взглядов, но под влиянием общественного подъема проявляли интерес к политическим вопросам, частично сочувствовали более или менее радикальным оппозиционным силам.

Примечательно, что фактическое содействие революционерам для уличенных в нем военных администраторов как правило не влекло за собой последствий тяжелее почетной отставки со службы (и то с задержкой и не всегда). Вышестоящие военные власти, отвечая на запросы Министерства внутренних, обычно защищали обвиненных в «политической неблагонадежности» чинов военной администрации, всячески тормозили процесс их увольнения со службы или перевода в другое место, отмечали их прошлые заслуги и безупречное исполнение обязанностей (!). Своеобразная корпоративная этика и солидарность военной среды могла перевешивать формально весьма серьезные и подкрепленные множеством фактов обвинения, выдвинутые полицейскими инстанциями.

Отдел истории революций и общественного движения России

Абросимова Тамара Александровна

В университет через Рабфак

С победой Октябрьской революции начались коренные изменения во всех сферах российского общества. Высшее образование подверглось серьезному реформированию. Особое место в реформе высшей школы заняли вновь созданные рабочие факультеты. Они не только стали проводниками советской власти, но и изменили вузы до неузнаваемости.

Целью данного исследования является изучение становления, функционирования и целесообразности рабфаков.

Стране нужна была интеллигенция, лояльная Советской власти и способная заменить «буржуазных» спецов. Для выполнения этой задачи – строительства новой высшей школы, Советской власти необходимо было изменить социальный состав студентов и заполнить вузы рабочими и крестьянами.

На основании Декрета СНК от 2 августа 1918 г. о новых правилах приема, вузы были лишены кастовости и широко открыли двери желающим. В Декрете СНК прямо говорилось, что в вузы «безусловно должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены стипендии». Отменялись вступительные испытания. Прием шел под лозунгом улучшения социального состава студенчества.

Но это решение не принесло желаемого результата. Аудитории, вместо гимназистов, заполнили малограмотные рабочие.

Пришедшие в вуз первокурсники, без соответствовавшей подготовки, не могли усвоить университетскую программу и большинство было отчислено в первый год обучения. Новые правила приёма результатов не дали, пролетарии не смогли учиться. Стало очевидным, что без специальных курсов для трудовой молодежи не обойтись.

11 сентября 1919 г. вышло постановление Наркомпроса «Об организации рабочих факультетов при университетах», главной целью рабфаков была подготовка в «кратчайший срок» пролетариата и крестьянства для поступления в высшую школу. Их создание официально было закреплено декретом СНК от 17 сентября 1920 г. «О рабочих факультетах».

Рабфаки практически становились трамплином для подготовки широких масс к получению высшего образования. Срок обучения на дневных рабфаках был 3 года, на вечерних - 4. Выпускники рабфаков могли поступать в любой вуз без экзаменов. Курс преподавания предметов был порой сжат до предела. Специально для рабфака были изданы «краткие учебники по всем предметам». Трудностей было много, но рабфаковцы упорно преодолевали их. Уже со второго года деятельности рабфаков рабочие и крестьяне становились значительной частью студенчества в ряде вузов. Социальный состав студентов стремительно менялся.

Колоницкий Борис Иванович, Годунов К.В.

Политизация и деполитизация, энтузиазм и апатия в 1917 году

Историки Российской революции часто уделяли основное внимание действиям ключевых акторов, в частности – политической мобилизации, осуществлявшейся партией большевиков и ее противниками. На наш взгляд для оценки причин эффективности политической мобилизации необходимо изучать не только усилия основных политических акторов, но и бездействие, политическую демобилизацию, апатию, пассивность.

Мы ставим своей целью изучить связь процессов политизации, радикализации, милитаризации, брутализации, с одной стороны, и нарастания абсентеизма, апатии, разочарования в политике – с другой. Для этого мы проанализируем язык описания этих эмоциональных состояний, публично используемый представителями различных сил в политических целях, что проявлялось в пропагандистских текстах и политических резолюциях. Изучая же дневники, мы рассмотрим, как эти явления воспринимались на уровне индивидуального сознания.

Наше исследование находится на пересечении нескольких исследовательских направлений, мы стараемся сочетать традиционную политическую историю, в центре с историей политической репрезентации и историей эмоций. Мы продолжаем также изучение сознания революционной эпохи, начатое Ю.С. Токаревым, Г.Л. Соболевым и О.Н. Знаменским.

Александр Федорович Керенский олицетворял противостоящие друг другу, разнонаправленные процессы, политической мобилизации и политической демобилизации. Весной 1917 г. театрализованный политический стиль А.Ф. Керенского соответствовал гиперполитизации того времени, он попадал в резонанс с эйфорическими общественными настроениями. Политический энтузиазм весны был сопоставим с религиозным энтузиазмом, энтузиазмом обращения в новую веру, не случайно сама революция воспринималась как праздник¹¹. Эйфоричное, «пасхальное» восприятие февральского этапа революции было показателем соединения религиозного и революционного сознания¹². Показательно, что в годы Гражданской войны это эмоциональное «пасхальное» состояние энтузиазма, казавшегося всеобщим, стремились воссоздать организаторы первых советских праздников¹³.

Уже к середине лета ситуация изменилась, и об этом с беспокойством говорил сам министр-председатель на Государственном Собрании – важном политическом форуме, призванном укрепить революционное единство: «все мы ощущаем в душе своей смертельную тревогу». О том, что воскрешение единства и энтузиазма раннего этапа революции является важнейшей политической задачей, говорили на совещании и другие видные политики.

Достичь этого не удалось. По оценке современного исследователя, «революционный пафос уходил под напором бытовых разочарований и неурядиц» (В.П. Булдаков). Нарастание политического насилия, рост преступности, дезорганизация снабжения, усиление этнических конфликтов и сепаратистских настроений в разных частях страны приводили к изменению эмоционального режима. К концу лета эйфория начального этапа революции у многих сменялась апатией, гиперполитизация перерастала в разочарование в политике, что проявлялось в абсентеизме разного сорта. Это фиксировали крупнейшие газеты, ориентированные на разные группы читателей. Газета социал-демократов-интернационалистов «Новая жизнь» писала: «Упадок интереса к общественным вопросам, малая посещаемость лекций и в особенности организационных собраний, нежелание принимать участие в текущей политической работе, – об этом единогласно говорят все, имеющие связь с рабочими и солдатскими организациями»¹⁴. «Речь», печатный орган партии народной свободы, т.е. издание, представлявшее иную, противоположную часть политического спектра, отмечала: «Революционный пафос израсходован. Огни революционного фейерверка догорели, оставив лишь дым, копоть и чад. Этот чад отравляет теперь нашу жизнь, мешает нам видеть и дышать свободно. Шумный праздник свободы окончен. Революционный хмель улетучился. Наступает тяжкое, болезненное похмелье. Бог знает, как долго продлится оно»¹⁵. Преследуя противоположные политические цели, газеты фиксировали: эйфория весны прошла, что сопровождалось падением интереса к политике, и это, по мнению корреспондентов, существенно меняло политическую ситуацию.

«Дело Корнилова», вызвавшее первоначально новую политическую ситуацию, еще более осложнило ситуацию: деполитизации способствовало представление о том, что

¹¹ Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г.: Период двоевластия. Л., 1973. С. 78, 109.

¹² Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры 1917 года. СПб., 2012. С. 25.

¹³ Годунов К.В. Красная Пасха: празднование годовщин Октября и политическая культура Гражданской войны. СПб., 2023.

¹⁴ О воле и безволии // Новая жизнь. 1917. 26 августа.

¹⁵ Арзубьев П. Символ // Речь. 1917. 25 августа.

государство неотвратимо приближается к глобальному внутреннему противостоянию (которое может принять или уже приняло форму гражданской войны), и ничьи действия не способны это предотвратить¹⁶. Если ранее многие жители страны ощущали себя субъектами исторического процесса, от которых зависит судьба страны, то теперь многие люди разных взглядов полагали, что их действия не смогут изменить ход событий.

Дневники современников свидетельствуют о том, что люди разных взглядов уходили от политики, стремясь решать задачи повседневного выживания.

Большевики, готовившие вооруженное восстание, рассматривали апатию масс как проблему, об этом свидетельствуют протоколы заседаний Петербургского комитета, если одни партийные активисты фиксировали готовность поддержать восстание, то другие с тревогой отмечали: «выступить настроения нет», «настроение удрученное», «в отсталых массах равнодушие к политике»¹⁷. В.И. Ленин же оценивал ситуацию более оптимистично, хотя и он признавал признаки деполитизации: «Абсентеизм и равнодушие масс можно объяснить тем, что массы утомились от слов и резолюций. Большинство теперь за нами. Политически дело совершенно созрело для перехода власти»¹⁸. Большевики ставили задачу пробудить у своих сторонников сильные чувства – гнев, ненависть, энтузиазм борьбы с врагами революции¹⁹. Описания митингов той поры свидетельствует о том, что порой эти задачи успешно решались. Но эффективность действий партии определялась не только удачной тактикой управления эмоциями, но и тем обстоятельством, что ее противники еще более страдали от нарастания апатии и деполитизации.

Атмосфера усталости и разочарования в политике, овладевшая людьми разных политических взглядов, серьезно повлияла на ход революции. Исследуя эту особую эмоциональную атмосферу, мы можем глубже понять и ту изоляцию, в которой оказалось Временное правительство, особенно, А.Ф. Керенский, осенью 1917 г., и культурные истоки гражданской войны.

Осенью 1917 г. Временное правительство столкнулось с разными типами конфронтационной мобилизации: вызов ему бросали Советы и комитеты, руководимые большевиками и их союзниками, стремящиеся к автономии, а то и к независимости национальные движения. Нарастала и критика правительства со стороны либералов, консерваторов и правых. Все менее определенной становилась поддержка тех партий, которые формально участвовали в создании Временного правительства. При этом важнейшим фактором, оказавшим воздействие на развитие кризиса, была демобилизация групп, прежде с энтузиазмом воспринимавших изменения в политической жизни. Подобное изменение эмоционального режима приводило к изоляции сторонников политического компромисса. Успех большевиков определялся не только успешной политической мобилизацией, но и раздробленностью бывших сторонников Временного правительства, и нарастанием политической апатии среди различных слоев населения.

Другая сторона этого процесса нарастания абсентеизма – гиперполитизация, брутализация, ожесточение со стороны многих активистов, носителей представления о том, что победа над врагом, его политическое или даже физическое уничтожение будет способствовать прорыву страны в светлое будущее. Степень этого ожесточения можно объяснить тем, что приобщение масс людей к политической жизни, их политическая социализация проходили в ситуации революции – в условиях глобального кризиса, в период социальных катаклизмов и политических потрясений, ожесточенной борьбы за

¹⁶ См. об этом: Годунов К.В. Предчувствие гражданской войны: эмоции в дни корниловского выступления // Новое прошлое. 2024. № 1. С. 144-159.

¹⁷ Петербургский комитет РСДРП (б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 505.

¹⁸ Заседание Центрального комитета РСДРП(б) 10 (23) октября 1917 г. Доклад. Протокольная запись // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 34. С. 391.

¹⁹ Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 г.: сб. док. М., 1968. С. 432.

власть. Это необходимо иметь в виду при анализе российских особенностей общеевропейского процесса брутализации различных сообществ, вызванного Первой мировой войной²⁰.

Вера в то, что страну может спасти решительное подавление врага, была характерна для акторов различных политических взглядов, правых и левых радикалов. Общество, находящееся все больше в состоянии политической апатии, не могло и не желало противостоять этой радикализации и поляризации, что стало одним из факторов скатывания страны к гражданской войне.

Отрицая «керенщину», сторонники силовых методов решения политических проблем – и правые, и левые – усиливали мобилизацию сторонников вокруг «своих» лидеров, получали новый импульс риторические приемы и символы, которые будут использованы при конструировании культов вождей Гражданской войны.

Михайлов Николай Васильевич

Деньги революции: источники финансирования рабочих организаций Петербурга-Петрограда, 1905-1917

Успех в деятельности любой общественной организации зависел в немалой степени от способности наладить ее финансирование.

Основными способами мобилизации денежных средств рабочими организациями в начале XX в. были: 1) Вступительные и членские взносы; 2) Целевые сборы; 3) Организация мероприятий, способных принести доход: издательская, концертная и т.п. деятельность; 4) Пожертвования частных лиц; 5) Субсидии государственных и муниципальных органов.

Использование средств МВД Зубатовской и Гапоновской организациями, а также факты расхищения общественных средств представителями их руководящих органов способствовали их дискредитации в глазах рабочих.

Профессиональные союзы Петербурга в 1905-1907 гг. еще переживали этап организационного становления. Регулярные членские взносы рабочие выплачивали неохотно, гораздо результативнее были целевые сборы, когда деньги собирались на конкретные цели: поддержку стачечников, уволенных, безработных и т.п.

По данным организационного комитета по созыву Всероссийской конференции профессиональных союзов, общий денежный сбор всех профсоюзов Петербурга с 24 октября 1905 г. по март 1907 г. составил 37981 руб., из которых на помощь безработным пошло всего 7919 руб., на поддержку стачечников - 3835 руб.

Гораздо успешнее была деятельность по привлечению финансовых средств Петербургского Совета безработных (1906-1907). Собственные денежные сборы Совета исчислялись десятками тысяч рублей. Весьма значительные средства Совету удалось привлечь на организацию помощи безработным из бюджета Городской думы. Выплаты Городской думы с 23 апреля по 1 сентября 1906 г. только на продовольствие для безработных составили около 380 тыс. руб., на квартирные пособия - более 133 тыс. руб. На проведение общественных работ в течение 1906-1907 гг. было ассигновано около 2,5 млн. руб. Столь значительных денежных средств, в распределении которых принимал участие Совет безработных, в распоряжении рабочих организаций не имелось ни до Первой российской революции, ни после вплоть до октября 1917 г.

В 1917 г. ситуация повторилась. Разгромленные в межреволюционный период профсоюзы опять переживали непростой и довольно длительный период восстановления, испытывая при этом острый финансовый голод. С первых дней революции основным источником поступления денежных средств в районные и городские рабочие организации становятся коллективы предприятий, прежде всего крупных.

²⁰ Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. М., 2014.

Протоколы фабзавкомов петроградских предприятий свидетельствуют о том, что в период с марта по октябрь 1917 г. коллективы фабрично-заводских предприятий Петрограда вначале устраивали целевые сборы (на помощь фронту, фронтовым комитетам, семьям погибших, на поддержку раненых и военнопленных), но основной формой привлечения денежных средств становятся регулярные отчисления с заработной платы рабочих (от нескольких процентов до 100% дневного заработка) в распоряжение фабрично-заводских комитетов. Часть собранных средств оставалась в распоряжении комитетов, но большая часть переводилась на поддержку Совета рабочих и солдатских депутатов, Центрального Совета фабзавкомов, профессиональных союзов, политических партий левого спектра, их печатных органов, типографий и т.п.).

Сборы фабзавкомов крупных предприятий были весьма значительны. В июле 1917 г. Заводской комитет Балтийского завода перевел 43 тыс. рублей (однодневный заработок рабочих) Василеостровскому районному Совету рабочих и солдатских депутатов на создание типографии Совета. В августе на Балтийском заводе был создан Военно-революционный фонд на основе поступления однопроцентного месячного заработка всех рабочих. Около трети его средств ежемесячно перечислялись в вышестоящие советские и фабзавкомовские организации.

Финансирование Центрального совета фабзавкомов Петрограда осуществлялось исключительно фабрично-заводскими коллективами города. С 1 июня 1917 г. по 1 января 1918 г. в его кассу поступило 126 516 руб. 51 коп. Приходо-расходная книга ЦС ФЗК (ГАРФ) свидетельствует о его постоянно возрастающей финансовой поддержке (с 1585 руб. в июне, до 26 947 руб. в октябре). Средства поступали как напрямую от фабзавкомов предприятий (от нескольких десятков до полутора-двух тысяч рублей в месяц), так и через районные Советы ФЗК (до трех тысяч). Денежные поступления с лихвой перекрывали потребности ЦС ФЗК Петрограда, к 1 января 1918 г. в его кассе оставалось 65 864 руб. 35 коп. неизрасходованных средств, что составляло более половины всех поступлений.

Как в 1905, так и в 1917 г. Советы и коллективы фабрично-заводских предприятий показали способность к мобилизации на нужды рабочих организаций города значительных финансовых средств, масштабы которых вполне сопоставимы с теми «японскими» и «немецкими деньгами», которые якобы получили большевики «на революцию в России» от иностранных государств.

Рогозный Павел Геннадьевич

Нетление мощей, Достоевский, «народное православие» и большевики

Вспомним знаменитый эпизод смерти старца Зосимы из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: когда тело старца стало «пахнуть» это было воспринято многими как показатель греховности его жизни. Писатель показывает, что тело старца, как считали некоторое в том числе Алеша Карамазов вместо того, чтобы немедленно начать «исцеления, подверглась, напротив того, раннему тлению <...>». Причем Достоевский пишет, что для Алеши нужно было не чудес, «а лишь высшей справедливости, которая была, по верование его, нарушена и чем так жестоко и внезапно было поранено сердце его». Эта «справедливость» в его понимании и должно было быть – нетлением

Случай с телом Зосимы был описан Достоевским с такой психологической верностью и мастерством что делает этот эпизод одним из лучших в великом романе.

Долгое время даже среди церковной паствы именно нетление было необходимым доказательством святости. Достоевский идет за древнерусской традицией, когда «нетленные мощи были свидетельством максимального успеха так же, как особо ощутимая тленность- максимального неуспеха».

Нетление (цсл., греч. αφθαρσία) - неразрушимость, рассматривается как божественное чудо и становится важным условием для канонизации. Вообще еще в поздней античности у христиан складывается уверенность что на месте упокоение святого «обычные законы могил приостанавливают свое действие». (П. Браун) Особое значение

нетление приобретает на Руси. Пахомий Логофет в 1472 году при перенесении мощей митрополита Петра писал, что последнего «обрели в теле», то есть он был нетленным. И как укоризна современникам звучит «яко в теле обрели чудотворца неверия ради людскаго, занеже кой толко не в теле лежит, тот у них не свят...». Документы показывают, что уверенность что непременно святой должен быть нетленным сложилась до синодального православия.

Еще в конце XIX века известный церковный историк Е.Е. Голубинский убедительно показал, что в древности христиане почитали как тленные, так и нетленные останки подвижников. Писал историк и о многочисленных подделках православных мощей в Греции в России. В древнерусском языке слово «мощи» обозначало и кости, и тело умершего «прославившегося нетлением и чудодейственными свойствами». Голубинский убедительно показал, что кости и мощи были в Древней Руси своего рода синонимами.

Но в православии особенно в «народном православии» сложилось устойчивое убеждение в телесном нетлении останков святых.

В 1919-20 гг. большевики провели акцию по вскрытию мощей святых. Было вскрыто около 60 останков, почитаемых Церковью подвижником. Большинство мощей, которые считались нетленными, при вскрытии таковыми не оказались. Более того Церкви в лице образованных и знавших правильное церковное отношение к мощам фактически не дали слова. Все средства массовой информации принадлежали правящей партии в задачи которой входило продемонстрировать с помощью газет листовок и фото-и киносъемки «поповский обман». Вскрытие мощей для многих искренне верующих людей стало «тяжелым потрясением». (Г.П. Федотов)

Причем идеологическими организаторами акции были люди, когда –то принадлежавшие так или иначе к Православной Церкви, как бывший священник Михаил Галкин и бывший ходатай по бракоразводным делам Иван Шпицберг, ставшие к тому времени, атеистами и сотрудниками комиссариата юстиции.

Именно они обвинили Церковь в обмане, пользуясь широко распространяемы среди верующего простого народа представление о нетлении остатков святых, именно тому представлению что так гениально описал в своем романе Ф.М. Достоевский.

Смирнов Николай Николаевич

К вопросу о возвращении российских политэмигрантов на Родину

1. Проблема восприятия руководителями Антанты революционных событий февраля – марта 1917 г. в России. Общая оценка складывающейся ситуации. Учет настроений русской политической эмиграции и оценка возможностей ее возвращения на Родину в свете роста антивоенных настроений в ее рядах и стремления активно включиться в развитие революционного процесса.
2. Русская политическая эмиграция и ее воздействие на умонастроения граждан Франции, Великобритании и Италии в феврале – марте 1917 г. Агитационно-пропагандистская работа русских политэмигрантов среди солдат Русского экспедиционного корпуса во Франции. Организация просветительских вечеров для местного населения и реакция властей Великобритании, Франции и Италии на подобного рода деятельность русских политэмигрантов.
3. Решение о запрете перемещения русских политэмигрантов на Родину «обычным порядком»: организация перевозок морским транспортом Великобритании по Северному морю в порты скандинавских стран, Архангельский порт. Взаимоотношения Временного правительства и правительств стран Антанты в вопросе возвращения русских политэмигрантов на Родину.
4. Возвращение в «пломбированном вагоне» как альтернативный путь реэмиграции, молчаливое согласие правительств Антанты на избрание подобного метода решения проблемы русской политической эмиграции.

Бездействие Временного правительства в вопросе о поиске иных вариантов решения проблемы в связи с прямым запросом политических эмигрантов оказать давление на правительства союзных держав для возврата к «обычному порядку» реэмиграции.

5. Деятельность русского бюро политэмигрантов в апреле – мае 1917 г. по формированию отрядов репатриантов и их возвращению на Родину морским путем. Финансово-экономическая и моральная помощь бюро политэмигрантам, возвращавшимся на Родину. Взаимоотношения бюро с властями и правоохранительными органами стран Антанты в апреле – мае 1917 г. Отношение бюро к анкете, разработанной правоохранительными органами стран Антанты для возвращавшихся на Родину русских политэмигрантов.
6. Причины сохранения возможности использования альтернативного пути («пломбированный вагон») для возвращения русских политэмигрантов на Родину весной 1917 г. – весной 1918 г. при Временном правительстве и правительстве большевиков.

Отдел современной истории России

Асташкин Дмитрий Юрьевич

“И вот Новгорода больше нет”: международное эхо нацистской оккупации Новгорода

Нацистская оккупация Новгорода тесно сопряжена с Битвой за Ленинград. Поэтому город упоминается в огромном числе исследований о блокадном Ленинграде, также есть ряд профильных работ именно об оккупации Новгорода немецкими и испанскими войсками. Вместе с тем возникла **научная проблема**: никем пока не изучена международная реакция на оккупацию Новгорода. Для решения проблемы мы анализируем дипломатическую переписку и пропагандистские материалы, созданные союзными странами (США, Великобритания, страны Британского содружества: Австралия, Новая Зеландия) в 1941-1944 годах. В отдельных случаях мы сравнили их с нацистскими пропагандистскими материалами и с материалами нейтральных стран.

С информации об освобождении Новгорода начиналась ежедневная военная сводка для президента США Ф. Рузвельта, в ней сообщение о Новгороде заняло половину раздела, описывающего Европейский театр военных действий. В тот же день Новгород обсуждали президент Финляндии Рюти и временный поверенный в делах США в Финляндии Р. Макклиток (“Новгород, сказал президент, уже взят русскими”).

У Новгорода была уникальная специфика в международном восприятии, связанная с большим числом древних памятников культуры. Из оккупированного Новгорода советские спецслужбы получали информацию о расхищении и разграблении культурных памятников. СССР доносил эту информацию до союзных стран по дипломатическим и пропагандистским каналам. СССР пытался показать, что русская культура - часть мировой культуры, то есть преступления оккупантов на советской земле касаются и союзных стран. Таким образом, тема освобождения Новгорода была не только связана со снятием блокады Ленинграда, но также использовалась в международном контексте разрушения и разграбления культурных ценностей нацистами.

Судебные репортажи из Нюрнберга стали последним системным упоминанием оккупации Новгорода в международных медиа. Новгородский процесс 1947 года над 19 немецкими военными преступниками практически не вызвал интереса за рубежом (впрочем, невелик был интерес и у центральной прессы СССР, на что жаловался Министр МВД С. Круглов). Наступила Холодная война, интересы союзников разошлись. Страдание и героизм жителей СССР перестали быть темой первых полос, а международные связи стали вызывать подозрение (“маккартизм” с одной стороны, кампания против низкопоклонства перед Западом с другой).

Результатом нашего исследования стала научная статья объемом (0,5 а.л.) и одна научно-популярная статья (0,3 а.л.)

Баринов Дмитрий Андреевич

Смерть и возрождение университетского образование в СССР в 1930-е гг.

На рубеже 1920-1930-х гг. для высшего образования СССР была характерна тенденция к дроблению вузов на более мелкие единицы. Важно остановиться на этом процессе, потому как именно она опосредованно стала прологом к будущему созданию Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ при СНК). Даже в советской историографии реформа высшей школы рубежа 1920-1930-х гг., приведшая к фактической ликвидации многих крупных вузов, оценивалась как чрезмерная и необоснованная. Обоснование в выделении факультетов ведущих университетов и институтов в самостоятельные учебные заведения видели в том, что штат, компетенции, количество учащихся факультетов выросли, а связь между ними ослабла. Таково было объяснение реформы с точки зрения внутреннего устройства вузов. Приводились и более весомые аргументы, связанные с нуждами индустриализации. Развитие промышленности, растущие темпы строительства обнаружили недостаток числа технических специалистов и / или низкий уровень их подготовки. Таким образом, реформа мыслилась как путь к повышению статуса научно-технического образования.

Проведение реформы на практике привело к самым неблагоприятным последствиям. В результате дробления многие университеты и институты были ликвидированы или в значительной степени утратили свой статус и авторитет (в ряде случаев сократилось также количество преподавателей и студентов). Подобная мера сбивала университеты с пути поступательного развития, который только начал просматриваться к концу 1920-х гг.

К середине 1931 г. стало очевидно, что реформа дробления вузов оказалась излишне радикальной, непроработанной. В результате выделения отдельных факультетов исчезла возможность для ведения междисциплинарных исследований, происходил отрыв студентов и преподавателей от других специальностей, падал уровень подготовки специалистов, уровень их знаний, подрывались традиции всестороннего академического образования, характерные для старых вузов. В 1932 г. был принят ряд постановлений, подчеркивающих важность университетского образования, а процесс разукрупнения вузов был остановлен. С 1934 г. начался постепенный возврат к факультетской системе. Закрепил высокий статус вузов университетский устав 1938 г., который вместе с этим обусловил и двойственное состояние учебных заведений. Устав не преодолевал двойной подчиненности высшей школы, когда вуз контролировался одновременно и профильным наркоматом, и ВКВШ, что сохраняло регулярные трудности в управлении и создавало предпосылки для борьбы народных комиссариатов за влияние над тем или иным институтом.

Смерть и возрождение университетского образования, произошедшие всего за 5 лет, демонстрируют, что в 1920-1930-е гг. в советском руководстве не существовало единого представления о должной реформе высшей школы. Поэтому отношение к ней регулярно менялось, при этом часто довольно кардинально и в сжатые сроки. Многие решения были непродуманные, принимались ситуативно или спонтанно, как ответ на сиюминутные трудности. Результатом такой политики можно считать само существование Всесоюзного комитета по делам высшей школы. Проведение отраслевой реформы образования 1930 г. показало необходимость координирующего органа для вузов – так возник ВКВТО. После возврата к университетской системе образования, стало очевидно, что разделение управления гуманитарными и естественнонаучными дисциплинами также непродуктивно – так вместо ВКВТО появился ВКВШ.

Богомолов Алексей Иванович

Следы «спецкартотеки» ГАУ НКВД СССР в петербургских архивах:

история, состояние, проблемы использования

Доклад посвящен истории формирования и применения документального комплекса – оперативной спецкартотеки «лиц, скомпрометировавших себя перед Советской властью», составленной в 1939-1956 гг. сотрудниками Главного Архивного управления НКВД СССР (ныне Ф.4888 ГАРФ, Центр хранения страхового фонда в г. Ялуторовск Тюменской обл.). Предпринята попытка выяснить обстоятельства создания и практического применения этого документального комплекса на региональном уровне, по материалам архивов Санкт-Петербурга.

Помимо собственных задач по хранению и изучению документов, советские архивы должны были вести учет сведений о лицах, скомпрометировавших себя перед Советской властью, и предоставлять их по запросу НКВД и НКГБ СССР. Общее число категорий лиц, подлежавших учету, менялось. В картотеку добавлялись новые: полицейские и военнослужащие «всходных кресов» Польши, прибалтийских республик, Бессарабии; с 1941 г. стали поступать сведения о лицах, сотрудничавших с нацистскими оккупантами, и т.д. В 1940-е гг. спецкартотека пополнилась материалами оперативных картотек МВД Франции. К середине 1950-х гг. на учёте состояло уже 36 категорий. В 1956 г. картотека была выведена из оперативно-ведомственного подчинения и сдана на хранение в архив, где постепенно разрушалась. Остатки её были обнаружены архивистами в 1992 г.

Материалы картотеки, несмотря на слабую приспособленность ее в существующем виде для работы исследователя, представляют собой содержательный источник вторичного характера, позволяющий получить данные о личном составе монархических организациях империи и о людях, сочувствие которых монархическим идеям зафиксировано документально.

В числе прочих категорий в картотеке состояли на учете бывшие руководители и члены монархических организаций, – как дореволюционных, так и эмигрантских. Каковы были источники сведений картотеки? Насколько полной информацией о дореволюционных монархистах и об их судьбе после революции обладали чекисты 1930-х-1940-х гг.? Затронули ли бывших монархистов репрессии 1930-х гг.? Насколько эти репрессии были обоснованы, т.е. на основании каких данных, – официальных документов или непроверенных доносов, проводились аресты?

Все центральные и региональные архивы СССР обязаны были выявлять в документах своих фондов имена и личные данные «контрреволюционных и антисоветских элементов» и пересылать их в Главное архивное управление для составления картотеки. В каждую заполняемую карточку включались сведения об имени (именах, прозвищах), времени и месте рождения, месте службы и роде занятий, политическом прошлом, социальном происхождении, судимости. На обороте карточек помещались дополнительные сведения о фигуранте карточки. В отдельных графах указывались род документа, из которого почерпнуты сведения, и дата его составления, название архива, в котором хранится документ, с указанием фонда, описи и единицы хранения. Картотека составлялась по алфавитно-территориальному принципу. После ряда перевозок каталог картотеки большей частью утрачен, и около двух третей картотеки упорядочено только по алфавитному перечню фамилий, без указания на архив происхождения. К настоящему времени уцелело 843 ящика картотеки, содержащие около 1.500.000 – 1.600.000 карточек.

Судя по сохранившимся материалам картотеки, можно предположить, что она использовалась в том числе и для проверки доносов частных лиц и сообщений секретных сотрудников. По личным данным человека, на которого поступил донос, заполнялась учётная карточка. Затем сотрудники ГАУ проверяли данные этой карточки по имеющимся в картотеке сведениям. Подтвержденной информация о человеке считалась в том случае, если его имя, фамилия и иные данные (возраст, место жительства, род занятий и др.) совпадали с аналогичными, обнаруженными в каком-либо документе, хранящемся в том или ином архиве. Многие учётные карточки несут следы такой проверки. Так, в ряде

сохранившихся карточек в графе «политическое прошлое» рядом с указанием категории учета («монархист» или «член Союза русского народа») имеются пометки «государственные архивы подтверждают» или же «государственные архивы не подтверждают».

Реконструировать «спецкартотеку» можно не только «сверху», но и «снизу» - через поиски ее следов в региональных архивах, направлявших соответствующие данные в Главное архивное управление. Такие следы удалось отыскать в рассекреченных документах ЦГА СПб (в 1941-1964 гг. - Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области), в т.н. «архиве архива».

Знакомство с материалами ГАОРСС ЛО позволяет подтвердить, что его сотрудники подготовили соответствующие списки участников монархических партий и союзов, сгруппированные по фондам (лица, выявленные при обработке обращений в редакции монархических газет; в министерство двора; в канцелярию градоначальника и т.п.). Списки были направлены в Главное архивное управление для составления центральной картотеки. Важно отметить, что копии этих списков отложились в ЦГАОРСС ЛО и использовались для составления ответов на запросы руководства городских и региональных органов НКВД. Едва ли это было уникальной практикой ленинградских архивистов. Таким образом, можно предположить, что в указанный период существовала и использовалась не только центральная оперативная картотека, но и ее региональные филиалы.

Следует отметить, что, несмотря на принадлежность к единому ведомству (НКВД), взаимодействие между архивными управлениями и следственными органами НКВД существенно осложнялось внутриведомственной спецификой и взаимным непониманием чекистов и архивистов. Учетные карточки, заполнявшиеся не по сведениям текущей судебно-следственной делопроизводственной документации, а по материалам документов, имевших на момент составления картотеки в большей степени историческую значимость, по ряду категорий учета имели невосполнимые пробелы. Запросы следственных органов по текущим мероприятиям по умолчанию подразумевали знакомство адресатов с практикой и с данными текущей криминальной статистики, которой сотрудники «исторического» архива не владели. Наконец, с ходом времени все большая часть фигурантов, упоминаемых в картотеке, выбывала из круга интересов следственных органов в силу возраста. При подготовке ответов на запросы 1946-1949 гг. использовалась уже только самая немногочисленная и самая поздняя часть составленных для картотеки списков – списки участников эмигрантской организации младороссов.

Указанные обстоятельства, на мой взгляд, позволяют отчасти ответить на вопрос, по какой причине картотека, составленная по материалам исторических документов (по крайней мере, та ее часть, которая касалась монархистов), к середине 1950-х гг. перестала представлять интерес для следственных органов и была выведена из оперативно-ведомственного подчинения.

Болдовский Кирилл Анатольевич

Сферы компетенции высших органов власти и управления «брежневского периода»

В последнее время для исследователей стали доступны комплексы документальных источников о деятельности высших органов власти и управления в период середины 1960-х – конца 1970-х гг. Наряду с многочисленными источниками личного происхождения, они дают возможность анализировать такие проблемы, как распределение компетенций и ответственности между этими структурами, механизмы подготовки вопросов для рассмотрения, практики принятия решений и способы контроля за их исполнением.

К высшим органам партийно-государственного руководства «брежневского периода» можно отнести: Политбюро и Секретариат ЦК КПСС, а также Совет министров СССР.

К началу 1970-х гг. сложилась достаточно устойчивая система распределения полномочий между этими структурами. Политбюро рассматривало важнейшие вопросы внутренней политики и практически все, за исключением малозначительных, проблемы международных отношений. Характерными чертами деятельности Политбюро этого периода стали:

- практика создания различных «комиссий Политбюро», как например, по вопросам отношений с ПНР в период кризиса в этой стране или известная комиссия «по положению в Афганистане». Деятельность комиссий во многих случаях была достаточно автономной от основного состава Политбюро, поскольку в их состав включались, как правило, члены бюро, возглавлявшие соответствующие ведомства;
- включение в состав Политбюро руководителей важнейших государственных структур: министерства обороны, комитета госбезопасности, министерства иностранных дел. Такая практика была нехарактерна ни для сталинского (за исключением периода Великой Отечественной войны), ни для хрущевского периодов;
- практически автоматическое включение в состав Политбюро руководителей крупнейших республиканских партийных организаций, а также организаций Москвы и Ленинграда.

Роль Секретариата ЦК КПСС в описываемый период снижалась. Все большую часть его повестки стали занимать формальные вопросы: награждения, присвоения почетных званий, утверждения состава делегаций, проведения различных съездов и конференций.

Практика подготовки важнейших постановлений Совета министров СССР свидетельствует о все более тесном взаимодействии этого органа с аппаратом ЦК КПСС, в первую очередь с отраслевыми отделами, занимавшимися вопросами промышленности, сельского хозяйства, торговли и финансов. Большинство таких постановлений проходили предварительную проработку и согласование в этих структурах.

Анализ источников показывает, что в «брежневский период» в системе управления происходили процессы не просто срастания, но и взаимопроникновения партийного и государственного аппаратов управления.

Ковалев Борис Николаевич

Эволюция изучения истории Великой Отечественной войны в отечественных школьных учебниках XX века

В первых послевоенных книгах война СССР против гитлеровской Германии и её союзников представлялась как безусловная заслуга лично И.В.Сталина. Весьма характерен в этом отношении учебник по истории СССР для педагогических училищ, подготовленный к печати в 1947 году.

Событиям Великой Отечественной войны посвящена 24 глава – с 325 по 346 страницы. 41 раз упомянут Сталин. Один раз Молотов.

Из других советских военачальников больше никто не упомянут. В учебнике весьма подробно цитируются художественные произведения, в частности, «Молодая гвардия» А.Фадеева.

В немалой степени здесь мы можем видеть замалчивание трагедий 1941 – 1942 года. Весьма подробно в учебнике описан ход «10 сталинских ударов». Хотя он вышел еще до «Ленинградского дела» Ленинградской битве посвящены всего три строчки: «Это наступление началось в январе 1944 года под Ленинградом, блокада которого была прорвана еще в 1943 г. Враг был отброшен от героического города, колыбели октябрьской революции».

Особое значение для изучения отечественной истории имело Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах» от 8 октября 1959 г.

Из него следовало, что «в 4 классе изучаются эпизодические рассказы из истории СССР, в 5-6 классах – элементарный курс истории древнего мира и средних веков, в 7-8

классах – элементарный курс истории СССР, в 9-11 классах – систематические курсы СССР, новой и новейшей истории зарубежных стран.

История Великой Отечественной войны должна была проходиться дважды. Первый раз в четвертом классе по учебнику «Рассказы по истории СССР», второй раз – в выпускном десятом.

Конкурс на лучший учебник по истории для 4 – 10 классов прошёл в 1960 году. В 1961 году жюри конкурса присудило премию Тамаре Сергеевне Голубевой и Льву Соломоновичу Геллерштейну – авторам книги «Рассказы по истории СССР для 4 классов». Этот учебник на протяжении почти 30 лет выдержал 16 переизданий. За это время он не претерпел каких-либо глобальных изменений. События Великой Отечественной войны излагаются в нём на 30 страницах (с. 165 – 195).

Для преподавания истории в старших классах советских школ в 60-70-х гг. использовался учебник под редакцией члена-корреспондента (затем академика) АН СССР М.П.Кима. Он выдержал 12 изданий и выходил на протяжении почти 30 лет – с 1958 года. В разных изданиях событиям Великой Отечественной войны отводится от 54 до 110 страниц.

Специфика этого учебника заключается в том, что он полностью соответствует тому времени, когда он выходил. В первых изданиях бои под Сталинградом называются «Битва на Волге», в более поздних – «Сталинградская битва».

В издании 1975 года даётся групповая фотография всех командующих фронтами.

Полку «Нормандия-Неман» и польской дивизии им. Тадеуша Костюшко уделяется больше внимания, чем Ленинградской битве.

В этих школьных учебниках огромное количество отсылок к художественным произведениям. Иногда в виде обширных цитат.

Однако все эти недостатки меркнут по сравнению с тем, что началось в нашей стране с начала 90-х годов прошлого века. Началось время переосмысления истории Великой Отечественной войны. Это выразилось, например, в том, что в детской энциклопедии, выпущенной издательством Аванта+, в качестве главных героев войны были даны биографии Г.К. Жукова и генерала-предателя А.Власова.

Институт «Открытое общество» (фонд Сороса) активно финансировал учебные издания, которые навязывали читателю чувства вины, за события Советской эпохи. Одной из пропагандируемых точек зрения на события Второй мировой войны была теория двух оккупаций, вызванных противостоянием двух тоталитарных систем.

Мусаев Вадим Ибрагимович

Репатриация советских граждан из европейских стран на конечном этапе и после Второй мировой войны.

Ещё за несколько месяцев до окончания войны советским руководством был поднят вопрос о репатриации советских граждан, оказавшихся в 1941–1944 гг. в Германии, оккупированных немцами странах и нейтральных государствах Европы. Речь шла о возвращении всех категорий таких людей: военнопленных, оstarбайтеров, членов коллаборационистских военизированных формирований, добровольных гражданских беженцев, из всех стран, где они к тому моменту оказались. Для решения общих вопросов репатриации советских граждан постановлением СНК СССР № 392/с от 4 октября 1944 г. была введена должность уполномоченного СНК по делам репатриации; этот пост занял генерал-полковник Ф. И. Голиков. 23 октября того же года при нем было образовано управление. В том же месяце начали формироваться группы офицеров репатриационных миссий с целью организации возвращения советских граждан из Финляндии, Румынии, Франции и других стран. 6 января 1945 г. вышло постановление СНК СССР № 30-12с «Об организации приема и устройства репатрируемых граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран». 18 января того же года начальником тыла Красной Армии и уполномоченным СНК СССР по делам репатриации были изданы совместные директивы

№ 1/1240645с и № 1/1240646с, на основе которых практически решались все вопросы, связанные со сбором, размещением, содержанием, материальным обеспечением и возвращением на родину граждан СССР и иностранных граждан и подданных.

Массовая репатриация советских и иностранных граждан развернулась с мая 1945 г. и продолжалась до марта 1953 г. Базовым документом этого процесса стал «План передачи через линию войск бывших военнопленных и гражданских лиц, освобожденных Красной Армией и войсками союзников». 20 октября 1945 г. в сводке, адресованной 20 октября 1945 г. Ф. И. Голиковым народному комиссару внутренних дел В. В. Чернышову указывалось, что «по неполным данным, врагом было захвачено и уведено всего 6 979 470 [человек], из них 4 978 735 гражданского населения и 2 000 735 военнопленных (только выявленные и учтенные)». Эти сведения в дальнейшем корректировались, но несущественно. В марте 1946 г. в отчете Управления репатриации число советских граждан, оказавшихся за границей до окончания войны, определялось в 6 810 567 человек, из них 4 794 087 гражданских лиц и 2 016 480 бывших военнопленных.

К 1 марта 1946 г. из зон действия советских войск, а также из нейтральной Швеции, было репатрировано, как указывалось в отчете Управления по делам репатриации, 3 000 277 советских граждан. Из них, впрочем, 1 153 475 человек были возвращены с советской территории, ранее находившейся в оккупации, и их правильнее отнести к внутренним перемещенным лицам. Именно из-за границы были репатрированы 1 846 802 человека. Самые большие группы были из советских зон оккупации Германии и Австрии – 1 144 261 человек, Румынии – 133 340, Финляндии – 101 195, Польши – 87 850, Чехословакии – 40 655, Югославии – 25 572. После окончания войны началась репатриация советских граждан из стран, освобожденных от немецкой оккупации союзными войсками, из нейтральной Швейцарии и союзной Великобритании. Для пропуска репатриантов было установлено 9 пунктов на территории Германии. 23 мая 1945 г. первые группы репатриантов пересекли демаркационную линию. Уже к 30 мая от союзников были приняты 519 102 человека, к концу года – 2 033 164. По данным же на 1 марта 1946 г. из зон действия союзных войск были репатрированы 2 352 686 советских граждан, из них 960 039 бывших военнопленных и 1 392 647 гражданских лиц. Наиболее крупные группы поступили из западных зон оккупации Германии и Австрии – 2 031 925 человек, Франции – 121 005, Норвегии – 84 775, Италии – 53 240, Англии – 26 329, Бельгии – 12 344. Мелкие группы, численностью от нескольких сот до 10 000 человек, были возвращены из Болгарии, Венгрии, Швеции, Дании, Швейцарии, Албании, Греции, Нидерландов. Всего, таким образом, общее число репатрированных лиц на тот момент составило 4 199 488 человек, из них 2 660 013 гражданских лиц и 1 539 475 бывших военнопленных. По документам Управления, уже к 1 августа 1946 г. к месту жительства было направлено 3 322 053 репатрианта и внутренних перемещенных лиц (3 024 229 гражданских и 297 824 военнопленных). Из репатриантов 2 427 906 человек были направлены к месту жительства, 801 152 мобилизованы в действующую армию, 608 095 зачислены в рабочие батальоны НКО, 272 867 переданы в распоряжение НКВД, 89 468 находились на различных работах при советских воинских частях и учреждениях за границей. Сотни тысяч человек по различным причинам уклонились от репатриации. С мая 1947 г. по 1952 г. из западных зон оккупации Германии и Австрии в страны Европы и Америки были вывезены 213 388 человек. По данным Управления, на 1 января 1952 г. за границей оставался 451 561 советский гражданин. Репатриация продолжалась, с меньшей интенсивностью, до начала 1950-х гг. До 1 июля 1952 г. было всего репатрировано 4 305 035 советских граждан.

Значительная часть жителей Северо-Запада России в годы войны оказалась в Финляндии. К моменту подписания советско-финляндского перемирия 19 сентября 1944 г. в Финляндии находились более 45 тыс. военнопленных и интернированных военнослужащих и 64-65 тыс. гражданских лиц: в основном ингерманландцев, переселенных, в соответствии с германско-финляндским соглашением, из

оккупированных районов Ленинградской области в Финляндию в 1943–1944 гг., а также несколько тысяч человек, эвакуировавшихся из Олонецкой Карелии вместе с отступающими финскими войсками. Статья 10 перемирия предусматривала обязательство со стороны Финляндии «немедленно передать всех находящихся в ее власти советских и союзных военнопленных, а также интернированных и насильственно увезенных в Финляндию советских и союзных граждан Союзному (Советскому) Главнокомандованию для их возвращения на родину». 14 ноября 1944 г. сформированная Управлением по делам репатриации группа из 14 офицеров под руководством полковника Н. Филатова была направлена в Хельсинки для проведения мероприятий по репатриации советских граждан из Финляндии. До конца года группа была усилена 75 офицерами, выделенными Ленинградским военным округом. Соглашение между Союзной контрольной комиссией и Отделом по делам перемещенного населения в составе МВД Финляндии от 27 ноября 1944 г. определило порядок проведения мероприятий по репатриации советских граждан. Кампания по репатриации из Финляндии началась 4 декабря 1944 г. и продлилась до сентября 1947 г. Всего на родину вернулись, согласно материалам Управления уполномоченного СНК по делам репатриации, 58 412 человек. Помимо гражданских перемещенных лиц, в Советский Союз из Финляндии были возвращены военнопленные и интернированные военнослужащие. По данным Управления, до конца 1953 г. всего в СССР были возвращены 46 344 человека (44 319 военнопленных и 2025 интернированных). Таким образом, общее число репатриированных из Финляндии составило 104 756 человек.

Рупасов Александр Иванович

Наказы избирателей как источник для исследования социально-экономической ситуации в Ленинграде (первая половина 1960-х гг.)

Обращение к наказам избирателей в отечественной историографии представлено довольно большим числом исследований, хронологические рамки которых охватывают четыре столетия. В исследованиях наказов избирателей в советский период основное внимание уделялось, прежде всего, следующим аспектам: коммуникация власти и общества, общественные настроения и массовое сознание, наказания избирателей как один из демократических институтов вовлечения масс в управление общества и государства (например, исследования Т.Ю. Луцины, А.А. Фокина, Ю.В. Аксютин, Б.А. Грушина, А.Ю. Юсиповича). Как источник для изучения социально-экономической ситуации в том или ином регионе наказания избирателей не становились предметом исследования.

На XXI съезде КПСС (1959 г.) помимо дальнейшего укрепления экономической и оборонной мощи СССР подчеркивалась и необходимость одновременного обеспечения и более полного удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей народа. В принятой через два года на XXII съезде новой программе КПСС очерчивались перспективы решения последней цели. В имеющихся исследованиях по проблемам социально-экономического развития Ленинграда в 1960-1990 гг. внимание акцентируется на результатах выполнения плановых показателей, при этом стороной обходится оценка исходной базы и, как следствие, оценка перспектив решения тех или иных социально-экономических проблем. Наказы избирателей являются одним из источников, позволяющим приблизиться к оценке этой исходной базы. Источником, к сожалению, имеющим ограниченное значение в силу объема отложившихся в архивных фондах материалов и отсутствия единообразия в обработке наказов избирателей структурами городского и районных исполнительных комитетов.

Основные проблемы, затрагиваемые в наказах избирателей:

- обеспеченность жильем (категоричный отказ городских властей в расселении из общежитий даже проживших в Ленинграде 15 и более лет; многочисленные отказы от расселения аварийных домов, увеличение количества коммунальных квартир из-за роста

населения, перенос обещанного в 1960 г. сноса бараков на 1967-1968 гг. и пр. Тема т.н. коренных ленинградцев при решении жилищных вопросов);

- жилищно-коммунальные условия (комфортность жилья – сохранение до конца 1960-х гг. дровяного отопления в многоэтажных домах, отсутствие достаточного количества прачечных, проблемы с вывозом бытовых отходов, озеленением городских районов, с водоснабжением в новостройках, отказы в решении проблемы «чистоты атмосферы» и пр.);

- сфера образования (безнадзорность детей школьного возраста, как причина обусловившая необходимость значительного увеличения количества школ-интернатов (с 50 до 70 в 1961-1962 гг.); отказы в открытии или расширении клубов и кружков для подростков);

- транспорт (отсутствие возможностей у городских властей для расширения сети автобусных и трамвайных маршрутов, резкий рост затраченного на проезд на работу и обратно для проживающих в новостройках, попытки решить проблему парковки личных автомобилей созданием кооперативных объединений по строительству гаражей);

- торговля (отсутствие площадей для развития торговой сети, неизменный отказ в открытии специализированных торговых точек, но при этом расширение сети торговли алкогольными напитками)

- медицина (дефицит врачебных кадров, особенно стоматологов и протезистов; сложности с обеспечением медицинской техникой открываемых лечебных учреждений).

Многочисленные отказы городского и районных исполкомов в решении тех или иных наказов избирателей косвенно свидетельствуют о том, что город не обладал собственными возможностями даже для решения требующих незначительных финансовых и материальных ресурсов

Твердюкова Елена Дмитриевна

Деятельность коммунальных ломбардов в РСФСР в 1930-е годы

Создание эффективно действующей системы кредитных учреждений – одна из наиболее важных задач в любом государстве. Значимым элементом этой системы являются ломбарды – специализированные коммерческие организации, основная задача которых – предоставление гражданам краткосрочных займов под залог имущества.

История ломбардного дела в дореволюционной России изучена достаточно хорошо. Однако советский период деятельности ломбардов в научной литературе практически не освещен. Одно из возможных объяснений тому, возможно, лежит в плоскости идеологической: показать популярность ломбардного кредита означало признать наличие широких кругов малоимущих в СССР, ибо общепризнано, что краткосрочный кредит востребован прежде всего социально незащищенными слоями населения. Поэтому даже те немногочисленные исследователи, кто уделял внимание историческим аспектам потребительского кредитования в СССР, подчеркивали, что залог имущества, как правило, не носил вынужденного характера.

В революционные годы ломбарды, очевидно, сыграли значительную роль в процессе выживания населения, тем более что к мероприятиям по реорганизации ломбардного дела власти приступили только в 1919 г., когда постановлением Наркомата финансов РСФСР ссудные казны упразднились. Восстановление кредитно-финансовой системы страны началось по окончании Гражданской войны. 11 октября 1922 г. декретом СНК РСФСР разрешалось открывать коммунальные ломбарды. Они могли выполнять следующие операции: выдавать ссуды под залог вещей; брать вещи на хранение; реализовать через аукционы те вещи, которые не востребованы залогодателями; принимать вещи для продажи через свои комиссионные магазины. К началу 1930-х годов на территории РСФСР действовали 32 ломбарда (не считая филиалов).

Их деятельность регулировалась республиканским законодательством. Так, согласно постановлению СНК РСФСР от 2 апреля 1934 г., ломбарды объявлялись

хозрасчетными учреждениями, подчиненными непосредственно горсоветам, хотя надзор за их деятельностью осуществлял Наркомат финансов и его местные органы.

В 1930-е годы изменилась процедура оформления ссуды. Под лозунгом борьбы с преступным элементом из практики были изъяты «безыменные» (предъявительские) билеты. Рабоче-крестьянская инспекция, проводившая в 1930 г. обследование работы ломбардов, сигнализировала о том, что соблюдение «тайны вкладов» способствовало превращению ломбардов в прибежище для уклоняющихся от уплаты налогов и для расхитителей социалистической собственности, которые скрывали в них свое имущество: «В этом отношении ломбард не только сохраняет вещь вкладчика от моли, но оберегает имя вкладчика от фининспектора и от МУРа». С 1935 г. все операции в ломбардах осуществлялись при наличии удостоверения личности, социальное положение закладчика указывалось в залоговой квитанции.

Нужда в средствах на индустриализацию обусловила ужесточение правил оценки драгоценных металлов. Отныне они оценивались не по соглашению с владельцем, а по утвержденным государством тарифам, при этом прекращалась продажа их с аукционного торга. Ограничивалась также деятельность комиссионных магазинов при ломбардах под тем предлогом, что в большинстве случаев они выступали посредниками между «одной частью нетрудовых элементов, сдающих вещи на комиссию, и другой частью тех же элементов, покупающих эти вещи». Хотя в действительности количество просроченных и реализованных залогов было незначительным. С 1 декабря 1939 г. в целях облегчения материального положения семей бойцов, призванных в РККА, Ленинградский ломбард по личному распоряжению заместителя председателя горисполкома Б. Мотылева вообще приостановил отборку просроченных залогов для реализации.

Преобладающая роль в операциях (96–99%) приходилась на ссуды под залог имущества, большей частью – под залог одежды. Так, в Ленинграде в 1934 г. под предметы домашнего обихода было выдано 2,7% ссуд, под драгоценности – 15,3%, под носильные вещи – 82%.

Единого порядка предоставления кредита не существовало: размеры предельных ссуд составляли от 75 до 500 руб., размеры процентов по залоговым операциям – от 9 до 24%, сроки пользования ссудой – от 2,5 до 4 месяцев.

В целях ликвидации подобного разноречия 15 декабря 1939 г. СНК РСФСР принял постановление «Об улучшении работы городских ломбардов», которым утверждался типовой их устав. Отныне вводились единые расценки за услуги населению. Основными их задачами провозглашались прием на хранение имущества граждан и выдача срочных ссуд под залог имущества (исключая процентные и ценные бумаги), комиссионные магазины и аукционные торги по продаже не востребованного в срок имущества предлагалось ликвидировать.

Таким образом, в условиях в первых пятилеток работа коммунальных ломбардов претерпела серьезные изменения: из акционерных обществ они стали типичными государственными предприятиями «бытового обслуживания».

Чистиков Александр Николаевич

Распоряжения отдела по контролю за кинорепертуаром как исторический источник

Распоряжения отдела по контролю за кинорепертуаром Главного управления кинофикации и кинопроката Министерства культуры СССР рассылались во все республиканские, краевые и областные конторы кинопроката. Они распространялись на всю советскую и зарубежную кинопродукцию, а не только на художественные фильмы. В середине 1950-х гг. количество распоряжений колебалось в пределах 60-70 штук в год.

Для анализа взяты распоряжения за 1954-1955 гг. – первые годы деятельности нового политического руководства в СССР.

По своей структуре распоряжения делились максимум на 3 раздела: 1) разрешить демонстрацию, 2) снять с демонстрации и 3) внести исправления.

В первом разделе использовался формуляр, включавший следующие сведения: название киноленты, её жанр, название киностудии и год выпуска, фамилии сценариста и режиссёра, а также некоторые технические характеристики картины: количество частей, наличие звука и цвета, номер разрешительного удостоверения. Изучение этих характеристик важно и полезно для истории кино.

В этом же разделе содержалась и иная информация, отвечавшая на вопросы: где, для кого и до какого времени разрешалось демонстрировать картину. Кроме широко известных возрастных ограничений («Дети до 16 лет не допускаются») существовали временные (прокат фильма до определённой даты), территориальные ограничения (демонстрация в городе, но не на селе; прокат некоторых документальных фильмов только в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик) и т.д. Наличие ограничений не позволяет утверждать, что кино как форма досуга советского человека оказывалась для всех доступной.

Во второй раздел распоряжений включались картины, которые изымались из проката временно или окончательно. К последним, по большей части, относились «заграничные кинофильмы», у которых, как писали в документах, «закончился срок лицензия». Причин временной приостановки проката кинолент было несколько, в том числе и из-за необходимости внесения исправлений

Исправления, о которых говорилось в третьем разделе распоряжений, касались не только уточнения жанра картины или дополнительного введения возрастных ограничений, но и сценария. В ленте «Навстречу жизни», вышедшей на экраны в 1952 г., распоряжением от 21 октября 1954 г. исключались некоторые строки и припев песни. Другой источник уточняет, что речь идёт в данном случае об изъятии слов о Сталине. В начале ноября 1954 г. в конторы кинопроката поступило указание о восстановлении в титрах картин «Ленин в 1918 году», «Котовский», «Она защищает Родину» и «Три товарища» имени сценариста – А. Каплера, реабилитированного в том же году. В феврале 1955 г. отдел по контролю за репертуаром потребовал убрать слово «швед» или заменить его фамилией Крингрен в кинокартине «Чемпион мира». К этому времени относятся первые попытки нового советского руководства к установлению более тесных отношений со Швецией. Возможно, именно это обстоятельство повлияло на корректировку сценария.

Использование историками распоряжений отдела по контролю за репертуаром в качестве исторического источника будет способствовать более углублённому изучению истории советского кино и кинопроката, политики государства в области досуга. В ряде случаев распоряжения можно рассматривать как один из инструментов фиксации изменений во внутренней и внешней политики Советской страны в середине 1950-х гг. и формирования нового общественного мнения советских зрителей.

Лаборатория «История блокады Ленинграда»

Бередникова Виктория Евгеньевна.

Ленинградские партизаны: коллективный портрет

Среди всех республик и регионов Советского Союза, в которых существовало партизанское движение, Ленинградская область была третьей по численности партизан. Общее количество воевавших в составе партизанских подразделений на территории Ленинградской области с момента его создания летом 1941 г. и до весны 1944 г., составило 39 905 чел.

Партизанское движение, непоследовательно зарождавшееся в июле 1941 г. в Ленинграде и Ленинградской области, ко второй половине 1943 г. стало действительно многочисленным. Начальник отдела кадров ЛШПД П.Г. Матвеев отмечал, что в период с

сентября 1941 г. по июнь 1942 г. происходил процесс формирования Штаба, сопряженный с массой трудно решаемых проблем. По данным П.Г. Матвеева только за этот период было учтено 13 тыс. партизан, не считая бойцов истребительного полка и специального партизанского полка. Он признавал, что ленинградский горком ВКП(б) не сумел организовать учет и зарегистрировать всех участников партизанского движения. Сложность в организации учета создавала и региональная специфика, заключающаяся в существовании на территории Ленинградской области трех фронтов – Ленинградского, Волховского и Северо-Западного, а также в удаленности руководящего центра от районов действий партизан.

Принципиальное значение учета кадров состояло не только в создании полной картотеки партизан. Предоставляемые командирами подразделений именные списки служили основанием для выплат денежных пособий партизанам и их семьям. Работой по учету в составе ЛШПД занималось всего несколько человек, что не позволяло оперативно обрабатывать получаемую информацию. Для ведения этой работы Ленинградский штаб привлекал вольнонаемных. П.Г. Матвеев видел решение этой проблемы в увеличении численности сотрудников отдела кадров, занятых составлением партизанской картотеки, до 6 человек.

Комплектование партизанских отрядов на территории Ленинградской области началось в Псковском районе. По указанию руководства Псковских ГК и РК ВКП(б) в начале июля 1941 г. в районе началось формирование партизанских отрядов. Первые из них создавались на добровольной основе на базе истребительных батальонов, поскольку большая часть их бойцов, занятая охраной вывозимого имущества и оборудования, была эвакуирована из Пскова в период с 4 по 7 июля 1941 г. Вследствие этого состав истребительных батальонов был значительно ослаблен и уже не мог выполнять свои задачи.

Ленинградский штаб партизанского движения активно занимался вопросами пополнения и усиления кадрового состава партизанских отрядов в первой половине 1942 г., отозвав из частей Красной армии более 600 бывших партизан, переданных в армию в конце 1941 г.

В период с 1 января по 1 августа 1943 г., социальный и состав партизанского движения претерпел значительные изменения, связанные с понесенными потерями и приходом новых кадров.

Болдовский Кирилл Анатольевич

Блокадный Ленинград в докладах руководителей города Государственному Комитету Обороны

Источники, ставшие доступными в последние годы, показывают: в первые месяцы войны, вплоть до середины декабря 1941 г., высшее руководство страны считало, что «ленинградцы» предоставляют в Москву недостаточно полную и достоверную информацию о положении в городе и на фронте. В этом заключалась одна из причин командирования в город представительной комиссии ГКО в конце августа 1941 г.

В то же время ситуация в городе осенью 1941 г. для верховного руководства была ясна не полностью, несмотря на информацию, поступавшую в Центр по линиям НКВД, уполномоченных ГКО и наркоматов. С достаточной степенью определенности можно утверждать, что более полная картина кризиса в снабжении и других отраслях жизнеобеспечения Ленинграда была предоставлена И.В. Сталину только во время однодневной поездки А.А. Жданова в Москву 17 декабря 1941 г.

Для этого доклада руководители города собрали справки по различным аспектам положения Ленинграда. Об этом докладе упоминают в своих воспоминаниях уполномоченный ГКО Д.В. Павлов и помощник Жданова А.Н. Кузнецов.

В дальнейшем ленинградскими руководителями было подготовлено несколько докладов для информирования ГКО и лично Сталина.

В настоящее время известны такие комплексы документов от декабря 1941 г., апреля 1942 г., июня 1942 г. и ноября 1942 г. Можно предположить, что после прорыва блокады в январе 1943 г. такие доклады не составлялись, а информирование высшего руководства страны происходило в обычном, регулярном порядке.

Анализ этих источников дает возможность делать выводы не только о конкретных аспектах положения в городе, но и о его первоочередных проблемах с точки зрения руководства страны.

Во всех четырех докладах значительное место уделяется состоянию городского хозяйства: жилищного фонда, водопровода, канализации, городского транспорта; состоянию энергетики и запасам топлива (угля, торфа, дров, нефтепродуктов); запасам продовольствия, нормам снабжения населения и военнослужащих, а также работе пищевой промышленности; эвакуации предприятий, населения и вывозу оборудования; работе МПВО Ленинграда и последствиям вражеских обстрелов и авианалетов; Начиная с апреля 1942 г., ленинградские руководители постоянно информировали ГКО о смертности населения.

В декабре 1941 г. и ноябре 1942 г. в справках приводились подробные сведения о работе промышленности, в первую очередь по производству вооружений и боеприпасов. В апреле и июне 1942 г., т.е. в период после «смертной зимы», основное внимание уделялось продовольственному снабжению, системе здравоохранения, эвакуации населения и санитарному режиму в городе.

В справках содержатся сведения, бывшие ранее недоступными для исследователей. Например, в документах декабря 1941 г. приводится информация о мобилизационном балансе Ленинграда, из которой следует, что потенциал мобилизации города практически исчерпан.

Упомянутые комплексы документов – чрезвычайно важные для исследователей блокады Ленинграда источники.

Медведев Тимофей Дмитриевич

Дивизии народного ополчения Ленинграда: создание, комплектование, боевое применение

В ходе проведенной на протяжении прошедшего года работы над темой, касающейся деятельности истребительных батальонов НКВД в Ленинграде и Ленинградской области, было выявлено еще одно проблемное поле, недостаточно охваченное вниманием исследователей. Речь идет об истории создания, комплектования и применения ленинградских дивизий народного ополчения. Несмотря на наличие ряда исследований, в том числе монографий, данная тематика остается достаточно малоизученной. При этом в последние годы в историографии наблюдается возросший интерес к изучению проблематики, касающейся дивизий народного ополчения (в первую очередь, сформированных в Москве летом и осенью 1941 года).

Важно отметить, что в Ленинграде создание ополченческих дивизий началось на два дня раньше, чем в столице СССР. Ленинградские ополченческие дивизии, в отличие от московских, сумели избежать полного разгрома в первых же боях, а для координации их деятельности было даже создано отдельное армейское управление, получившее название «Ленинградская армия народного ополчения» (ЛАНО). Все эти отличительные черты и особенности управленческой вертикали ополченческих дивизий Ленинграда планируется проанализировать на основании широкого круга источников.

В процессе исследования названной выше проблематики необходимо обращать внимание на следующие важнейшие вопросы:

1. Причины создания и изначальная организационная структура ленинградских дивизий народного ополчения. Ее эволюция в ходе дальнейшего применения соединений, а также при формировании дивизий народного ополчения «второй волны».

2. Способы комплектования ополченческих дивизий, роль партийных органов в их насыщении личным составом, а также обеспечении материальной частью. Уровень добровольности личного состава дивизий. Значение списочных и партийно-комсомольских мобилизаций при комплектовании частей народного ополчения Ленинграда.

3. Их кого состояли ленинградские дивизии народного ополчения? Каков был процент людей, имеющих боевой опыт, как шел процесс подбора командных кадров? Отличались ли с точки зрения социального состава ленинградские дивизии народного ополчения от московских? Чем вооружались ополченческие соединения?

4. Способы подготовки личного состава дивизий народного ополчения Ленинграда.

5. Их применение в период наступления немецких и финских войск на Ленинград летом-осенью 1941 года.

Естественно, обозначенными вопросами проблематика предполагаемого исследования не исчерпывается. Для достижения его целей необходимо изучить в первую очередь институциональную и социальную историю дивизий народного ополчения Ленинграда, не обходя стороной и непосредственно участие ополченцев в боях. В этой связи важнейшее значение имеет комплекс не опубликованных источников, отложившейся в Центральном Архиве Министерства Обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). В фонде 217 (Военный совет Ленинградского фронта), а также в фондах отдельных армий, в состав которых были переданы ополченческие дивизии, выявлены документы, позволяющие в том числе проследить логику принятия управленческих решений руководством Ленинградской армии народного ополчения, изучить боевой путь подчиненных ей частей, составить представление об их вооружении и оснащении. Делопроизводственная и уставная документация также содержит большое количество статистики, списков рядового и командного состава, приказов по дивизиям народного ополчения, планов операций и отчетов, составленных по их итогам.

Также для проведения исследования планируется задействовать документы Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, а именно материалы фонда Политуправления ЛАНО, а также документальные собрания ряда предприятий. Предполагается активно использовать документы партийного и советского руководства города, значительное число из которых было опубликовано в течении последних лет. Использование названных выше источников позволит провести исследование, дополняющее собой комплекс работ по истории народного ополчения, а также содержащее анализ быстрых изменений управленческих структур советского государства и армии после начала Великой Отечественной войны.

Муравьев Дмитрий Евгеньевич

Организация военно-шефской работы деятелей искусств блокадного Ленинграда

Важнейшей составляющей при изучении культурной жизни Ленинграда в период блокады является военно-шефская работа деятелей искусств. В период блокады она получила широкое распространение в Ленинграде из-за его особого положения (отсутствие сухопутной связи с большой землей, близость к фронту и т.д.). Историографический обзор показывает недостаточную изученность темы, несмотря на значительное количество публикаций, затрагивающий данный сюжет.

Изначально шефской работой как общественной деятельностью работников культуры занимался Центральный комитет профессионального союза работников искусств при котором существовала Центральная военно-шефская комиссия, возглавлявшаяся Председателем ЦК профсоюза Рабис и Ответственным секретарем. В каждом регионе с 1933 г. действовали военно-шефские комиссии, в том числе в

Ленинграде – Областная военно-шефская комиссия при обкоме союза работников искусств.

Некоторые ленинградские творческие учреждения имели опыт шефской работы в прошлом не только в условиях мирного времени, но и в военной обстановке: деятели театральных и концертных организаций принимали активное участие в культурном обслуживании бойцов и командиров РККА, ВМФ в период советско-финляндской войны. Однако в годы Великой Отечественной войны изменился сам характер военно-шефского обслуживания: вместо почетной общественной обязанности она стала частью производственной деятельности творческих деятелей.

Характеризуя военно-шефскую работу в годы блокады, можно утверждать, что она являлась одним из ключевых направлений деятельности не только обкома профсоюза Рабис, но и Управления по делам искусств при Ленгорисполкоме. Несмотря на экстремальные военные условия в Ленинграде в 1941–1944 гг., искусство не утратило своей значимости. Городская военно-шефская комиссия Ленинграда с первых дней войны осуществляла централизованное управление работой шефских бригад. Вместе с тем, в период 1941-1944 гг. в Ленинграде отсутствовала единая система и форма учета шефской работы. В 1943 г. в целях обеспечения сохранности военной тайны практически вся документация по обслуживанию воинских частей, за исключением сводок о количестве проведенных концертов, была уничтожена. Учитывая военное положение, вопросы организации шефства творческих деятелей перешли от союза работников искусств к Управлению, чем был недоволен ЦК профсоюза. Об этом свидетельствует переписка центральных органов с ленинградским руководством. Как следствие конфликта, в Ленинграде возникла ситуация с существованием двух комиссий, занимавшихся шефской работой. Но летом 1944 г. все вернулось к довоенным практикам, когда шефской работой ведал обком профсоюза Рабис.

Пянкевич Владимир Леонидович

Продавцы и покупатели блокадного Ленинграда

Возникший с самого начала войны ажиотажный спрос, затем колоссальный дефицит продовольствия и наконец голод изменили статус работников магазинов и предприятий общественного питания в восприятии ленинградцев. Появились «хлебные короли». Жизненно необходимые большинству продуктовые карточки были им не нужны. Эти люди не нуждались и в деньгах.

Лица, формы, одеяния «бесящихся с жиру» работников прилавка, с «золотыми часами, кольцами, браслетами на руках», «в камнях», «разодетых в шелка и бархат», «в модных туфлях», озадачивали и возмущали. Контраст с дистрофическими фигурами, лицами большинства изможденных ленинградцев шокировал, приводил в смятение.

Антитезой исключительно отрицательному «жирному» работнику торговли и общепита была фигура дистрофика. Однако предельно истощенные люди вовсе не воспринимались положительно. Войдя в бытовой тезаурус, слово «дистрофик» приобрело негативную коннотацию, стало бранным. Обе полярные фигуры пространства блокады Ленинграда – «жирные» и «дистрофики» – вызывали негативное отношение и сильные отрицательные эмоции. Причем к первым относились в конечном итоге лучше, чем ко вторым.

«Жирные» «продовольственники» были главными потребителями вещей и ценностей, предлагавшихся голодными в обмен на продукты. Ненавидя и проклиная спекулянтов, имевшие средства и вещи настойчиво искали встречи с людьми, близкими к продовольствию, стремились завязать с ними знакомство.

Многие блокадники не задумывались или не хотели задумываться о преступном происхождении приобретаемых продуктов. Тревожило не бедственное положение незнакомых, по сути, абстрактных людей, у которых пища была украдена, но смерть близких и собственный мучительный уход из жизни от голода.

Истоки ненависти к блокадным «продовольственникам» состояли в традиционном неприятии обогащения за счет безвыходного положения ближнего. Бросавшееся в глаза неравенство было знаком переоценки, разделявшей людей на сытых и голодных, успешных и неудачников, «виновных» в своем положении. Это противоречило этическим, идейно-политическим установкам многих горожан.

Обмен ценных вещей на крохи продовольствия или покупка пищи по «мародерским» ценам рассматривались как «большая удача», «счастливый случай», «исключительное везение», «страшная радость», «счастье». Пища спасала от смерти, давала шанс на жизнь.

Нечистых на руку работников магазинов, столовых, продовольственных баз, спекулянтов, блокадникам «хотелось убить», их призывали «гнать», «уничтожать», «расстреливать». Однако под давлением обстоятельств тот, кто призывал «расстреливать», порой вынужден был согласиться с существованием блокадных коммерсантов, а их деятельность признать необходимой и даже полезной. Даже годы спустя получавшие пищу за свои вещи были благодарны своим «спасителям». Да они и сами порой считали себя таковыми.

Рупасов Александр Иванович

Проблемы пополнения бюджета Ленинграда в 1941-1943 гг.

Исполнение городского бюджета Ленинграда в течение всего периода Великой Отечественной войны являлось трудноразрешимой проблемой. Если во втором полугодии 1941 г. за счет поступлений в городской бюджет удалось профинансировать мероприятия, обусловленные военными действиями, то к началу 1942 г. доходы местного бюджета резко сократились, они не обеспечивали минимального покрытия необходимых расходов, что потребовало уже 1 квартале 1942 г. дотаций из госбюджета в размере более 40 млн. руб. Причинами являлись:

- сокращение налоговых поступлений (подоходный налог с введенными в 1941 г. надбавками, культжилсбор, военный налог, налог с одиноких, налог со строений, земельная рента, налог с оборота, с нетоварных операций, с кинотеатров, со зрелищ и др.) и других сборов (плата за обучение, единая госпошлина, отчисления от госзайма, реализация лотерейных билетов и пр.). Самые большие поступления давал военный налог – 50-52 млн. руб. в квартал. Подоходный с физических лиц – около 15 млн. руб. в квартал;
- значительная дезорганизация хозяйственной деятельности предприятий и организаций влекла неначисление и неперечисление в союзный, республиканский и местный бюджеты платежей хозяйствующих органов, следствием было лавинообразное наращивание недоимки (в 1942 г. по отдельным районам города до 50% и выше);
- неплатежи по кредитам хозяйственных органов, отсутствие при предоставлении кредитов информации о количестве товароматериальных ценностей, реализация которых являлась возможной, образование у клиентов банков «замороженных» ценностей (сбить неплатежи в основном удавалось со второй половины 1942 г. путем получения плановых лимитов от правления Госбанка под сверхнормативные остатки товарно-материальных ценностей или путем финансирования наркоматами и главками);
- порожденная войной хаотическая ситуация в финансовой сфере влекла упрощение счетно-контрольных функций банков (в Ленинграде действовали конторы Госбанка, Промбанка, Торгбанка, Коммунального банка, Сельхозбанка, Гострудсберкассы), что создавало почву для уклонения хозорганов от выполнения обязательств по бюджетам.

Частично ситуацию с пополнением городского бюджета удалось изменить только в 1943 г., что было обеспечено:

- вмешательством финансовых органов в сферу труда и зарплаты в целях снижения себестоимости продукции, повлекшее сокращение фондов заработной платы в связи с пересмотром производственных норм. Это позволило несколько снизить объемы кредитования хозорганов и расходы городского бюджета.

- Выявление излишков оборотных средств, подлежащих изъятию в бюджет (например, только в 1 квартале 1943 г. было изъято 16,5 млн. руб. по жилищно-коммунальному хозяйству, 24,5 млн. руб. по торговле и промышленности, что стало основной причиной отказа от использования части дотации из госбюджета – примерно 1/4).

- Значительное расширение штатов инспекторов по налогам и государственным доходам в ГорФО и РайФО, а также в конторах банков.

Радикально изменить ситуацию не удавалось, поскольку параллельно вводились налоговые поступления для отдельных групп лиц (в частности, бойцы МПВО перестали выплачивать военный налог).

Стефаненко Александр Юрьевич

Трудовая реабилитация инвалидов войны и инвалидов труда. 1930-1950 гг.

В условиях индустриализации руководство СССР и ЦК ВКП(б) столкнулось с нехваткой и высокой текучестью кадров в промышленности. Однако власти официально отрицали наличие проблемы и подчеркивали окончательную победу над безработицей и вовлеченность всех слоев населения в производство. Тем не менее, возникла необходимость ликвидации кадрового голода, для чего правительство прибегало к различным методам мобилизации населения. В научной литературе значительное внимание уделено вовлечению в промышленное производство женщин, в то время как сюжеты о трудоустройстве инвалидов войны и инвалидов труда почти не получили подробного освещения. Как следствие, в историографии существует тезис о том, что вопросами трудовой реабилитации инвалидов стали заниматься только после завершения Великой Отечественной войны и массовой демобилизации из Советской армии. Вместе с тем, именно в Ленинграде еще в межвоенный период существовали различные научные и общественные организации, занимавшиеся вопросами трудоустройства инвалидов в промышленность.

В рамках выступления предполагается кратко осветить причины, по которым довоенные планы вовлечения инвалидов в государственную промышленность и кооперацию инвалидов не были полностью реализованы. Особое внимание будет обращено на проблему учета инвалидов и их трудоустройства в условиях Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда, когда массовое сокращение трудоспособного населения привело к необходимости привлечения в государственную промышленность всех жителей города, в том числе инвалидов I и II групп.

Толстикова Тимофей Юрьевич

Записи бесед А.Б. Чаковского с руководителями блокадного Ленинграда и Ленинградского фронта как исторический источник

Источники личного происхождения привлекают особое внимание исследователей обороны и блокады Ленинграда в течение нескольких десятилетий. Чаще всего историки анализируют эго-документы «рядовых жителей» осажденного города: служащих, рабочих, домохозяек, детей, представителей интеллигенции. Вместе с тем, дневники, письма и интервью руководителей блокадного Ленинграда на данный момент изучены фрагментарно. Во многом это связано с тем, что основные городские управленцы военного периода были репрессированы в ходе фабрикации «Ленинградского дела» и не смогли оставить воспоминаний.

В 1960–1970-е гг., в связи с популяризацией темы Великой Отечественной войны в художественной литературе, советские писатели обратились к бывшим руководителям с просьбой взять интервью. В частности, во время подготовки «Блокадной книги» Д.А. Гранин беседовал с заместителями председателя Ленгорисполкома И.А. Андреенком, Е.С. Лагуткиным, начальником Лензаготплодоовощторга С.А. Пржевальским. Стенограммы их бесед отложились в личном фонде Д.А. Гранина в Центральном

государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) и были выявлены и исследованы А.Н. Чистиковым.

Подробные интервью у блокадных руководителей брал и другой советский писатель – А.Б. Чаковский. Записи его бесед с управленцами также отложились в личном фонде автора в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и до настоящего момента не были известны исследователям. Благодаря своему высокому положению в писателей среде, статусу кандидата в члены ЦК КПСС и личной поддержке первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Г.В. Романова, А.Б. Чаковскому удалось взять 17 интервью с партийными, советскими и военными руководителями разного уровня. В частности, состоялись беседы с командующими Ленинградским фронтом М.С. Хозиным, И.И. Федюнинским, начальником инженерных войск фронта Б.В. Бычевским, наркомом Военно-морского флота Н.Г. Кузнецовым, секретарем обкома ВКП(б) Г.Х. Бумагиным, уполномоченным ГКО Д.В. Павловым, помощником А.А. Жданова А.Н. Кузнецовым, директором Кировского завода И.М. Зальцманом.

В докладе будут рассмотрены особенности записей этих бесед как источника, описана история их создания и использования писателем. Особое внимание будет уделено потенциалу дальнейшего изучения источника и возможности его публикации.

Ходяков Михаил Викторович

Московское совещание руководителей карточных бюро 1943 г. о системе нормированного снабжения населения продовольствием

В сентябре 1943 г. НКТ РСФСР совместно с НКТ СССР организовал и провел в Москве республиканское совещание, на котором обсуждались вопросы, посвященные опыту работы карточных бюро в условиях военного времени и нормированного снабжения населения. В работе совещания приняли участие свыше 40 руководителей карточных бюро страны. В повестке дня стояли вопросы организационного построения карточных бюро и мероприятия по улучшению их деятельности, а также предложения по упорядочению системы нормированного снабжения в целом. Стенограмма совещания, отложившаяся в ГАРФ, в фонде Наркомата торговли, представляет собой ценный источник для изучения принципов функционирования системы карточного снабжения в годы войны.

Деятельность городского карточного бюро Ленинграда, руководителем которого с мая 1942 г. являлся С. А. Трифонов, имела свои особенности. На совещании была охарактеризована структура, штаты, численный состав бюро. Трифоновым был поднят вопрос «о порядке и технике выдачи карточек» населению Ленинграда. Он обратил внимание на то, что в 1942 г. четкой и налаженной системы обеспечения населения карточками не существовало, заметив, что «нас здорово обманывали, карточки пропадали тысячами». Итогом проведенной реорганизации стало отстранение от выдачи карточек четырех тысяч управляющих домами.

Отдельное внимание в выступлении Трифонова было уделено изготовлению карточек. Доклады и отчеты военного прокурора г. Ленинграда наглядно свидетельствуют о том, что продовольственные карточки во второй половине 1941–1942 гг. являлись объектом противоправной деятельности. Значительное число проблем, существовавших в данной сфере, обозначил в своем выступлении председатель карточного бюро Ленинградской области Б. М. Орлов, работавший в системе торговли с начала 1930-х годов.

Вывод, который сделали руководители карточных бюро Ленинграда и области, свидетельствует о том, что до 1943 г. система учета карточек была организована неудовлетворительно.

Чистиков Александр Николаевич

Ленинградский трамвай в годы блокады и послеблокадное время

Накануне Великой Отечественной войны трамвай в Ленинграде занимал первое место среди всех видов городского общественного транспорта. Относительно широкая и развитая маршрутная сеть, дополняемая удачным расположением почти десятка трамвайных парков, делали трамвай сравнительно удобным способом передвижения для местных жителей и гостей в пределах города. Важную роль в транспортных перевозках в Ленинграде играл грузовой трамвай, обладавший отдельным парком.

Военные действия лета 1941 г. и последовавшая затем блокада Ленинграда до января 1944 г. резко изменили положение трамвая, выдвинули новые задачи, не характерные для мирного времени. Сокращение трамвайного движения, вызванное целым комплексом причин, закончилось зимой 1941 г. остановкой сначала пассажирского, а в начале января 1942 г. и грузового движения.

Критическая санитарная обстановка, сложившаяся в Ленинграде к началу весны 1942 г., потребовала возрождения прежде всего грузового трамвайного движения. Открытие пассажирского движения в городе 15 апреля того же года в условиях существенного сокращения населения города и небольшого количества восстановленных маршрутов носило поначалу не столько практический, сколько психологический характер.

Несмотря на постоянное увеличение числа пассажирских маршрутов в 1942-1943 гг. в Ленинграде большим вниманием пользовался грузовой трамвай, задействованный на очистке города от снега, мусора и нечистот, на перевозке дров и продовольствия, доставке почты, разнообразных грузов для действующих предприятий.

Специфический характер деятельности ленинградского трамвая в 1941 – начале 1944 гг. определялся положением Ленинграда как города-фронта.

Полное освобождение города от блокады в начале 1944 г. вновь изменило работу ленинградского трамвая. Прекращение обстрелов и бомбардировок способствовало более регулярному движению. Резэвакуация населения поставила на повестку дня проблему скорейшего восстановления довоенной маршрутной сети. Однако внутренняя миграция горожан в период блокады, постепенное и избирательное возвращение части предприятий, учреждений и организаций вносили изменения в традиционные направления трамвайных маршрутов.

Анализ заседаний Ленгорисполкома за 1944 год показывает, что отныне в первую очередь обращалось внимание на работу пассажирского трамвая, к тому же неизменно перевыполнившего план и приносящего доход в городскую казну. В рамках выполнения программы восстановления городского хозяйства местная власть требовала от трамвайщиков не только достижения плановых показателей, но и приведения в порядок внешнего и внутреннего вида вагонов, трамвайных (и троллейбусных) остановок, ремонта электрочасов, борьбы с трамвайными «висельниками» и т.п. Внешне эти требования выглядели элементами мирной жизни, однако война напоминала о себе, в частности, дефицитом материалов и квалифицированных кадров. Всё же можно утверждать, что в 1944 – начале 1945 гг. деятельность ленинградского трамвая характеризовалась постепенным возвращением к мирной жизни в условиях продолжающейся войны.

Отдел всеобщей истории

Гаврилов Александр Константинович

К античной предыстории термина кормление

Термин *кормление* не только описывает некоторые черты социально-имущественных отношений в Московской Руси. Засвидетельствованное с XIV в., выражение позволяет взглянуть в историческую реальность, пристально изучаемую русскими историками. Оно же порождает вопросы лингвистического свойства, как признавали зачинщики спора о языковой стороне этого выражения: Голохвастовы и возразивший им Ключевский. Позже к языковой стороне дела возвращался В. В.

Виноградов, А. А. Зимин и поныне здравствующие историки феодальной Руси. Надо признать, что наряду с сугубо научными в этой полемике с самого начала слышны нотки идеологического, а то и журналистского плана: что говорит о России и русской жизни в целом история этой группы слов, термина *кормление* в особенности.

Речь идет о соотношении «социально-экономического», достаточно хорошо представленного в источниках, но не всегда и не во всем отчетливого выражения *кормление*, с одной стороны, а с другой – о непосредственно связанных одно с другим словах, подразумевающих нечто различное, хотя лексическая основа того и другого в русском языке весьма созвучна. Ведь уже начальное рассмотрение показывает, что в основе таких лексем как *кормовые*, *кормить*, *кормилец* является сущ. м. р. *корм* (лат. *esca*, лекс. поле *nutrīge*); между тем как в другой группе, окрашенной церковнославянским - *цсл. кормчий, кормило (власти), окормление (паствы)* - в основе лежит сущ. ж. р. *корма* (лат. *puppis*), а значение указывает на употребление власти (*regere, gubernare*). Если *корм* указывает на удовлетворение животной потребности в еде, то образ корабельной *кормы* связан с восходящим к античности литературной образом государства как корабля. Порой между *кормить* и *окормлять* возникали сближения даже и забавные. Подобные и тоже имеющие свою специфику пары в русском, как и в других языках встречаются время от времени (ср. ‘брак’ *matrimonium* и ‘брак’ *vitium*; ‘бразды правления’ – вожжи или борозды?; ‘брожение умов’ то ли с полисемией, то ли омонимией глагола ‘бродить’ и т. п.) – феноменология весьма разнообразна.

Труднее оказывается вопрос о том, как эта ситуация отразилась в термине *кормление* с его важным для историков производным *кормленщик*. Этому и будет посвящено рассмотрение докладчика, в котором до какой-то степени помогают сопоставления с языками Европы, начиная с древне- и среднегреческого. Так разбирается источник слав. слова *кормчий* (греч. *πρῦμνῆ*, откуда *πρῦμνῆτης*); многозначное греч. *κυβερνήτης* / ср. лат. *gubernator*: первично у греков ‘управляющий кораблем’ с последующим обобщением мотива власти в значении слова. Любопытно и влияние также распространенного в древности образа *кормила* (напр., в речении, из которого произошло русское ‘*кормило власти*’), связанное также с греч. *οἴαξ* (лат. *gubernaculum*); любопытно в связи с этим - будь то, как деталь корабля или как название греческих юридических сборников - название *Πηδάλιον* (кормило, руль), получившее у нас имя *Кормчих книг*.

Менее надежна реконструкция того, как сложились эти два оказавшиеся *фонетически* столь близкими гнезда и как (по времени и по смыслу) проходило существование одного на фоне другого. Несомненно, что и социальная действительность, и автономные силы языка имели воздействие и на этот казус – спорящие стороны могли бы согласиться на этом, сохраняя часть своих наблюдений и толкований.

Герд Лора Александровна

Русские церковные предметы в Болгарии XIX в.

Благотворительность или политика?

Существует обширная библиография о русско-болгарских культурных, связях в XIX веке и о роли русских славянофилов, славянских комитетов и правительства в деле просвещения болгарского народа и подготовке к освобождению от османского ига. Эту библиографию можно разделить на два неравных по объему пласта. Российские и болгарские работы в целом следуют тенденции, заложенной публицистикой XIX в.; в них подчеркивается традиционная общность двух народов и роль России как покровительницы единоверных и единокровных братьев. Марксистский подход лишь незначительно отредактировал эту тенденцию, представив церковно-национальную борьбу как часть революционной борьбы. Вторая традиция в историографии представлена в основном западными исследованиями, в которых русская политика на Балканах рассматривается в русле соревнования великих держав в восточном вопросе; здесь явный перевес в сторону прагматической составляющей в ущерб гуманитарной.

Между тем, до сих пор недостаточно изученным остался тот поток пожертвований, который шел в XIX в. из России на Балканы в целом, и в болгарские земли в частности. Архив Св. Синода (фонды 796 и 797 РГИА) дают обширный материал для анализа этого явления. Сопоставление статистического материала списков пожертвований с аналогичными дарениями в пользу церквей Западных Балкан и греческих земель, а также сопроводительные и аналитические записки и нарративные источники дают возможность по-новому оценить этот ресурс в русской политике. Изучению подлежат: во-первых, происхождение пожертвований: это средства из государственных источников (различных капиталов Св. Синода, в том числе оставленных по завещаниям), пожертвования частных лиц (членов императорской семьи, высшего дворянства, и архиереев); средства, собранные монастырями; средства, собранные славянскими комитетами и Одесским болгарским настоятельством. Во-вторых, состав пожертвований: деньги, книги, церковная утварь и облачения, иконы. Здесь несколько интересных аспектов: «война книг» между потоком русских изданий для церквей и школ с одной стороны и кириллических изданий австрийской или константинопольской печати — с другой; ценность и состояние церковных предметов (новые, ветхие, материал изготовления). Специальный интерес представляют предметы, сохранившиеся до сих пор в музеях и ризницах. В-третьих, доставление и распределение денег, книг и предметов на месте. Деньги переводились банковским путем через дипломатических представителей; их распределение и контроль за расходованием предоставлялся дипломатам, что не всегда строго выполнялось. Отдельное поле для исследования представляют мотивы оказания помощи: из многочисленных прошений о ее оказании предпочтение оказывалось тем монастырям и церквям, которые имели славянскую школу, а их игумены проявляли симпатию к России. Первое место здесь занимали Афонский Зографский и Рильский монастыри. Комплексное исследование этих материалов дает, во-первых, множество ранее не известных фактов и деталей, и, во-вторых, позволяет сделать новые выводы о методах русской политики на Балканах в XIX в.

Исаев Сергей Александрович

Джон Мильтон как консервативный политический мыслитель

1. Великого поэта Джона Мильтона (1608 – 1674) и английские, и отечественные историки обычно характеризовали как идеолога индипендентской республики. В 1649 г. он был назначен на должность латинского секретаря Англии. В день казни короля Карла I (30 января 1649 г.) на книжном рынке Лондона появилось сочинение под названием *Eikon basilike* (Образ Короля) – согласно утверждению издателя, это была предсмертная исповедь короля. Мильтону почти сразу же было поручено написать ответ на неё. Сочинение под названием *Eikonoklastes* (Разрушитель Образа) было издано в конце 1649 г.
2. Задача Мильтона состояла в том, чтобы опровергнуть апологетические утверждения короля и обосновать его казнь не только перед англичанами, но и перед властями стран Европы. Поскольку это были преимущественно монархические власти, Мильтон нигде в своём трактате не заявляет о предпочтительности республиканского устройства. Монархию он описывает как вполне приемлемый для Англии политический строй (гл. 11). Однако, согласно версии Мильтона, идеальным монархом был только Эдуард Исповедник. Все прочие своими действиями нарушали границы должных полномочий монарха.
3. Парламент Мильтон изображает ключевым органом правильной английской монархии. В парламенте всегда собраны лучшие законодатели и защитники интересов английского народа. Король обязан сотрудничать с парламентом и заседать в парламенте. Король - носитель только исполнительной власти, без права вето на законы (гл. 6). Карл I, по версии Мильтона, был казнён за то, что

- преступно пренебрегал своими обязанностями, а свои полномочия использовал во вред стране и народу.
4. Мильтон считал, что как король, так и парламент обязаны следовать нормам Божьего закона, как они сформулированы в Библии. Сторонников короля он изображает бунтовщиками против Бога или Божьего закона. Мильтон признавал, что формулировать нормы закона, по которому должны жить христиане, и толковать их вправе и должна христианская церковь. Но на вопрос: какая именно из существующих? – Мильтон ответа не даёт. Он категорически враждебен католикам и жёстко критикует англиканское епископальное устройство. Но в ситуации, сложившейся после того, как кромвелевские сектанты – индипенденты - отстранили от власти пресвитериан (1648 – 1649), Мильтон не решается прямо объявить победителей эталонными блюстителями нравственных норм, тем более что все реформаты Европы сочувствовали пресвитерианам. Он ограничивается заявлениями, что «истинная церковь» - протестантская и что её реформирование следует продолжить, тогда как казнённый король противился этому. Борьбу двух кальвинистских течений – пресвитериан и индипендентов - Мильтон уподоблял борьбе Исав и Иакова - сыновей библейского Авраама в кн. Бытия 25 – 27: Иаков у него индипендент, Исав – пресвитерианин. Кто-то из них – но ни в коем случае не кто-то третий - прав, а именно – тот, кто победит (гл. 9 и 17). Мильтон откровенно «болел» за индипендентов.
 5. Преобладание консервативных тенденций в «Разрушителе образа» проявляется также в многочисленных моралистических суждениях, в основании которых лежит вовсе не революционная, а вполне традиционная мораль. В частности, упоминая о том, как шотландцы продали пленного Карла I англичанам, Мильтон заявляет, что это «навлекает на них такую скверну позора и бесчестия, что выступить в защиту их не сможет никто, кроме них самих» (гл. 23) – хотя расправа с королём стала возможна только после этого события. Ссылки защитников королевской власти на древние законы Мильтон парирует ссылками на ещё более древние законы: чем закон древнее, тем его авторитет, в глазах Мильтона, выше (гл. 28).
 6. Если сопоставить позиции Мильтона с позициями эталонного английского консервативного мыслителя XVIII в. – Эдмунда Бёрка – то сходства окажется значительно больше, чем различий. Представление о Мильтоне как радикале обманчиво.

Искюль Сергей Николаевич

Фридрих Великий. Штрихи к портрету: то, что редко использовалось в отечественной историографии

В сообщении речь идет о весьма своеобразном и многообразном источнике, который характеризует личность короля с тех пор, как он пришел к власти в 1740 г. вплоть до тех дней, когда старость и немощи не позволили ему далее заниматься делами (1786 г.). Речь идет о пометах и резолюциях на полях представлявшихся королю Прусскому докладов, прошений, кассации приговоров и частных писем не только чинов прусской администрации, но и представителей едва ли не всех сословий населения страны и всех родов занятий.

Практически все до единой пометы на полях, эти следы деятельности великого короля, сохранились в прусских архивах, и германским историкам разных времен и исторических школ не стоило особого труда их выявить и опубликовать, сопроводив своими комментариями. Все это представляет немалую ценность, если иметь в виду личность прусского монарха, его исключительную образованность и обширные познания, а также немалый вклад в развитие изящной словесности и искусств, включая и музыку. Но в маргиналиях, разного рода примечаниях и в резолюциях король предстает, прежде всего, как властитель над своими

подданными и тот, кто брал на себя труд ежедневно знакомиться с тем, что было представлено на его суд.

В своих резолюциях, иногда сопровождавшихся язвительными рисунками, он с сожалением оставляет французский язык, который знал с детства, в стороне и выражает свои мысли по-немецки, на языке, на котором ему приходилось говорить только с солдатами и народом. Это ему удавалось, каждый раз выражая свою мысль напрямую и назидательно, где без всяких стеснений он накладывал свои «окончательные и неукоснительные» решения. При этом резкость суждений в окончательных резолюциях соседствовала с толикой королевского юмора, который всегда снижал первоначальное впечатление, если решение было не в пользу докладчика или простого соискателя королевских милостей.

Сообщение иллюстрируется отдельными случаями-примерами подобных помет-резолюций на представлениях прусской администрации и прошениях подданных.

Калюта Анастасия Валерьевна

Религиозные верования науа (ацтеков) Центральной Мексики: от древности до современности

В настоящее время темой моих исследований являются религиозные верования и ритуальные практики науа (ацтеков) от эпохи накануне испанского завоевания (конца XV-первой четверти XVI в. до новейшего времени). В ходе изучения и анализа письменных источников были выявлены следующие характеристики, свойственные религиозным верованиям этой крупнейшей этнолингвистической общности Мезоамерики.

1. Анимистическое восприятие окружающего мира, в котором каждый предмет, даже самый незначительный рассматривается как наделенной собственной жизненной сущностью и потому являющийся самостоятельным актором. В отличие от христианского мировоззрения люди в мировоззрении науа не являются созданиями первостепенной значимости, созданными по божественному образу и подобию и поставленными Творцом над всеми остальными живыми существами, а лишь одними из многочисленных акторов, чье существование в купе со всеми остальными обязаны поддерживать гармоничное существование Вселенной, находясь в реципрокных отношениях с каждым из ее обитателей, включая богов.

2. Как показывают письменные источники даже в краткий период существования Тройственного Союза, так называемой «ацтекской империи» нельзя говорить ни о единой религии и едином пантеоне науа, равно как о единой мифологии науа, а лишь о комплексе общих мифологических мотивов, распространенных среди данной этнолингвистической общности. Причем большинство этих мифологических мотивов, по данным археологии возникли еще среди первых земледельцев Мезоамерики, имеют чисто мезоамериканское происхождение и были восприняты науа уже после их переселения из полупустынь Северной и Северо-Западной Мексики на территорию Мезоамерики и перехода к жизни оседлых земледельцев. Таковы, например, мотивы циклической гибели и возрождения мира, мотив сотворения мира из первосущества (Сипактли или Тлальтекутли), мотив происхождения людей из-под земли и мотив четырехлетнего путешествия в загробном мире после смерти.

3. В плане стадияльного развития мифология науа сохранила немало архаичных черт, характерных для догосударственной стадии развития. Таково, например, представление об одновременной множестве и единстве богов, хорошо прослеживаемый на пример сосуществования бога дождя, грозы и молнии Тлалока и множества духов дождя, грозы и молнии, также именуемых тлалоками. Столь же архаичный характер имеет и широко распространенное не только среди науа, но и других народов Мезоамерики представление о существовании у каждого человека животного двойника нагуаля, который очень часто сливается с понятием тоналли — жизненной сущности человека,

определяющей его судьбу и физическую энергию и способной покидать тело человека во время сновидений.

4. Испанское завоевание, сопровождавшееся насильственным обращением наса в христианство, не привело к исчезновению прежних верований наса, а лишь к их частичной модификации под влиянием западной ветви христианства и формированию религиозного синкретизма. Большинство персонажей христианского пантеона, включая Христа и Деву Марию были отождествлены и практически слились с ключевыми персонажами дохристианских верований. Это слияние особенно заметно в культе Девы Марии Гваделупской, «смуглой мадонны» превратившейся в главное божество наса и часто именуемое наса Тонанцин — «наша почтенная мать».

Касатов Андрей Александрович

Англо-французские матримониальные отношения XIII в. в свете неизвестного документа из Архива СПбИИ РАН

Данная работа будет посвящена одному документу из английской коллекции собрания Н. П. Лихачева. Документ был составлен в Сансе в 1251 или 1252 гг. В самом документе стоит первая дата. Документ представляет собой запись судебного решения, вынесенного назначенными папой Иннокентием IV иерархами английской церкви, а именно, епископом Херефорда Петром д'Эгебланшем (de Aigueblanche ум. 1268) и архиепископом Йорка Вальтером де Греем (de Gray, ум. 1255) о признании брака между английским королем Генрихом III (1216-1272) и графиней Понтье и Омаля Жанной (Иоанной) де Даммартен (1220-1279), ставшей в 1237 г. королевой Кастилии (в браке с Фердинандом III (1217-1252)) недействительным.

В ходе исследования проводилось сравнение нашего документа с несколькими аналогичными. Один исследован Д. Л. Девре и ныне хранится в Британской библиотеке (MS British Library Cotton Cleopatra E.1, fos 194v–195r Assisi 1254, 20 мая), второй был издан дважды в 1908 г. и 2009 в серии «Акты епископов. Херефорд. 1234-1275».

Можно предположить, что документ из Санса так и остался во Франции, откуда, почти наверняка, попал к Н. П. Лихачеву. Сравнение всех трех текстов ранее не проводилось, поскольку экземпляр из Архива СПбИИ РАН не попал в поле зрения историков, что представляется важным в свете места, занимаемого именно нашим документом среди аналогичных. Рискнем предположить, что именно он лег в основу всех последующих.

При сопоставлении текста из Херефорда с нашим можно с уверенностью говорить о разночтениях. Так, отдельные слова отсутствуют или переставлены местами в грамоте из Херефорда по сравнению с грамотой из Санса: cum (3 строка), Castelle, т. е. Кастильская, применительно к Жанне (5 строка), dominus при обращении к епископу Петру (8 строка), также опущено имя Жанны (24 строка) и т. п. Такое легче представить, если предположить, что грамота епископа Херефорда была копией с нашей грамоты, которую он попросил сделать для себя и забрал в Англию.

Текст из Британской библиотеки не представляет собой отдельный документ, но включен в более развернутый текст, созданный в Ассизи в 1254 при папском дворе. Сравнение обоих текстов дает веские основания полагать, что, за редчайшими незначительными расхождениями (например, Pont и Pontin для Понтье или Helionora и Helyenora для Элеоноры Прованской, также буквы c и t время от времени меняются местами в словах presentia, contumacia и т. п.) именно наш документ мог быть положен в основу этого более позднего текста.

Крылов Павел Валентинович

Исполнительный лист процесса по делу о защите чести – неопубликованный документ о социальной истории Испании конца XVI в. из коллекции Н.П. Лихачёва

Манускрипт из коллекции 13 Западно-европейской секции архива СПБНИИ РАН (картон 291, ед.хр.1) ранее считался дворянской грамотой, выданной Франсиске де Алкала в царствование короля Филиппа IV. При детальном изучении манускрипта обнаружилось, что он представляет собой исполнительный лист (*Carta Executoria*), составленный в ходе кассационного процесса, состоявшегося в поздние годы царствования Филиппа II (1556 - 1598) 1 февраля 1586 г. Предметом разбирательства стало решение королевского суда низшей инстанции по защите чести против Франсиски Гонсалес, оглашённое в Гранаде в 20 декабря 1583 года. Стороной обвинения выступила её соседка, вышеупомянутая Франсиска де Алкала, которая, по её словам стала объектом клеветы в отношении чистоты её крови. Понятие «чистоты крови», *la limpieza de sangre*, имело в Испании XVI в. важное социальное значение. Наличие евреев, мавров или лиц, привлекавшихся к суду Святой Инквизиции, среди предков закрывало человеку доступ к муниципальным должностям в целом ряде городов Испании, а также делало невозможным вступление в большинство духовных орденов, что делает понятным очень серьёзное отношение стороны Франсиски де Алкала к факту клеветы. К процессу были привлечены 23 свидетеля, 13 мужчин и 10 женщин, в возрасте от 40 до 80 лет, представляющие различные слои населения города Санта-Фе, которым были предложены 8 опросных пунктов относившихся к личности самих свидетелей, к их отношениям к сторонам процесса, к тому, что им известно о родителях Франсиски де Алкала, чистота крови которых была поставлена под сомнение высказываниями обвиняемой. Имена привлечённых свидетелей и основное содержание их ответов зафиксированы в исполнительном листе общим объёмом в 38 листов 320 x 210 мм в кожаном переплёте с шёлковым шнурком для печати (печать отсутствует), который таким образом является официальным документом, подтверждающим правомерность вынесенного решения в отношении Франсиски Гонсалес, приговорённой к годичному изгнанию из Гранады и штрафу в шесть тысяч мараведи, так называемым *Instrumentum sententiae*, предназначенном для сохранения памяти о вынесенном приговоре. Введение в научный оборот рукописи исполнительного листа по частному делу, не предполагавшему большого резонанса и политических последствий, наглядным образом демонстрирует действие механизма органов королевской юстиции в Испании Раннего Нового времени, а также представляет социальный срез небольшого города в относительно недавно присоединённой к христианским владениям территории Гранадского эмирата.

Мажуга Владимир Иванович

О глоссах в средневековых юридических рукописях и их письме

Начиная с XII в. мы наблюдаем последовательную работу юристов над систематизацией аппарата юридических рукописей. Была разработана строгая иерархия глосс, к настоящему времени уже неплохо изученная, но решительное умножение глосс трудами многих ученых юристов и обнаружение все новых противоречий между глоссами стали причиной появления уже к началу второй трети XIII в. авторских сводов глосс, вобравших в себя многие десятки тысяч строго отобранных глосс, так что в дальнейшем можно было ссылаться уже на эти общие своды и прежде всего на свод болонского юриста Аккурсия. Новые развернутые комментарии отдельных частей Корпуса Юстиниана или сводов церковного права стали, к тому же, переписываться как самостоятельные тексты с краткими ссылками на комментируемые памятники права.

Но едва освободившиеся в результате таких нововведений поля юридических рукописей вновь наполнялись глоссами, которые уже не были подчинены прежней системе, но все же и они были организованы, пусть и по-новому и с долей индивидуального изобретательства. Так, например, многочисленные краткие глоссы в форме простого вопроса, начинающегося вопросительной частицей *An*, как правило, выражали тот общий вопрос, за которым в комментируемом тексте следовала пространная часть, именуемая *distinctio*, с разбором содержательных и формальных элементов высказывания, где особую роль играл прием противопоставления. Такие глоссы никогда

не отмечались специальным знаком. Могли выделяться рисунком, с которым они составляли единой целое, или особой рамкой глоссы, которыми их авторы вводили дополнительные вопросы и дефиниции, например, с помощью выражения *Quid si* («А что если...»). Там же, где глоссы лишь дополняли мысль автора основного текста и оказывались привязаны к строго определенному понятию или ряду примеров, в основном тексте и возле глоссы применялся особый знак. Так, в хранящемся в архиве СПбИИ РАН кодексе XIV в. с комментарием Бартоло да Сассоферрато к последним двенадцати книгам Дигест, примерно с середины этого кодекса, главный глоссатор начинает вводить на полях текст лакун с помощью сочетания штриха и точек, но таким же знаком он вводит иногда и собственные дополнения к тексту автора. Однако же в решительном большинстве случаев для глосс, дополняющих мысль автора, он применяет знаки другого рода, а именно знаки, состоящие из сочетания штриха с одним или двумя кружками. В рукописи систематически применяются и иные формы знаков

При всей их простоте, такие формальные отличия глосс позволяют провести типологический разбор глосс по их содержанию. Результаты этого разбора интересны сами по себе, но они оказываются и важным подспорьем для палеографического изучения рукописи. В отличие от работы переписчиков основного текста, которые обеспечивали себе подходящие условия работы и готовили для себя перо по правилам, глоссаторы часто делали записи в неудобном положении и любым инструментом письма, который у них оказывался под рукой. По этой причине характер письма у них мог решительно меняться, так что бывает трудно поверить, что записи сделаны одним и тем же человеком. Подбор примеров однотипных глосс позволяет увидеть сходные образы одних и тех же слов в ряде примеров, а тем самым увидеть индивидуальную манеру там, где иные критерии для атрибуции письма определенному писцу отсутствуют.

Один из переписчиков названного кодекса, и он же позднейший его владелец, автор большинства глосс и, как удалось установить, множества рисунков, был мастером графической стилизации. Основной текст он переписал так называемым нотариальным курсивом с петлями на верхних выносных элементах. Но, следуя традиции, для ученых глосс – а со временем, как свидетельствуют сами глоссы, наш писец стал признанным юристом – он старался применять письмо без петель в роде книжной ротунды, и именно здесь он проявил свои стилизаторские способности. Среди характерных для него стилей можно выделить тип, условно говоря, гравированного письма, тип легкого беглого письма, упорядоченного каллиграфического письма. Но рядом с этими типами можно выделить еще и тип тяжелого письма удлиненных форм, а еще и тип «витых форм». Принадлежность письма двух последних типов все тому же писцу удалось установить путем сопоставления письма глосс определенных тематических типов.

Таценко Тамара Николаевна

Письма герцога Вильгельма V Баварского (1548–1626) к Минуччио Минуччи, собственному агенту при Римской курии

В Западноевропейской секции архива СПбИИ РАН хранятся около 60 подлинных писем Вильгельма V, герцога Баварского к Минуччио Минуччи, тайному советнику и агенту герцога при папском престоле (колл. 25, карт. 416, №№ 12–65, карт. 417, №№ 1–12). Они обнимают период с 1588 по 1595 г. и представляют собой единый, законченный комплекс – случай исключительный для германских документов ЗЕС, где документы носят разрозненный характер.

Вильгельм V из династии Виттельсбахов был ведущим князем католических сил Германии в эпоху конфессионализации, когда все военные и политические конфликты носили конфессиональный характер, отражали противоречия между католиками и протестантами. Его корреспондентом был итальянец Минуччио Минуччи (*Minuccio Minucci / Minutius de Minutii*), 1551–1604, происходивший из патрицианского рода небольшого города Serravalle в Пьемонте. Минуччи учился в Падуанском университете,

где получил степень доктора обоих прав (канонического и гражданского), а затем служил при Папской курии, последовательно поднимаясь по служебной лестнице: секретарь, апостольский протонотарий, секретарь в Congregatio Germanica, ведавшей делами Католической церкви в Германии, гос. секретарь Римской курии. При этом, с 1584 г. Минуччи являлся тайным советником Вильгельма V, а с 1587 г. – агентом герцога Баварского при Папском престоле.

Рассматриваемые письма написаны на латинском языке, прекрасным канцелярским гуманистическим курсивом, декоративный эффект которому придают каплевидные утолщения верхних, а зачастую и нижних выносных. Все письма имеют подлинную подпись Вильгельма V и оттиски малой герцогской печати, скреплявшей письмо. Язык писем – гуманистическая латынь – богатый и сложный еще и потому, что стиль выражения мыслей обтекаемый и образный: ничто не выражается прямо, например, имена, как правило, не называются, но скрыты под определенными обозначениями, например, папа Сикст V – Montaltus, епископ Юлий Вюрцбургский – Herbiopolensis, архиепископ Кёльнский – frater elector, archiducissa – сестра Мария Анна, вдова эрцгерцога Карла II Габсбурга и т.д.

По содержанию письма дают представление об активной контрреформационной политике Вильгельма V в Германии в духе решений Тридентского собора. Обновление и укрепление церкви должно происходить путем постановки дела образования как для будущих священников, так и мирян. Еще отец Вильгельма V, герцог Альбрехт V, с этой целью в свои владения иезуитов. Ими был воспитан и герцог Вильгельм. В ряде писем речь идет о получении помощи для создания иезуитских школ и коллегиумов в городах, где было большое лютеранское население, например, в Регенсбурге и Фульде. Для успеха дела приходилось преодолевать сильные препятствия местных городских властей, чтобы приобрести помещения закрывшихся монастырей и получить разрешение на приезд иезуитов (416/16, 416/18, 416/31). Герцог Баварский хлопотал через своего агента в Риме о продвижении наиболее активных в этом деле служителей церкви, например, просил Минуччи посодействовать в получении кардинальской шапки епископом Юлием Вюрцбургским (416/32).

Продвижение контрреформации было связано для баварского герцога с расширением власти собственной династии Виттельсбахов в Германских землях. Так, с его участием, в том числе военным, в 1583 г. удалось сделать брата Эрнста архиепископом Кёльнским. Кроме того, герцог Вильгельм боролся за то, чтобы зарезервировать за своими младшими сыновьями в будущем сан епископа, и помощь Рима здесь была очень важна. В письме 1588 г. (416/17) он поручает Минуччи содействовать поддержке Рима в том, чтобы его сын, принц Фердинанд, которому в ту пору было только 13 лет, получил каноникат в епископстве Пассау.

Наконец, в сфере интересов Вильгельма V была и контрреформационная политика в европейском масштабе. Так он пристально наблюдал за событиями религиозных войн во Франции. На рубеже 1580-ых и 1590-ых годов это была борьба Генриха Наварского, главы французских гугенотов, против католических сил Франции, поддерживавшихся Габсбургами и папством. В нескольких письмах Вильгельм Баварский сообщает в Рим сведения о вербовке в Германии наемников и посылке их в помощь «Наварцу», отмечая при этом зверства воюющих сторон и страдания от них мирного населения в области конфликта (416/23, 416/26, 416/35).

Шишкин Владимир Владимирович

**Автографы французских королей XV – XVI вв.
из коллекции Н. П. Лихачева**

В настоящее время осуществляется процесс описания и каталогизации французских автографов коллекции Н. П. Лихачева, и по предварительным подсчетам, речь идет не менее чем о двух тысячах единиц хранения только периода раннего Нового

времени (с конца XV в.), которые по большей части неизвестны сообществу исследователей и не введены в научный оборот. Дамские автографы этой части французского собрания, несомненно, представляют интерес не только с точки зрения памятников письменности, но равно как своей содержательной составляющей. Предварительные итоги двухлетней каталогизации позволили выявить более тридцати документов, составленных и подписанных коронованными или знатными дамами. Хронологический разброс – 1499 – 1693 гг.

Прежде всего, речь идет об автографах младших венценосцев – иностранных по происхождению королей Франции, Анны Бретонской, Екатерины Медичи, Луизы Лотарингской, Марии Медичи, Анны Австрийской и Марии-Терезы Австрийской, – пяти актах с их подписями, пяти официальных письмах и трех письмах личного содержания. Обзор этих документов, прежде неизвестных историческому сообществу, позволяет представить себе границы властных и публичных возможностей женщин, облеченных властью и соучаствующих прямо или косвенно в управлении королевскими делами.

Разнообразие документов – феодальная присяга женщины женщине, распоряжения при распределении должностей в штате своего двора и иных бенефиций, примирительные письма иностранным монархам и французским политическим адресатам, позволяет пересмотреть традиционные представления о женщинах-политиках во Франции эпохи королевских лилий, которые «не могут прятаться». В коллекции Н. П. Лихачева не было случайных или незначительных документов: ученый-историк старался приобретать непохожие друг на друга, уникальные по формуляру и содержанию документы.

Актовый материал французских королей полностью отражает это разнообразие: документы были выполнены на пергамене, написаны канцелярскими служащими (грефье – писарями), заверены секретарями государынь, и скреплены печатями (по большей части не сохранились).

Частные или личные письма французских королей, написанные собственноручно в их кабинете, без регистрации в канцелярии и заверочных подписей государственных и кабинетных секретарей, но как правило верифицированные собственными малыми печатями, практически все – политические по содержанию, и при этом нацеленные на решение более деликатных вопросов, не требующих огласки. Например, Екатерина Медичи в своем письме от 28 октября 1551 г. к Козимо I Медичи, великому герцогу Тосканскому, делясь по-родственному своей радостью по поводу рождения сына, будущего Генриха III, весьма сожалеет о разрыве великого герцога с Францией и принятии им стороны императора, равно как о недавнем отъезде флорентийского посла в связи с этим. Письмо явно имеет целью смягчить политический накал, и оставить открытой дверь для переговоров. Вместе с тем вряд ли письмо такой важности Екатерина, в тот момент царствующая королева Франции, написала без ведома мужа, Генриха II.

Коронованные и знатные женщины эпохи раннего Нового времени, вовлеченные в силу рождения или иных обстоятельств во французскую политическую и придворную жизнь, активно перенимали у мужчин их практику организации и управления общественными процессами. Судя, по нашим документам, эта тенденция только нарастала.

Научно-исторический архив и группа источниковедения

Базарова Татьяна Анатольевна

Санкт-Петербург петровского времени и водная стихия

Начало освоения водных путей в Приневье связано с военными действиями в первые годы Северной войны, когда командованию требовалось наладить перевозку людей и грузов из центральной России к местам дислокации полков русской армии. Важную информацию получали от местных жителей, прежде всего от торговцев и купцов,

в мирное время возивших товары по Неве к шведскому Ниеншанцу. В Приладожье были основаны судостроительные верфи, где иностранные мастера сооружали первые суда Балтийского флота. Затем судостроительные и судоремонтные верфи появились в невской дельте и на Котлине.

Освоение водных путей включало не только замеры глубин рек и фарватеров, но и наблюдение за погодой. Сведения о способах получения, «механизме» передачи, обобщения и использования знаний о природно-климатических особенностях Приневья сохранились в донесениях комендантов крепостей петербургскому (ингерманландскому) губернатору А.Д. Меншикову, отложившихся в собраниях РГАДА и Архива СПбИИ РАН. Анализ донесений шлиссельбургского (а с 1710 г. — котлинского) коменданту В.И. Порошина ингерманландскому губернатору позволил установить, что в обязанности коменданта крепостей, расположенных в истоке Невы и в Финском заливе, входило не только обеспечение безопасного прохода судов в Неву, но и незамедлительное информирование губернатора А.Д. Меншикова и петербургского обер-коменданта Р.В. Брюса об изменении погодных условий на Ладожском озере и в Финском заливе близ крепости Кроншлот.

Санкт-Петербург возводился одновременно на нескольких островах в дельте Невы, через которую в петровское время не было построено мостов. Использовать Неву для судоходства можно было всего в течение полугода. Информация о начале ледохода и ледостава была жизненно необходимой. В Санкт-Петербурге власти установили систему оповещения жителей о начале замерзания и вскрытия реки.

Ежегодные подъемы уровня воды в Неве могли переходить в наводнения. Строители города впервые столкнулись с этим стихийным бедствием 30 августа 1703 г. Петр I стал свидетелем одного из них только в 1706 г. В петровское время слово «наводнение» не использовалось. В источниках для обозначения этого стихийного бедствия (как и раньше) употреблялись — «великая погода», «великая морская погода», «жестокая погода с моря» или «великая вода».

В первые годы строительства Санкт-Петербурга царь не видел в подъемах воды угрозы новому городу. Однако после наводнений, нанесших повреждения крепостным укреплениям и флоту, проблеме минимизации ущерба и поддержанию порядка во время этих стихийных бедствий государь и местная администрация стали уделяли внимание. Особую роль сыграло наводнение 1721 г., которое историки называют «катастрофическим». Жителей о подъеме воды оповещали колоколами и барабанным боем. Указы и распоряжения предписывали порядок действий во время значительных подъемов воды. Угроза наводнений повлияла и на архитектуру Санкт-Петербурга (ряд распоряжений генерал-полициймейстера А.М. Дивьера предписывал строить дома на высоких погребках).

Басов Иван Михайлович

ПРИВИЛЕЙ ЦЕХУ ДУБЕНСКИХ ТКАЧЕЙ 1679 г. В АРХИВЕ СПбИИ РАН

В «польской» части собрания Н. П. Лихачёва содержится несколько грамот XVII в., выданных польскими королями и сановниками, и обособленных в отдельную коллекцию Западноевропейской секции Архива СПбИИ РАН (Колл. 30. Карт. 475). Особого внимания заслуживает одна грамота, незаслуженно обойденная исследователями, но являющаяся ценным историческим источником — грамота цеху ткачей волынского города Дубно от 17 ноября 1679 г. (Д. 6). Дубно был крупным частным городом (около 7 тыс. жителей по подушному реестру 1650 г.²¹), входившим в Острожскую ординацию, в 1673-1682 гг. принадлежавшую одному из крупнейших магнатов Речи Посполитой — князю Дмитрию Ежи Вишневецкому, выдавшему изучаемую грамоту. С начала XVI в. город пользовался

²¹ Компан О. С. Міста України в другій половині XVII ст. Київ, 1963. С. 77.

магдебургским правом; также он был важным региональным центром торговли и ремесленного производства.

Грамота 1679 г. уникальна. В российских архивных собраниях практически не встречаются привилегии ремесленникам городов Польского королевства; подобные документы редки в целом. Акты, касающиеся устройства ремесленных объединений Правобережья в Раннее Новое время, известны в небольшом количестве, и только на материале нескольких крупнейших городов региона (к коим Дубно не относится)²². В то же время цеховая организация была универсальной формой ремесленного объединения для городов на магдебургском праве, и количество цехов в городах Речи Посполитой было кратно большим, чем можно было бы судить исключительно по привилегиям и статутам. Чаще всего по косвенным данным известно лишь о факте существования в городе ремесленного цеха: так, во 2-й пол. XVII в. в Дубно кроме ткацкого цеха фиксируются кузнецкий, сапожный, портной и ювелирный²³, однако ни один из них не известен по правоустанавливающему документу. Хранящийся в Архиве СПбИИ РАН привилегий позволяет немного прояснить “туман истории” и точно датировать время возникновения в г. Дубно ткацкого цеха.

Привилегий, утверждающий не только факт организации ремесленного сообщества, но и ряд статей его устава (в части внешних связей цеха с муниципальными и церковными властями), является также источником сведений об правовом устройстве конкретного сообщества. Положения привилегии определяли юрисдикцию цеха в правовом поле частновладельческого города в вопросах наследования собственности, наказания мастеров и подмастерьев и обязанностей по благоустройству, церковному служению и обороне города. Последнее, в частности, позволяет установить численность цеховых мастеров, поскольку привилегией 1679 г. накладывал на цех обязанность хранения определенного количества комплектов оружия, которое в практике цеховой организации предназначалось для оснащения мастеров для обороны города²⁴.

Список литературы

1. Заяць А. Організаційні засади функціонування цехового ремесла в містах Правобережної України в XVI — першій половині XVII ст. // Ефективність державного управління. 2002. № 1–2. С. 99–104.
2. Компан О. С. Міста України в другій половині XVII ст. Київ: АН УРСР, 1963. 388 с.
3. Штанько О. Луцькі ремісничі цехи-корпорації в середині XVII ст. // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. 2016. № 13. С. 10–17.
4. Bilous N. Testamenty mieszkańców miast Wołynia od końca XVI — do początku XVIII wieku. Katalog. Warszawa: Semper, 2017. 134 s.
5. Borkowski R. Cechy rzemieślnicze w Glogowie Malopolskim // Male miasta. Kultura materialna / red. M. Zemło. Białystok — Pilzno — Supraśl: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2022. P. 361–390.

Бехтер Анастасия Петровна

Архаический алфавит из Ольвии

Продолжая знакомить научную общественность с материалами из раскопок Е.И. Леви и А.Н. Карасева, в свое время переданными для работы Ю.Г. Виноградову, которые,

²² Штанько О. Луцькі ремісничі цехи-корпорації в середині XVII ст. // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. 2016. № 13. С. 10–17; Заяць А. Організаційні засади функціонування цехового ремесла в містах Правобережної України в XVI — першій половині XVII ст. // Ефективність державного управління. 2002. № 1–2. С. 99–104.

²³ Bilous N. Testamenty mieszkańców miast Wołynia od końca XVI — do początku XVIII wieku. Katalog. Warszawa, 2017. S. 13.

²⁴ Borkowski R. Cechy rzemieślnicze w Glogowie Malopolskim // Male miasta. Kultura materialna. Białystok — Pilzno — Supraśl, 2022. S. 373.

однако, так и не были полноценным образом опубликованы, представляем найденный в 1974 г. на участке Е 4, кв. 818, в яме № 15 фрагмент ножки аттического чернолакового килика (пол. № Ол-74.1785); археологический контекст: поздняя архаика (конец VI – начало V в. до н. э.)

Килик может быть датирован периодом 550-530 гг. до н. э. (определение Ю. И. Ильиной). На внешней стороне подставки вырезан алфавитный ряд АВΓΔΕΖΗΘΙΚΛΜΝΞΟΠΡΣΤΥΧ<Φ>ΨΩΤ, на стволе ножки видны остатки случайного набора букв ΤΕ[---]Χ/ΞΣ?[---], вырезанных той же рукой, что показывает, что надпись была нанесена на сосуд в период его активного использования, т.е. не позднее последней трети VI в. до н. э. По набору букв графито представляет собой восточно-ионийский алфавитный ряд, включая «мертвые буквы», использовавшиеся в качестве цифровых обозначений так называемого «милетского» цифрового ряда. В то же время форма *ιυ*, точно воспроизводящая финикийский прототип, фиксируется лишь в очень ограниченном кругу алфавитов западной ветви (Южная Эгеида, Эвбея и ее западные колонии); характерны для западной группы также формы *дельты* и *пси*. То же относится и к неправильному с точки зрения ионийского алфавита порядку не-финикийских литер ΧΦΨ.

Известные и другие гибриды, демонстрирующие присутствие в достаточно грамотно выписанном алфавитном ряду нехарактерных для него элементов из другой группы локальных алфавитов. Является ли присутствие нетипичных для неионийских алфавитов букв результатом длительного пребывания переселенца в ионийской языковой среде или трансформация алфавитного ряда произошла еще на родине автора графито, сказать трудно; в любом случае наш абecedарий демонстрирует возрастающее влияние «синих» алфавитов на прочие, что в итоге создало возможности для формирования койне.

На оборотной стороне подставки другой рукой и в более позднее время вырезано еще одно графито: ΑΘΜ | ΕΤ. Надпись может быть понята как частно-владельческая, но скорее она имеет магический характер.

Вовин Алексей Александрович

Professiones iuris ломбардских актов XII — XIII вв. и германское обычное право

В актах северной Италии необычайно долго по сравнению с остальной Европой сохранялись *professiones iuris* — заявления о принадлежности к тому или иному праву (*lex Romana*, *lex langobardorum* и т. д.). Традиционно в историографии считается, что такие заявления были лишь правовым реликтом, не соответствующем правовой и социальной реальности того времени. В настоящем докладе показывается, что по крайней мере в ряде случаев это было не совсем так, а *professiones iuris* могли отражать действительное применение норм германского права в жизни людей этого периода.

Так, например, в актах, связанных с отчуждением собственности (купля-продажа, дарение и пр.), в случае, если тот, кто утрачивал право собственности, заявлял о своей принадлежности к *lex salica* или *lex langobardorum*, перечисленные в акте свидетели также заявляли о своей принадлежности к тому же закону, что (*professio iuris* свидетеля) является исключительным случаем, так как обычно *professio iuris* указывалось только для прямых участников сделки. Последнее может быть объяснено только требованием соответствующих варварских прав, требовавших при отчуждении собственности присутствия свидетелей, принадлежащих к тому же закону.

Таким образом, *professiones iuris* ломбардских актов оказывается уже не простой формальностью, не несущей реального юридического наполнения, а отражением реального применения германского права. В докладе рассматривается материал как опубликованных ломбардских актов (портал lombardiabeniculturali.it, ряда других изданий), так и документов Научно-исторического архива СПбИИ РАН.

Ефимов Андрей Александрович

Организация вручения наград за строительство Большого Ливадийского дворца

Министерство императорского двора (МИДв) внесло значительный вклад в создание многих архитектурных ансамблей Южного берега Крыма, возведя или реконструировав более десятка комплексов резиденций членов дома Романовых. Однако роль МИДв в организации, администрировании и финансировании работ освещена в историографии недостаточно.

В ноябре 1909 года Николай II поручил архитектору Н. П. Краснову проектирование нового дворца в Ливадии. Основные работы завершились к осени 1911 года. Осмотрев новый дворец, Николай II высоко оценил результаты строительства.

По указанию государя 27 сентября 1911 г. был представлен доклад с предложением наград за участие в строительстве. Архитектору Краснову присвоили звание архитектора Высочайшего двора, В. Н. Качалову – звание камергера, полковнику Петру Янову – чин генерал-майора; четыре фирмы стали Поставщиками Высочайшего двора, также назначено к вручению несколько орденов и 16 медалей. Кроме того, были выделены 127 ценных подарков на 12 637 руб. и денежные выплаты на 47 641 руб. Вручением наград занимался управляющий В.Н. Качалов.

Дополнительно было принято решение вручить участникам проекта особые жетоны трех разрядов и печатные свидетельства. Организация изготовления жетонов была поручена Камеральной части Кабинета ЕИВ, а из предложенных вариантов был одобрен один из проектов фирмы Фаберже. Было заказано 5 000 печатных свидетельств, из которых 4 000 за подписями Н. П. Краснова и 1 000 подписанных В. Н. Качаловым. Списки на награждение жетонами готовились с октября по ноябрь 1911 г., основной вклад в их формирование внес Н.П. Краснов. Основные награждения жетонами и свидетельствами происходили с марта по май 1912 года, однако отдельные прошения поступали до декабря 1912 г., но часть была отклонена. Завершение согласования списков заняло время из-за необходимости синхронизации данных из разных источников и задержек с изготовлением наград.

Новикова Мария Андреевна

Частные письма русской элиты первой трети XVIII в.: задачи и приемы изучения

Несмотря на то, что традиция частного письма складывается в России еще в XVII веке, именно в первой трети XVIII века частная переписка начинает играть важную роль в социокультурном опыте личности. Следуя определению, предложенному Ю.М. Лотманом, частное письмо представляет определенную рецепцию реальности, в которую включен субъект и отражено его сознание²⁵.

Фокус исследовательского внимания сосредоточен на русской элите, поскольку именно ее в наибольшей степени затронула культурная модернизация Петровской эпохи. В частности, расширялась социокультурная мобильность, актуализировались вопросы установления коммуникативных связей, что увеличивало потребность в регулярном письменном общении. В первой трети XVIII в. частная жизнь становилась важным элементом быта дворянства, так как в обществе складывалось строгое деление поведения на публичное и приватное.

Эмпирическую основу исследования составили 135 писем представителей российской элиты из трех фондов РО РНБ (№ 124, 480, 650). Выбор указанных фондов обусловлен содержанием в них писем большинства представителей Императорского дома Романовых и приближенных к ним. Включенные в исследование источники датируются 1705–1730-ми гг. Преимущественно письма написаны на голландской бумаге. Как

²⁵Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. 640 с.

правило, лист сложен вдвое (наподобие тетради). Число страниц различно и зависит от объёма изложенных сведений, почерка автора письма и числа участвующих в написании письма лиц. Встречаются также «письма-конверты», которые представляют собой сложенный лист, и на них присутствует печать сургуча или воска.

Для анализа структурно-содержательного аспекта частных писем нами используется подход, предложенный В.А. Сметаниным²⁶. Согласно данному подходу, письмо необходимо рассматривать в контексте времени, поскольку для каждого исторического периода характерна определенная структура письма. Изучение архитектоники письма строится не только на определении его основных частей, но и на разделении основных компонентов на эпистолярные формулы. Архитектоника русского письма во многом заимствует структуру византийского письма, которое включало в себя следующие обязательные части: инскрипт, прескрипт, семантема и клаузула²⁷.

Тематическое содержание письма раскрывается в семантеме. Именно тематика, помимо письменного речевого этикета и стиля, во многом позволяет определить письмо как частное.

Большая часть частных писем рассматриваемого периода — просительные. Самой распространённой и шаблонной формулой для семантемы частного просительного письма выступает просьба сообщить о состоянии здоровья адресата. Другие просьбы, встречающиеся в рассматриваемой категории, связаны с присылкой денег, неоставлением в милости, передачей посылки и т.д.

Еще одним поводом для написания писем указанного периода является поздравление. Анализ поздравлений позволяет говорить о сосуществовании светского и религиозного в частной жизни элиты. Поздравительные письма посвящены тезоименитству, дню рождения, Пасхе, Рождеству, рождению ребёнка, свадьбе. Семантема таких писем может содержать только само поздравление, однако, иногда встречаются и тексты пожеланий авторов адресатам.

Кроме того, ряд писем первой трети XVIII в. посвящен хозяйственно-бытовым вопросам. Среди писем данной категории присутствует обсуждение строительства, посылки денег, ведения хозяйства и т.д.

Анализируя основные темы частных писем русской элиты первой трети XVIII в., можно заключить, что самым распространённым поводом для написания письма выступает просьба. То, каким образом авторы выстраивают семантему письма, свидетельствует об их стремлении установить и сохранить коммуникативную связь с адресатом.

Мы полагаем, что изучение частных писем должно включать анализ всех компонентов письма, поскольку каждый из них, в том числе и материальный, обладают дополнительными значениями и смыслами, отсылающим к определенным коммуникативным стратегиям и задающим контекст эпистолярного взаимодействия.

Пиотровская Елена Константиновна

Личные дела сотрудников СПб ИИ РАН XX-XXI вв.: научно-исторические и морально-этические проблемы

По заданию дирекции Института мне надлежало ознакомиться с несколькими личными делами сотрудников СПбИИ РАН (ранее ЛОИИ СССР АН СССР, СПбФ ИРИ РАН). Все шесть личных дел сотрудников: И.И. Смирнова, Е.Э. Липшиц, Н.А. Казаковой, А.И. Копанева, М.П. Ирошникова, Г.А. Победимовой – отложились в нашем Архиве и имеют специфику хранения.

Первоначально личные дела сотрудников хранились в Отделе кадров и выдавались только по разрешению дирекции. Однако, волевым решением в начале XXI в. они были

²⁶Сметанин В.А. Эпистолагафия. Свердловск, 1970. 181 с.

²⁷Сметанин В.А. Эпистолагафия. Свердловск, 1970. 181 с.

переданы в Архив Института. Это решение было закреплено в одной из редакций действующего Устава Института в те годы.

При обращении к документам, составляющим корпус личных дел, возникают размышления и проблемы, которые в дальнейшем могут иметь важное значение для изучения исследовательского процесса и научных, первоочередных направлений изучения истории разных периодов земной цивилизации в профессиональном сообществе.

Кроме того, дела – свидетельствуют о необыкновенной преданности служения ученых в нашем Институте. Все научные сотрудники, дела которых хранятся в Архиве, работали в нашем учреждении в разные годы: от первых лет его создания и в период рассвета в 60-е – 80-е гг. XX в. Они пережили «чистки», войну, ленинградскую блокаду, эвакуацию, угрозу закрытия института, и несмотря на все превратности судьбы, оставались людьми и поддерживали друг друга в трудных обстоятельствах. Все постоянные исторические проблемы: власть и общество, роль личности в социуме, различные научные связи с учреждениями историко-филологического профиля, с учреждениями культуры нашего города, страны и за рубежом с разной полнотой информации свидетельствуют об их большом вкладе в отечественную историографическую традицию. Для создания полноценных исторических портретов каждого из этих ученых необходимо привлечение не только сведений из личных дел, но и сличение этих данных с уже опубликованными материалами переписки, мемуаров и устных рассказов, сохранившихся в стенах нашего института. Большое значение имеет морально-этический аспект использования отдельных материалов личных дел, в которых отложились свидетельства, на наш взгляд, и документы очень деликатного характера.

Проскуракова Мария Евгеньевна

Преступления служащих нижних чинов Выборгского и Кексгольмского гарнизонов в 1710–1740 гг.

Исследование посвящено проблеме военного права и правоприменения в военных судах России XVIII в. В последние два десятилетия российскими специалистами было опубликовано несколько работ по проблеме военного права и правоприменения в военных судах XVIII в. Внимание историков оказалось привлечено к несоответствию законов, принятых по воле Петра I против преступлений военнослужащих, и выносимым в судах приговорам (Б. А. Азнабаев, Е. М. Лупанова, А. В. Дмитриев, Д. А. Письмак). По закону беспощадно карались даже самые незначительные проступки военных. Однако решения полковых судов при утверждении их в Военной коллегии зачастую пересматривались в сторону смягчения наказаний. Несмотря на то, что проблема обсуждается в современной научной литературе, правоприменение в первой половине XVIII века по-прежнему остается малоизученной темой. В докладе внимание сосредоточено на преступлениях и дисциплинарных проступках унтер-офицеров, солдат и нестроевых нижних чинов.

В работе сопоставляется государственное законодательство и приговоры, вынесенные в отношении гарнизонных служащих Выборга и Кексгольма. Хронологические рамки исследования — это 1710-е — 1740 гг., то есть начальный период использования в юридической практике двух основных актов военного права Петровской эпохи — Военно-процессуального кодекса и Артикула воинского (оба — 1715). Важнейшей особенностью русской военной судебной системы того времени было утверждение (конфирмация) судебных решений. Принципиальное значение для формирования в России этой системы имел императорский указ 3 марта 1719 г. Ревизионно-решающей инстанцией для полковых судов стал генеральный кригсрехт (суд). В нем в качестве судей выступали высшие армейские командиры. Указ требовал направлять каждый приговор генералитета на утверждение. После утверждения высшим генералитетом приговоры направлялись на рассмотрение в Военную коллегию.

Изучение данных по Выборгскому и Кексгольмскому гарнизонам позволило выявить наиболее распространенные преступления служащих нижних чинов. Чаще всего

их судили за совершение побегов и краж. Нередко военные также обвинялись в плохом исполнении служебных обязанностей и пьянстве. Такие преступления как ложное доносительство, покушения на жизнь и половую неприкосновенность происходили значительно реже. Как правило, все правонарушения унтер-офицеров и рядовых рассматривались полковым судом, а затем Военной коллегией в сжатые сроки. Если судьи полкового суда, вынося приговор, строго руководствовались нормами Артикула, то Коллегия почти никогда не следовала им: смертную казнь заменяли различными телесными наказаниями, реже — каторгой. За совершение кражи наказывали также, как и за любой дисциплинарный проступок: шпицрутенами. Таким образом, в повседневной судебной практике первой половины XVIII в. нормы Артикула были существенно скорректированы и действовал иной свод неписанных правил, значительно менее суровых.

Раздорский Алексей Игоревич

Еженедельные записки губернаторов министру внутренних дел за 1860–1880-е годы как исторический источник

Губернаторы Российской империи были обязаны представлять в вышестоящие инстанции различные отчетные документы о состоянии дел во вверенных их управлению губерниях. Из них наибольшей известностью пользуются всеподданнейшие ежегодные отчеты, которые губернаторы с 1804 г. спорадически, а с 1837 г. систематически представляли на личное рассмотрение императорам вплоть до 1916 г.

В XIX — начале XX в. губернаторы являлись, с одной стороны, личными представителями императора на местах, а с другой — чиновниками Министерства внутренних дел (МВД), которому были также подотчетны. Поэтому наряду со всеподданнейшими отчетами, копии которых в обязательном порядке поступали в МВД, губернаторы направляли министру внутренних дел и другие отчетные материалы. Так, они были обязаны представлять донесения о разного рода происшествиях и особо значимых событиях, случившихся в губерниях, которые высылались либо в виде конфиденциальных представлений на имя министра, либо в виде срочных ведомостей, составленных по определенным законом формуляру. В срочных ведомостях, формировавшихся на основе донесений, поступавших губернаторам от городничих и уездных исправников, которые в свою очередь получали информацию от частных и станowych приставов, отражались далеко не все заслуживающие внимания центральных властей события и происшествия. В ряде случаев сведения о них представлялись несвоевременно и с недостаточной полнотой. Негативная информация нередко утаивалась губернаторами, стремившихся выставить себя перед начальством в выгодном свете. В результате осведомленность высших столичных чиновников о подлинном положении дел в различных регионах империи оставляла желать лучшего.

Секретным циркуляром от 10 октября 1864 г. министр внутренних дел П. А. Валуев обязал губернаторов представлять на его имя краткие еженедельные записки. Устанавливались две формы такого рода документов. Форма 1 включала сведения о разного рода происшествиях, скандалах, сплетнях, слухах; недоразумениях в губернском дворянском собрании; сообщения о пожарах, стихийных бедствиях, уголовных преступлениях, несчастных случаях, неповиновении властям и мерах, предпринятых для исправления положения. Форма 2 использовалась при отсутствии значимой для МВД информации и состояла из стандартной формулировки «в течение минувшей недели ничего, заслуживающего особого внимания, не произошло».

Еженедельные записки носили секретный характер, их следовало адресовать непосредственно министру в конверте с надписью «в собственные руки». Губернаторы в записках должны были «изъясняться без всяких редакционных предосторожностей, с полной откровенностью». Сведения, о которых не следовало знать даже писарю губернаторской канцелярии, губернатор должен был вписывать в документ

собственноручно. В отсутствие губернатора записку подписывал вице-губернатор, а когда на месте не оказывалось и его — управляющий казенной палатой.

На практике далеко не все губернаторы аккуратно соблюдали установленный циркуляром от 10 октября 1864 г. порядок представления еженедельных записок. Постепенно цикличность их подачи стала все чаще и чаще нарушаться. Одни губернаторы присылали эти документы лишь от случая к случаю и со значительно большими чем неделя интервалами, другие считали возможным их вовсе не подавать, третьи ограничивались представлением отписок, уведомлявших министра внутренних дел об отсутствии в губернии сколько-нибудь значимых событий и происшествий. 4 ноября 1883 г. в МВД в обстановке чрезвычайной секретности был подготовлен и разослан всем губернаторам новый циркуляр, требовавший от них неукоснительного соблюдения положений циркуляра 1864 г. Однако и это распоряжение большинством губернаторов было проигнорировано. К концу 1880-х годов рассматриваемые документы фактически изжили себя, их бесполезность, по мнению М. М. Шумилова, посвятившего еженедельным запискам губернаторов специальную статью, опубликованную в 21-м томе «Вспомогательных исторических дисциплин», стала для всех очевидной.

Сведения о количественном, географическом и хронологическом составе корпуса еженедельных губернаторских записок в исторической литературе до сих пор не были приведены. Установлено, что рассматриваемые документы хранятся в РГИА в фонде 1282 (Канцелярия МВД). Надо полагать, что копии записок, учитывая их особую секретность, на местах не оставлялись, и поэтому в региональных архивах они, по всей видимости, отсутствуют. Всего в указанном архивном фонде находится 101 дело, в составе которых находятся еженедельные губернаторские записки. Эти источники имеются по 54 губерниям Российской империи. Все они, за исключением Тобольской и части Пермской губернии, располагались в европейской части страны. Среди регионов, по которым имеются записки, значатся прибалтийские губернии и губернии Царства Польского, но нет кавказских губерний и губерний Великого княжества Финляндского, что связано, надо полагать, с их особым статусом в системе административного устройства страны. По неизвестной причине отсутствуют дела с записками по Архангельской, Вологодской, Гродненской и Рязанской губерниям.

В хронологическом плане корпус дел, содержащих записки, распадается на три группы. К первой относятся дела, содержащие записки начиная с 1864 г., то есть с начала составления этих документов, до рубежа 1870–1880-х годов, ко второй — записки за 1881 и 1882 гг., к третьей — записки с 1883 г., то есть с издания повторного циркуляра, и до 1890 г. После этого времени составление подобных документов прекращается.

Дела с еженедельными записками насчитывают от нескольких до нескольких сотен листов. Сами записки обычно невелики по объему. Как правило, их текст расположен либо на одной стороне листа формата в двойку или (реже) в четверку, либо заходит на его оборот. Записки, состоящие из двух и более листов, встречаются сравнительно редко. Каждая записка собственноручно подписана губернатором или замещавшим его лицом. В ряде записок после основного текста, написанного писарем губернаторской канцелярии, имеются собственноручные приписки, сделанные губернатором. Обычно это те самые сведения, которые писарю знать не следовало.

В рассматриваемых источниках получили отражение самые разные стороны жизни различных регионов Российской империи. Эти документы включают, в частности, сведения по истории земства, крестьянского дела, здравоохранения, пожарной службы, тюремной системы, содержат информацию для характеристики быта и нравов различных социальных слоев населения, в них имеются фактические данные, носящие иногда уникальный характер, по истории революционного движения на местах. Сведения, приведенные в еженедельных губернаторских записках, отличаются значительной пестротой. При этом какие-либо из ряда вон выходящие события и происшествия в них фиксировались сравнительно редко. Губернаторы сообщали в основном о случившихся в

губернии пожарах (в том числе произошедших в результате поджогов), эпидемических заболеваниях и эпизоотия, стихийных бедствиях (град, бури, наводнения), о ходе рекрутского набора, а позднее воинского призыва, об итогах дворянских выборов, о деятельности земских органов, о резонансных убийствах и самоубийствах, громких кражах и грабежах, об авариях на железной дороге и промышленных предприятиях. Время от времени губернаторы писали о слухах и сплетнях, связанных с отставкой или назначением тех или иных чиновников, а также приводили истории о разного рода скандалах, случившихся в местном обществе.

По характеру приведенных сведений, объему и структуре, а также периодичности представления еженедельные записки губернаторов 1860–1880-х годов можно в какой-то степени уподобить губернаторским донесениям, подававшимся на высочайшее имя в 60–90-е годы XVIII столетия.

Срединская Наталья Брониславовна

Акты Феррары XII—XV веков: опыт описания и публикации

Постоянная плановая тема моих работ – исследование и введение в научный оборот подлинных и в большинстве своем ранее не опубликованных материалов Западноевропейской секции Научно-исторического архива СПбИИ РАН.

Итогом многолетней работы над актами Феррары стала публикация «Акты Феррары XII—XV веков. Из архивов Санкт-Петербурга и Модены». Подготовка издания осуществлялась совместно с Е. В. Бернадской (2018-2004), на завершающем этапе подготовки при участии И.Д. Травина. Книга продолжает традицию издания актового материала средневековой Италии из собрания ученого и коллекционера «сказочного размаха», как называли его современники, академика Николая Петровича Лихачева (1862–1936), сложившуюся в Институте истории Академии наук начиная с 30-х гг. XX в. Это «Акты Кремоны X–XIII вв.»²⁸, «Акты Кремоны XIII–XVI вв.»²⁹, «Итальянские коммуны XIV–XV вв.»³⁰, «Акты Падуи XIII–XIV вв.»³¹.

В книге объединены ранние документы известного феррарского рода Сакрати — две части некогда единого комплекса актов, ныне хранящиеся в Архиве СПбИИ РАН и Государственном архиве Модены. В этом состоит одна из особенностей этого издания, включающего материалы не только петербургского собрания.

Отличие и достоинство этого комплекса актов определены кругом деятельности фондообразователя. Это ростовщичество и извлечение доходов от сделок с землей, вследствие чего в сборнике присутствуют виды договоров, не встречавшиеся в других публикациях собрания Н.П. Лихачева — договоры займа, акты обращения взыскания на имущество несостоятельного должника, узус — специфически феррарский вид держания земли и др. Значительная часть актов опубликована полностью, что дает возможность их использования для самого широкого круга исследователей.

Литература:

Акты Феррары XII—XV веков. Из архивов Санкт-Петербурга и Модены / Изд. подг. Е. В. Бернадская, Н. Б. Срединская. СПб.: Наука, 2024 — 223 с.

²⁸ Акты Кремоны X-XIII веков в собрании Академии Наук СССР / подг. к изд. С.А. Аннинского; под ред. О.А. Добиаш-Рожественской. М.; Л., 1937.

²⁹ Акты Кремоны XIII-XVI веков в собрании Академии Наук СССР / под ред. В.И. Рутенбурга, Е.Ч. Скржинской. М.; Л., 1961.

³⁰ Итальянские коммуны XIV-XV веков. Сборник документов из Архива Ленинградского отделения института истории АН СССР. М.-Л., 1965.

³¹ Акты Падуи конца XIII-XIV в. в собрании Академии наук СССР / сост. Е.Ч. Скржинская, А.М. Кононенко, В.И. Мажуга. Л., 1987.

Деятельность таможенных голов и целовальников в Сибири середины — второй половины XVII века (по материалам фонда Якутской воеводской избы СБИИ РАН)

В результате реформы 1550–1570-х гг., были созданы *приказы* – центральные органы государственного управления. Органами местного самоуправления в уездах стали подчиненные центру *избы*. Важное место в системе местных учреждений занимала *таможенная изба*.

В начале XVII в. местную администрацию возглавили воеводы, которые контролировали деятельность местных учреждений, в частности, следили за укомплектованием таможен. Воевода должен был обеспечивать порядок в таможнях, следить за поведением таможенных голов и целовальников на службе и в частной жизни, но в практическую деятельность таможни ему вмешиваться запрещалось под угрозой опалы. Статья 1 Новоторгового устава 1667 г. прямо гласила: «... а гостя с товарищи воеводам в таможенных торговых во всяких делах ни в чем не ведать, чтоб в том великого государя казне в сборах порухи не было» [Таможенное дело России: сборник документов и материалов, с. 148].

Для каждой таможни выдавалась своя собственная уставная таможенная грамота, оригиналы которой хранились непосредственно в таможенном учреждении: «...а держатися уставная грамота в таможенном в казенном ларце, для вперед иных таможенников, а к себе таможником сее грамоты не имати» [РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 224. Л. 11]. По истечении срока полномочий таможенных служителей им предписывалось «сию таможенную уставную грамоту отдавати новым таможенникам, которые на их место в той таможенной пошлине будут».

Вступление в должность таможенников сопровождалось определенной процедурой, на первом этапе которой они приносили присягу. Так как процедура принесения присяги в те времена сопровождалась целованием креста, присягнувшие лица стали называться целовальниками, которые знакомились с содержанием уставной таможенной грамоты своей таможни и принимали у смененных таможенников имущество таможни.

Первоначально и таможенный голова, и целовальники избирались из числа местного населения, но в XVII в. во избежание злоупотреблений таможенных голов стали присылать из других мест. Чтобы обеспечить порядок в таможнях, предписывалось голове следить за целовальниками, целовальникам — за головой и друг за другом, в случае обнаружения злоупотреблений надлежало сказать воеводе или писать государю. Недоносительство о должностных нарушениях расценивалось как соучастие.

Служба в таможнях была серьезным испытанием еще и потому, что таможенники были материально ответственны за сбор пошлин – «недобор таможенных пошлин, что у них перед прежними годы в недоборе будет, велит государь на них же взять вдвое».

Цель доклада проанализировать конкретные условия таможенной службы в Якутской воеводской избе в середине – второй половине XVII века, используя материалы 160 фонда Архива СБИИ РАН.

Новые данные о россияне в Западноевропейской секции Научно-исторического Архива СБИИ РАН

Хранящиеся в Западноевропейской секции Научно-исторического архива СБИИ РАН документы, повествующие о России, распределены главным образом между двумя коллекциями. Коллекция 39 (Россия) насчитывает 5 картонов, которые содержат в себе 179 единиц хранения. В коллекции 45 (Антоний Поссевино) — 1 картон, который содержит в себе 51 единицу хранения. Материалы обеих коллекций поступили в Архив в 1936 году в составе других документов Западной Европы из собрания академика Николая Петровича Лихачёва (1862–1936).

Большую часть Коллекции 39 составляют, как следует из её названия, различные документы, касающиеся России, написанные в России или написанные иностранцами, деятельность которых относилась к России. Помимо писем иностранных дипломатов, служивших в России, и иностранных учёных на русской службе в коллекции хранятся два больших массива документов на польском и шведском языках, сборник донесений о завершающем этапе Семилетней войны, а также несколько сочинений о русских обычаях.

На обложках некоторых документов сохранились пометы рукой Н.П. Лихачёва с указаниями на аукционные дома, где были куплены рукописи: кёльнская фирма Иоганна Маттиаса Хеберле, берлинские фирмы Карла Эрнста Хенрики и Лео Липмансзона, лейпцигская фирма Лист и Франке, римская фирма Карло Луцциетти.

Коллекция 45 целиком состоит из копий деловых бумаг Антонио Поссевино (*Antonio Possevino*, 1534–1611), итальянского иезуита, писателя и дипломата (с 1572 по 1578 годы – секретарь генерала ордена Общества Иисуса, в 1581 году папский нунций в Москве). Копии были созданы в XIX веке в Ватиканском архиве и заверены его префектом Марино Марини (*Marino Marini*, 1783–1855). Документы повествуют о военном конфликте между Иваном Грозным и Стефаном Баторием на заключительном этапе Ливонской войны, а также о предпринятых сторонами попытках по достижению мира.

Первые инвентарные описи материалов этих коллекций были составлены в середине XX в. Сергеем Александровичем Аннинским (1891–1942), хранителем Западного отдела Архива ЛОИИ АН СССР (1936–1942 гг.). Описи ограничивались по большей части лишь именем персоны, указанной в тексте документа, а в некоторых случаях – одной лишь датой составления. Отметки в листах использования показывают, что за последние сто лет материалы коллекций были исследованы довольно слабо.

Настоящий доклад является итогом годичной работы по обновлению описей коллекций россики, хранящихся в Западноевропейской секции Научно-исторического Архива СПбИИ РАН, во время которой были заново атрибутированы многие документы коллекций.

Чиркова Александра Викторовна

К истории приобретения памятников из собрания Н.П.Лихачева.

Документы из коллекций У. Снейда и Дж. Э. Ходжкина

Англиканский священник, карикатурист-любитель Уортер Снейд (1809–1888) был для своего времени крупным коллекционером рукописей и редких печатных книг. Университет Киля (*Keele, Staffordshire*), основанный в 1949 г. на месте приобретенного в казну родового имения Снейдов, приобрел так же остатки этой грандиозной библиотеки и семейный архив с богатой перепиской, которая отчасти показывает связи и интересы коллекционера. Значительная часть этого книжного собрания распродавалась через антиквариат «Сотби, Уилкинсон и Ходж» 16–19 декабря 1903 г. Благодаря посредничеству Бернарда Альфреда Кварича (1871–1913), сыну основателя одноименного аукционного дома, Н. П. Лихачеву удалось тогда сделать несколько приобретений. Они были выявлены Л. Г. Климановым по экслибрисам Снейда и по каталогу продаж, хранящемуся сейчас в Библиотеке Института (статья 2002 г. в 28 томе «Вспомогательных исторических дисциплин»). Это одна редкая печатная книга, выпущенная в Петербурге, с описанием знаменитого Ледяного дома 1741 г. и три рукописи: редкий список Апиция XV в., сборник с «Описанием Московии» Франческо Тьеполо и том с материалами по различным магистратам Венеции XVI–XVII в. При последней сохранился каталог Сотби, переданный в 1960-х гг. в Библиотеку. Автографов и писем, однако, в этой части собрания Снейда нет, а они в его коллекции были и оформлены они были совсем иначе.

При документе, который в настоящее время представлен на выставке в Палеографическом кабинете, сохранилась рукописная обложка с изысканно выписанной английской аннотацией, полной транскрипцией и перерисовкой монаршей подписи. Речь идет о письме Кристиана II Ольденбурга, низложенного короля Дании, Норвегии (1513–

1523) и Швеции (1520–1521), который на момент написания находился в изгнании в Нидерландах и среди прочего был занят сбором средств для отвоевания датской и норвежской короны. Письмо составлено 8 декабря 1525 г. в Звейнарде (Восточная Фландрия), адресовано Томасу Вулси, архиепископу Йоркскому (1514–1530) и является верительной грамотой королевского посланника – гербового короля по прозвищу «Dennemark», шотландца Давида Кока (Kock – *Heise*, 1895; Cocker – по предположению И. Х. Гамеля, 1856), Кокрона (Cokron – *Strype*, 1822) или Кочрейна (Cochrane – *Grosjean*, 2009; de Coge – в тексте письма) (ум. 1529), несколько раз посещавшего Москву между 1496 и 1521 гг. с дипломатической миссией. В правом нижнем углу на этой обложке стоит имя Уортера Снейда. Слева вверху – номер лота, соответствующий другому каталогу продаж той же фирмы Сотби 22–24 апреля 1913 г., который отмечен на второй обложке этого письма рукой Н. П. Лихачева.

В собрании ЗЕС есть еще один документ с такой же обложкой, на котором, кроме транскрипции и англоязычной аннотации присутствует рисунок свинцовой папской печати. Это послание Иннокентия IV 7 декабря 1247 г., адресованное консулам Генуэзской республики. На этой обложке стоит помета Н. П. Лихачева «От Barnard (и очень дорого!)». Имеется в виду еще один его контрагент – Перси Мордаунт Барнард (1868–1941), антиквар и книготорговец из Кента. Однако в данном случае, отмечен не источник покупки, а посредник. Оба документа обнаруживаются в каталоге Сотби 1913 г. Помета Н. П. Лихачева на обложке письма Кристиана II: «*Коллекция «J. E. Hodgkin» (автора Rariora) <...> Обошлось 31 рубль и считаю дешево. Н.Л.»* Джон Элиот Ходжкина (1829–1912), инженер из Ричмонда (Суррей), известен тем, что в 1902 г. составил весьма красочный обзор своего собрания в трех томах – с транскрипциями и фототипическим воспроизведением некоторых памятников. Наряду с некоторыми антикварными каталогами он использовался антикварами и самими коллекционерами для атрибуций, и в таком качестве безусловно был знаком Лихачеву. Письмо датского короля – единственное в своем роде – отмечено на страницах 1 тома этого каталога в числе других 72 документов, в основном XVI–XVII вв., связанных с историей английских и некоторых других правящих фамилий. Послание Иннокентия IV в «*Rariora*» не значит, хотя какие-то папские документы, более поздние, там есть, и судя по каталогу продаж Сотби, это был второй по древности документ в собрании Ходжкина (первый – один из древнейших списков Великой Хартии вольностей, который в «*Rariora*» приведен полностью). Пока остается неясным, кому принадлежали эти владельческие обложки – Дж. Э. Ходжкину или самому У. Снейду. Так же не ясно, знал ли Н. П. Лихачев при покупке этих памятников, что он приобретает документы из уже знакомой ему книжной коллекции.

Лаборатория комплексного исследования рукописных памятников

Баскакова Юлия Павловна

Исследование исторических текстов сопряжено с проблемой их выцветания. Иногда это происходит под действием времени в связи с разрушением химических формул, а иногда под действием внешних факторов, например попавшее под дождь письмо еще в период бытования, случайно разлитая вода или масло. Использование современных технологий позволяет выявить текст, не причиняя вреда самому документу. Есть два способа, один наиболее распространенный, это выявление текстов в ультрафиолете. И второй требующий специфического оборудования, выявление текстов с помощью гиперспектральной камеры.

Съёмка угасающих текстов в ультрафиолете возможна в основном, когда чернила реагируют на ультрафиолетовый свет, поглощая его и не давая люминесценции, в то время как бумага отражает свет и таким образом чернила выделяются на фоне бумаги или пергамена, даже когда выцвели полностью. По-другому обстоят дела, когда чернила не

реагируют на ультрафиолет и нет возможности с помощью него вытащить текст. Здесь нужна гиперспектральная камера, которая пишет цвет диапазоне 270 цветов, в то время как обычная даже профессиональная камера видит только три RGB (красный, зеленый, синий). Гиперспектральная камера разделяет отражённый от объекта свет на узкие спектральные полосы, захватывает и обрабатывает их по отдельности, и таким образом, фиксирует спектральную характеристику каждого пикселя получаемой картинки. При последующей обработке изображения это даёт возможность проявить текст, что невозможно сделать в фотошопе после съёмки на обычную камеру. Гиперспектральная камера выдает сырой файл с набором спектров, для получения изображения необходима дальнейшая его обработка в специализированной программе. Которая и позволит разложить картинку по спектральным полосам, собрать изображение во едино и выявлять то, что необходимо. Так можно разделить тексты, если один написан поверх другого или они написаны разными чернилами, т.е. возможно прочесть каждый текст в отдельности. Если одинаковыми чернилами, или сильно замазанные или верхние будут значительно темнее, то у них будут одинаковые спектральные полосы или верхние перекрывать нижние соответственно, что делает разделение невозможным. Очень удобна гиперспектральная камера, когда необходимо усилить текст, написанный карандашом, и который начал растираться. Съёмка на обычную камеру с последующей обработкой в фотошопе не даёт возможности убрать шум от этого же карандаша, когда он растирается. А гиперспектралка позволяет от него избавиться и усилить только ту часть, которая нам необходима. Так же возможно выявление размытых текстов, если хоть в следовых количествах остались чернила, чаще всего в подобных ситуациях ультрафиолет уже не действует, т.к. чернила размылись и не чему реагировать на свет.

Возможность использования обоих методов комплексно позволяет наиболее информативно восстановить затёртые или угасшие тексты и подойти к выявлению текста каждого документа индивидуально.

Омельченко Дарья Михайловна

Текстологическое сопровождение рецептурного сборника «*Marræ clavicula*» в кодексах IX-XIV вв.

«*Marræ clavicula*» – латинский сборник технических рецептов, в основе которого лежит греческий позднеантичный трактат (к настоящему времени утраченный). Тематика рецептов довольно широка: от получения красок до изготовления отравленных стрел. В нескольких рецептах под большим секретом рассказывается о том, как имитировать золото. Отдельные фразы свидетельствуют о том, что изначальный греческий текст мог иметь гностические корни. В числе его возможных авторов называют Зосиму Панопольского (IV в.), одного из основателей алхимии.

В отличие от трактатов Ираклия «О красках и искусствах римлян» (X в.) и Теофила «О различных искусствах» (XII в.), давно ставших объектами внимания учёных, сборник «*Marræ clavicula*» пока слабо изучен. Самым ранним свидетельством существования латинского текста считается запись 821–822 гг. в библиотечном каталоге монастыря Райхенау – одного из центров Каролингского возрождения.

К настоящему времени известны 10 списков «*Marræ clavicula*» различной степени полноты и несколько фрагментов. Лишь один список, находящийся сейчас в США (ms. Phillipps 3715), существует как отдельный кодекс. Все остальные являются частями более крупных кодексов IX-XIV вв., каждый из которых составлен или одним писцом или в одном скриптории.

Среди вопросов, на которые пока нет однозначного ответа: насколько практический характер носили приведённые в «*Marræ clavicula*» рецепты. Существуют две противоположные точки зрения. Одни исследователи настаивают на воспроизводимости описанных технических процессов. Другие утверждают, что с технической точки зрения многие рецепты выглядят сомнительно. Правильная латынь, ссылки на таинственность

операций, невозможность идентифицировать целый ряд ингредиентов наводят исследователей на мысль, что «*Marræ clavicula*» – это не свидетельство средневековой ремесленной практики, а образец «технического» языка, которому стремились подражать.

Ответить на некоторые вопросы, связанные с бытованием и значением «*Marræ clavicula*», можно было бы, проанализировав текстологическое сопровождение списков этого произведения в кодексах. Филолог Джулия Брун предложила выделять в текстологическом окружении «*Marræ clavicula*» группу разнообразных по содержанию технических рецептов, не относящихся к какому-то конкретному автору или произведению. Исследовательница назвала эту группу, в том или ином объёме переходившую из кодекса в кодекс (таковых около 20), «*Corpus artium*» («Свод искусств»). По её мнению, начиная с Античности, этот корпус рецептов служил своеобразным каналом передачи ремесленных знаний. Довольно часто «*Corpus artium*» в кодексах примыкал к известным трактатам: «Десять книг об архитектуре» Марка Витрувия Поллиона (2-я пол. I в. до н.э.), римского инженера, архитектора и теоретика архитектуры; «О различных архитектурных приёмах» писателя Марка Цеция Фавентина (III-IV вв.), «О сельском хозяйстве» Рутилия Тавра Эмилиана Палладия (IV-V вв. н.э.).

С другой стороны, в довольно пёстром составе кодексов с «*Marræ clavicula*» есть произведения, повторяющиеся лишь в нескольких случаях. Их можно условно разделить на несколько групп: повествования о диковинах, трактаты (в основном, псевдоэпиграфы) об алхимии, астрономии, минералогии, руководства по медицине и исчислению времени. Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что «*Marræ clavicula*» отнюдь не всегда воспринималась средневековыми читателями как практическое руководство.

Шетилова Елена Михайловна

Выявление различий между двумя сериями желатин серебряных фотографий А.А. Иванова-Терентьева и Н.Е. Лансере 1910-х годов

Необходимость сопоставления фотографий А.А. Иванова-Терентьева и Н.Е. Лансере возникла в связи с некорректностью их атрибуции в ряде интернет-источников. Неточность могла возникнуть в связи с тем, что оба фотографа были архитекторами, фотографировали в основном памятники архитектуры, были знакомы, обменивались фотографиями, не всегда подписывая их.

Благодаря комплексному анализу отпечатков этих авторов, хранящихся в частных собраниях и сравнению их с музейными экспонатами, представленными в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации, был проведен стилистический анализ художественного почерка обоих авторов, а также восстановлены их творческие фотографические биографии. Атрибуция мест съемки, уточненная датировка отпечатков и сравнение надписей на оборотах снимков, позволили сделать выводы, что фотографии сделаны разными авторами.

Выводы, основанные на знаточестве, целесообразно было подкрепить естественнонаучными методами исследования.

Микроскопия эмульсионного слоя показала, что желатиновая эмульсия фотографий Иванова-Терентьева А.А. имеет более равномерную структуру и содержит меньшее количество соринок, чем эмульсия фотографий Лансере Н.Е.³²

Методом рентгенофлуоресцентного анализа установлено, что все фотографии обеих коллекций напечатаны на баритовой бумаге.³³

ИК-Фурье спектроскопия эмульсионного слоя фотографий обеих коллекций выявила³⁴, что спектры всех фотографий коллекции Иванова-Терентьева А.А. и почти все

³² Микроскопия выполнялась на микроскопе МСП-2 вар.5 ЛОМО.

³³ РФА выполнялось на РФА-анализаторе «ЭкросХим»

³⁴ ИК-Фурье спектроскопия выполнялась на ИК-спектрометре ALFA – II (Bruker) с с НПВО приставкой (Алмаз)

спектры коллекции Лансере Н.Е. соответствуют спектрам эмульсии желатино-серебряного процесса печати, приведённым в книге «Silver gelatin» [1].

Несколько фотографий коллекции Лансере Н.Е. имеют спектр соответствующий коллоидной эмульсии, т.е. нитроцеллюлозе, что может означать наличие на поверхности желатиновой фотографии цапонлака.

Анализ ИК-Фурье спектров методом главных компонент (МГК) наглядно показал, что спектры фотографий коллекций Иванова-Терентьева А.А. и Лансере Н.Е., сделанные, как со стороны эмульсии, так и с обратной стороны, т.е. со стороны бумаги-основы, группируются в кластеры в соответствии с принадлежностью той или иной коллекции. Это говорит о том, что и эмульсия, и бумага-основа фотографий внутри одной коллекции обладают близкими свойствами, но отличаются от этих свойств другой коллекции.

Список литературы:

1. Dusan C. Stulik & Art Kaplan Silver gelatin / The Atlas of Analytical Signatures of Photographic Processes // The Getty Conservation Institute, © 2013 J.Paul Getty Trust. С. 17.